

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2026 – 1

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – МА (Дортмундский технический университет); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Титаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2026

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2026 – 1

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN, HSE University); *Ya.V. Evseeva* – MA (TU Dortmund University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (HSE University, INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia, INION RAN, HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University, INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University, FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.00

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: БУДУЩЕЕ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ядова М.А. Образ будущего в зеркале социальных наук: введение к тематическому разделу	9
Немировский В.Г. Концепт «утопия versus антиутопия» в контексте образа желаемого будущего	14
Казакова А.Ю., Бабурченков В.С. Антиутопия – нежеланное будущее в зрительских оценках «Кинопоиска»	34
Долгов А.Ю. Рецензия на кн.: Horsell Ch. Utopian thinking and social work. [Хорселл К. Утопическое мышление и социальная работа]	54
Пряжникова О.Н. Рецензия на кн.: Placing the future / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. [Представляя будущее / под ред. Й. Глюклера, М. Гаршагена, Р. Панитца]	62

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Лешкова И.С. Цифровизация женского образования в Египте: новые возможности и традиционные социальные ожидания ..	70
Раренко А.А. Рецензия на кн.: Студенты России: гражданская культура и политическое поведение: [монография] / Великая Н.М., Атласкиров А.Р., Будаева Д.Ц. [и др.]; под ред. Н.М. Великой	83

СОЦИОЛОГИЯ КИНО

Ядова М.А. Рецензия на кн.: Радаев В.В. Смотрим кино, понимаем жизнь: 23 социологических очерка	94
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. Итоги	
---	--

проведения VIII Международной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова	100
---	-----

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Шилз Э. Призвание социологии. (Перевод с англ. В.Г. Николаева)	123
---	-----

CONTENTS

ISSUE THEME: THE FUTURE IN THE FOCUS OF SOCIAL RESEARCH

Yadova M.A. The image of the future in the mirror of social sciences: <i>introduction to the thematic section</i>	9
Nemirovsky V.G. The concept of “utopia versus dystopia” in the context of the image of the desired future	14
Kazakova A.Yu., Baburchenkov V.S. Dystopia – an unwanted future in audiences' rating on “Kinopoisk”	34
Dolgov A.Yu. Book review: Horsell Ch. Utopian thinking and social work	54
Pryazhnikova O.N. Book review: Placing the future / ed by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz	62

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Leshkova I.S. Digitalization of women’s education in Egypt: new opportunities and traditional social expectations	70
Rarenko A.A. Book review: Russian students: civic culture and political behavior / Velikaya N.M., Atlaskirov A.R., Budaeva D.C. [et al.]; ed. by N.M. Velikaya	83

CINEMATIC SOCIOLOGY

Yadova M.A. Book review: Radaev V.V. Watching movies, exploring life: 23 sociological essays	94
--	----

SCIENTIFIC LIFE

Lebedeva T.V., Akramova A.R., Shebanova A.K. The current demographic situation in the Russian Federation. Results of the VIII International Winter Demographic School at Lomonosov Moscow State University	100
--	-----

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

Shils E. The calling of sociology. (Translated from English by V.G. Nikolaev)	123
--	-----

ТЕМА НОМЕРА: БУДУЩЕЕ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.42

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.01

ЯДОВА М.А.* ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ
НАУК: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. В работе исследуется феномен социального прогнозирования как особой формы научной рефлексии и оценивается прогнозный потенциал современных социальных наук. Особое внимание уделяется сформировавшимся под влиянием многочисленных вызовов XXI века обыденным и научным представлениям о будущем. Отмечается, что глобальные тектонические социальные трансформации последних лет, вызванные пандемией COVID-19, геополитическими конфликтами и сломом прежнего миропорядка, спровоцировали волну футурофобии по всему миру.

Ключевые слова: социальное прогнозирование; будущее; утопия и антиутопия; социология будущего; футурофобия.

Для цитирования: Ядова М.А. Образ будущего в зеркале социальных наук: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 9–13. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.01

Статья поступила: 20.03.2026.

Принята к публикации: 25.03.2026.

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

YADOVA M.A.** The image of the future in the mirror of social sciences: *introduction to the thematic section*

Abstract. The paper examines the phenomenon of social forecasting as a special form of scientific reflection and assesses the predictive potential of contemporary social sciences. Particular attention is paid to everyday and scientific ideas of the future that have been shaped by the numerous challenges of the 21st century. It is noted that the global tectonic social transformations of recent years, caused by the COVID-19 pandemic, geopolitical conflicts, and the collapse of the previous world order, have provoked a wave of futurophobia around the world.

Keywords: social forecasting; future; utopia and dystopia; sociology of future; futurophobia.

For citation: Yadova M.A. The image of the future in the mirror of social sciences: introduction to the thematic section. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 9–13. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.01

Received: 20.03.2026.

Accepted: 25.03.2026.

Прогнозный потенциал социальных наук детерминирован способностью этих дисциплин научно предвидеть вероятные состояния социальных явлений и процессов вкупе с альтернативными сценариями общественного развития в будущем. В отличие от точных наук, социальное прогнозирование, оперируя вероятностными моделями, имеет дело с высокой степенью неопределенности, поскольку неопределенность – неотъемлемый фактор социальной жизни.

Можно выделить некоторые характерные черты социального прогнозирования как особой формы научной рефлексии (подробнее см., например: [Бестужев-Лада, 2002]). Прежде всего речь идет о работе с альтернативами и многовариантности прогнозных сценариев: социальные исследователи определяют варианты развития событий и выбирают наиболее приемлемый сценарий, исходя из имеющихся альтернатив. Социальные прогнозы не ограничивают-

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

ся одной или двумя точками зрения, а рассматривают множество вариантов будущего – как оптимистичных, так и пессимистичных. Прогнозные сценарии помогают систематизировать имеющуюся в настоящий момент информацию о будущем на основе глубокого анализа прошлого и настоящего, их динамики и тенденций. Научное прогнозирование и анализ данных осуществляются с помощью конкретных технологий с опорой на специальные методы (математико-статистические, экспертные, комбинированные и пр.). Социальное прогнозирование, разумеется, не является предметом интереса какой-то одной научной дисциплины, а требует объединения усилий ученых, работающих в разных областях социального знания. Значимость социального прогнозирования для жизни общества трудно переоценить: понимание развития социальных процессов в будущем дает возможность так или иначе управлять ими и готовиться к грядущим изменениям, а прогнозы служат основой для принятия правильных управленческих решений и эффективно-го социального планирования.

Современные исследователи, предметом интереса которых являются вопросы, связанные с прогнозированием будущего, стараются выработать новые подходы к изучаемой теме. Например, британский социолог Дж. Урри предлагает уйти от технократических прогнозов и использовать «теорию сложных систем», рассматривая будущее как нечто открытое, динамичное и зависящее от координации действий множества акторов, а не просто как стандартную экстраполяцию трендов [Urqu, 2016]. В современном мире, для которого характерно обилие плохо предсказуемых событий по типу «черных лебедей» (мировой экономический кризис, пандемия COVID-19, масштабные геополитические конфликты и пр.), наверное, такой подход следует считать обоснованным.

Стоит отметить, что глобальные тектонические социальные трансформации последних лет спровоцировали волну футурофобии по всему миру. Под футурофобией принято понимать страх перед будущим, который стал распространенным явлением в современном обществе, характеризующемся высокой неопределенностью, быстрыми технологическими, социальными, политическими и экономическими трансформациями. Футурофобия обычно выражается в хронической тревоге, мешающей человеку полноценно жить. В условиях катастрофически высокой неопределенности страх будущего мешает людям верить в возможность решения глобальных проблем, что делает работу исследователей-футурологов как никогда актуальной, значимой и социально от-

ветственной. Пионером в изучении футурошоков от столкновения человечества с глобальными изменениями, вызванными ускорением темпов социально-технологического прогресса, по праву считается американский философ, социолог и футуролог Э. Тоффлер [Toffler, 1970; Toffler, 1980]. Удивительно, но за прошедшие полвека многие идеи Э. Тоффлера не утратили своей актуальности, их осмысление или переработку с учетом изменившихся реалий можно встретить в работах современных исследователей [см., например: Friedman, 2010; Susskind, Susskind, 2022; Schwab, 2016; Urry, 2016].

В тематическом разделе настоящего номера прежде всего уделяется внимание научным (а сквозь их призму – и обыденным) представлениям о будущем, а также осмыслению утопических и антиутопических дискурсов. В статье *В.Г. Немировского* на примере публикаций в российских социогуманитарных журналах анализируется концепт «утопия versus антиутопия» как один из составляющих образа желаемого будущего. Автор отмечает важность эмпирических социологических исследований данной тематики для социального прогнозирования. В работе *А.Ю. Казаковой* и *В.С. Бабурченкова* на основе материалов платформы «Кинопоиск» рассматривается, каким образом кинематографические антиутопические нарративы отражают коллективные страхи, ожидания и представления о будущем.

Закономерно часть работ посвящена особенностям социального мышления и анализа для достижения лучшего результата в прогнозировании. В рецензии *А.Ю. Долгова* на книгу австралийского исследователя К. Хорселла «Утопическое мышление и социальная работа» [Horsell, 2025] осмысляются возможности утопического воображения для проектирования лучшего будущего. В свою очередь, в рецензии *О.Н. Пряжниковой* на коллективную монографию под ред. германских ученых Й. Глюклера, М. Гаршагена и Р. Панитца «Представляя будущее» [Placing the future, 2025] рассматриваются новые социогуманитарные подходы к обсуждению будущего, выходящие за пределы традиционного прогнозирования.

Как показывают результаты представленных в тематическом разделе исследований, методы и технологии социального прогнозирования – это мощный инструмент для анализа будущего, который, несмотря на оперирование данными вероятностного и субъективного характера, позволяет снизить неопределенность и принимать обоснованные решения, тогда как творческий потенци-

ал научного воображения способствует созданию благоприятного для реализации образа будущего.

Список литературы

- Бестужев-Лада И.В.* Социальное прогнозирование : курс лекций. – Москва : Педагогическое общество России, 2002. – 392 с.
- Friedman G.* The next 100 years: a forecast for the 21st century. – New York : Anchor books/Random house, 2010. – 253 p.
- Horsell Ch.* Utopian thinking and social work. – New York : Routledge, 2025. – 164 p.
- Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – X, 342 p.
- Schwab K.* The Fourth industrial revolution. – Geneva : World Economic Forum, 2016. – 172 p.
- Susskind R., Susskind D.* The future of the professions: how technology will transform the work of human experts. – Oxford : Oxford university press, 2022. – 592 p.
- Toffler A.* Future shock. – New York : Bantam books, 1970. – 426 p.
- Toffler A.* The third wave. – New York : Morrow, 1980. – 544 p.
- Urry J.* What is the future? – Cambridge : Polity press, 2016. – 226 p.

References

- Bestuzhev-Lada I.V.* Social forecasting : a lecture course. – Moscow : Pedagogical society of Russia, 2002. – 392 p. (In Russian)
- Friedman G.* The next 100 years : a forecast for the 21st century. – New York : Anchor books/Random house, 2010. – 253 p.
- Horsell Ch.* Utopian thinking and social work. – New York : Routledge, 2025. – 164 p.
- Placing the future.* Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – X, 342 p.
- Schwab K.* The Fourth industrial revolution. – Geneva : World Economic Forum, 2016. – 172 p.
- Susskind R., Susskind D.* The future of the professions: how technology will transform the work of human experts. – Oxford : Oxford university press, 2022. – 592 p.
- Toffler A.* Future shock. – New York : Bantam books, 1970. – 426 p.
- Toffler A.* The third wave. – New York : Morrow, 1980. – 544 p.
- Urry J.* What is the future? – Cambridge : Polity press, 2016. – 226 p.

УДК 316.7; 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.02

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* КОНЦЕПТ «УТОПИЯ VERSUS АНТИ-УТОПИЯ» В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗА ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

Аннотация. Актуальность настоящей статьи определяется недостаточной освещенностью в отечественных социологических публикациях феноменов утопии / антиутопии, которые в значительной степени проявляются в представлениях жителей страны о своем желаемом будущем. Цель статьи заключается в анализе концепта «утопия versus антиутопия» как важной составляющей образа желаемого будущего. В качестве научных методов использовались обобщение и вторичный анализ материалов исследований, опубликованных в российских социогуманитарных журналах. Показано, что утопия и антиутопия выступают двумя элементами единой социокультурной системы, которая опирается на утопическое общественное сознание. Выделены функции и виды утопии. Отмечена важность эмпирических социологических исследований данной тематики в целях социального прогнозирования.

Ключевые слова: утопия; антиутопия; образ желаемого будущего; социологические исследования.

Для цитирования: Немировский В.Г. Концепт «утопия versus антиутопия» в контексте образа желаемого будущего // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 14–33. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.02

Статья поступила: 24.12.2025.

Принята к публикации: 15.01.2026.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

NEMIROVSKY V.G.** The concept of “utopia versus dystopia” in the context of the image of the desired future

Abstract. The relevance of this article is determined by the insufficient coverage in Russian sociological publications of the phenomena of utopia/dystopia, which are largely manifested in the ideas of the country's population about the desired future. The purpose of the article is to analyze the concept of “utopia versus dystopia” as an important component of the image of the desired future. Generalization and secondary analysis of research materials published in Russian socio-humanitarian journals were used. It is shown that utopia and dystopia are two elements of a single socio-cultural system based on utopian social consciousness. The functions and types of utopias are highlighted. The importance of empirical sociological research on this topic for the purposes of social forecasting is noted.

Keywords: utopia; dystopia; the image of the desired future; sociological research.

For citation: Nemirovsky V.G. The concept of “utopia versus dystopia” in the context of the image of the desired future. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]*. – 2026. – N 1. – P. 14–33. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.02

Received: 24.12.2025.

Accepted: 15.01.2026.

Возможное богаче реального. Кто лучше обществоведов может знать это? Почему же мы так боимся обсуждать возможное, анализировать и исследовать его? Нам следует поместить не утопию, но утопистику в центр обществоведческих исследований. Утопистика – это оценка возможных утопий, их ограниченности и препятствий, мешающих их воплощению. Это анализ реальных исторических

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

*альтернатив в настоящем. Это примирение
поиска истины с поиском блага.*

И. Валлерстайн¹

Введение

Анализ социальных утопий и антиутопий широко представлен в современном научном дискурсе. Эти феномены изучаются с позиций различных дисциплин: философии, политологии, истории, социологии, культурологии, искусствоведения, филологии, медиологии, психологии, а также ряда других наук. Нередко используется междисциплинарный подход. Более 30 лет издается научный журнал «Utopian studies». Однако в современной отечественной социологии изучение утопий и антиутопий находится на обочине научного мейнстрима. Большинство исследований по этой тематике проводятся с позиций философских и политологических наук. Так, с точки зрения проблематики, рассматриваемой в нашей работе, немалый интерес имеют публикации, представленные в политологическом дискурсе, например: [Фишман, 2020; Иншаков, 2022; Вантеевский, 2024].

Увы, современная отечественная социология уделяет этим вопросам явно недостаточное внимание. Как верно замечает Н.В. Романовский, «утопизм в современной России отторгают во всем. Но не впадаем ли мы и здесь в крайность?» [Романовский, 2015, с. 19]. По его словам, «бесспорно, страна не должна жить без образа будущего – пусть “утопического” по причинам не столько социологическим, сколько общенациональным. Современной России и ее науке не чужды вопросы будущего. <...> российским социологам методологически важно учитывать общественно-исторический контекст такой проблематики» [там же, с. 18]. Е.А. Григорьева констатирует, что «отечественная социология сегодня не предлагает альтернативный образ будущего». Согласно ее мнению, отказываясь от утопических контуров, социологическая наука перестает предлагать видение иного лучшего мира, перестает давать социальные идеалы, в конечном счете сводясь к фиксации существующей реальности и предсказанию того, что может произойти при сохранении существующих процессов [Григорьева, 2024, с. 144]. Учитывая эвристическую ценность утопических построений, представляется, что перспективной задачей оте-

¹ См.: [Валлерстайн, 2003, с. 288–289].

чественной социологии сегодня является обращение к утопическому воображению и формирование с его помощью альтернатив российского будущего, предложение путей к достижению общественного идеала [там же].

С точки зрения Д.В. Иванова и Ю.В. Асочакова, «большинство социологических исследований проводятся как описание и объяснение настоящего – социальных явлений, наблюдаемых в режиме “здесь и сейчас”». Однако объект и предмет социологии диахронны: объектом социологии является настоящее, ее предметом (явным или латентным) – будущее» [Иванов, Асочаков, 2016, с. 3].

Проблемный вопрос нашего исследования заключается в недостаточной изученности современной отечественной социологией самого феномена социальных утопий (антиутопий) и различных аспектов их реализации в общественном сознании и социальной практике. **Цель работы** состоит в анализе концепта «утопия versus антиутопия» в контексте изучения образа желаемого будущего. **Методы исследования**: обобщение и вторичный анализ материалов исследований, представленных в отечественных социогуманитарных журналах.

В соответствии с междисциплинарным характером данной проблемы в нашем исследовании будут использованы данные не только социологии, но и ряда смежных дисциплин.

Современные социальные утопии (антиутопии), их виды и функции

Большинство современных авторов солидарны в понимании сущности концепта социальной утопии и связанной с ней антиутопии. Так, Л.А. Жгилева на основе анализа монографий, диссертаций и статей, опубликованных в российских научных рецензируемых журналах, делает вывод о том, что «в российском дискурсе утопию чаще рассматривают в качестве “места, которого нет”». Если утопию интерпретируют как “благословенную землю”, то она выступает только как идеал или постоянно ускользающая линия горизонта. В случаях, когда речь идет о возможности реализации утопии, отмечается, что она перестает быть утопией и претерпевает ряд кардинальных изменений, превращаясь в свой антипод» [Жгилева, 2024, с. 85].

Д.В. Соломко и соавторы предлагают детальное определение утопии, которое учитывает различные ее аспекты и характеристики: «При всем разнообразии утопических проявлений (ухрония,

дистопия, гетеротопия, практопия, эупсихия, экотопия и пр.) утопию в самом общем виде можно понимать как устойчивое представление образа существования, невозможного в актуальном хронотопе» [Соломко, Соколов, Невелева, 2022, с. 52]. Мы считаем, что первостепенное значение для социологической науки имеет разделение авторами статьи характеристик феноменов «утопия», «мечта» и «проект»: от произвольных мечтаний и грез любого рода утопия отличается тем, что порождается совокупностью объективных обстоятельств, существенно значимых для субъекта, обладает относительной полнотой структурно-содержательных характеристик и включает переживание надежд на вероятность осуществления. От реалистичных проектов утопию отличает отсутствие видения путей ее воплощения либо их неосуществимость в актуальном времени.

Вместе с тем представляется ошибочным высказанное в статье утверждение, согласно которому «утопия выступает воображаемым, виртуальным объектом чуждого несбыточного» [там же], ибо оно исключает из познавательного процесса другой равноценный элемент диалектической диады «утопия – антиутопия», то есть антиутопию. Исследователи не учитывают, что процесс социокультурных изменений в любом обществе представляет собой переход от утопии к антиутопии и обратно.

Проведенный нами анализ свидетельствует, что большинство авторов сходятся во мнении, согласно которому сущность утопии заключается в описании ряда основополагающих черт идеального социума (общества, государства). Напротив, антиутопии характеризуют некие нежелательные для определенной части жителей страны характеристики общественного бытия. Однако, независимо от отношения к ним тех или иных групп населения, утопия и антиутопия неотделимы друг от друга как чередующиеся периоды диалектического социокультурного процесса. Поэтому целесообразно говорить о существовании единого концепта, который условно можно назвать «утопия *versus* антиутопия».

На основании анализа исследований феномена утопии, проведенных российскими авторами в период с 2005 по 2016 годы, Л.А. Морщихина делает следующие выводы. 1) Расширилось количество методологических подходов к анализу феномена утопии. Теперь его рассматривают также с позиций феноменологии, психоанализа, структурализма, постмодерна. Активно применяют исторический, философский, психологический и культурологический подходы. 2) Феномен утопии обрел новые смыслы и

характеристики в виртуальной реальности (виртуальный эстетический опыт). 3) Не угасает актуальность вопроса о необходимости утопических практик в современном мире. На наш взгляд, важен вывод, согласно которому «авторы исследований сходятся во мнении, что интерес к утопии возрастает в критические моменты жизнедеятельности общества» [Морщикина, 2017, с. 52].

В работе О.Н. Халуторных утопия рассматривается через призму теории аттракторов – концепции нелинейной динамики, описывающей состояние, к которому эволюционирует любая открытая система. Как известно, аттрактор задает не только конечную цель трансформации, но и основные параметры ее достижения (методы, формы, временные и пространственные рамки). По ее мнению, именно утопия, в деталях демонстрирующая реформаторам и их последователям образ эталонной реальности и пути ее формирования, выступает специфической формой социального прогноза и предвидения будущего общества, обретает большее значение в период максимальной нестабильности. Опираясь на методы структурно-функционального и системного анализа в рамках синергетической парадигмы, автор выделяет «ключевые характеристики утопии как функционального элемента аттрактивного управления (интегративность, адаптивность, телеологичность)», а также «подтверждает тезис о способности утопических моделей в кризисных условиях социальных систем влиять на выбор и реализацию устойчивых траекторий развития общества» [Халуторных, 2025, с. 161]. Как показывают исследования, утопические идеи, даже не полностью воплощенные в жизнь, уменьшают риски негативных сценариев развития общества [там же].

Используя междисциплинарный подход (философский, социологический, политологический, культурологический), В.А. Терлецкий, по нашему мнению, справедливо пишет, что антиутопии «...фокусируются на социальных, политических и экологических проблемах, рисуя мрачные сценарии будущего. И хотя антиутопии и служат предупреждением, их чрезмерная популярность формирует чувство безысходности и страха, ограничивая способность общества представлять позитивные альтернативы» [Терлецкий, 2025, с. 94]. Согласно его выводам, переход от антиутопии к утопии как доминирующей концепции в общественном дискурсе необходим для преодоления кризиса веры в прогресс, развития конструктивного мышления и мобилизации общества на решение глобальных проблем [там же].

Ряд социологов акцентирует свое внимание на проблеме жилищной антиутопии, неотъемлемой частью которой являются различные социальные страхи и практики эскапизма. Так, Д.В. Литвинцев делает вывод, согласно которому отдельные идеи из антиутопических научно-фантастических произведений уже нашли свое отражение в реальности как самоисполнившиеся пророчества. Высотки и «умные» дома начинают переосмысляться из утопий в антиутопии [Литвинцев, 2023, с. 180]. По мнению автора, «современный город представляет собой мозаику утопических и антиутопических пространств и зданий (в том числе жилых домов), что обусловлено социальной разнородностью его жителей, обладавших разнообразными формами утопического сознания на отдельных этапах развития общества» [там же, с. 186]. Следует подчеркнуть, что «жилищная антиутопия характеризуется новым типом дифференциации, разделяющим всех жителей городов на жилищные классы» [там же, с. 184].

В статье «Миопия после утопии: особенности современных представлений об идеальном городе» Е.А. Григорьева утверждает, что «ключевое отличие от предыдущих этапов видения города заключается в снижении объема социальных и утопических смыслов» [Григорьева, 2025, с. 65].

Очевидно, что необходимо учитывать существование междисциплинарной связи жанра антиутопии и социологии в изучении художественных концепций о перспективах развития современного мироустройства. Антиутопические городские хронотопы, которые появляются в романах Е.И. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла, выступают маркером освещения истории человечества [Ковтуненко, Кудряшов, Соболева, 2023, с. 70].

Для выделения функций социальной утопии представляется эвристичным использование уже упомянутой выше теории аттракторов. Любая утопическая модель имеет универсальные системные свойства, которые, согласно обоснованному суждению О.Н. Халуторных, «гарантируют ее роль в управлении социальными процессами в любом историческом периоде». Среди основных функций утопии необходимо выделить формирование целостного образа желаемого будущего. В нем объединяются в общую конструкцию различные элементы социума, даже те, которые между собой непосредственно не связаны: институты, вырабатывающие и транслирующие аксиологические нормы, этические принципы, государственные стратегии, методы управления. Этот образ «вдохновляет политиков, реформаторов на выбор некоего вектора

развития, уменьшая количество возможных вариантов, и тем самым снижает энтропию реальной общественной системы за счет синхронизации действий отдельных социальных групп и индивидов» [Халуторных, 2025, с. 163].

Социальная утопия и антиутопия, по сути, два диалектически взаимосвязанных элемента одной социокультурной системы. Как нам уже доводилось писать, социальную утопию можно представить как яркий, привлекательный образ, который нередко скрывает ее неприглядный, но неизбежный антипод – антиутопию. Каждый из этих элементов выполняет свою функцию: утопия способствует развитию данной системы, ее распространению, приспособлению утопических идеалов к традициям того или иного социума; антиутопия выполняет функцию сохранения системы в конкретном социуме, когда уже наступило массовое разочарование в содержании данного утопического проекта, в его ценностях и идеалах. Антиутопия, зачастую под маской вытесняемой ею утопии, приносит ей на смену иные ценности и нормы, не меняя сути самой утопической системы в целом; массовое сознание социума и методы действия представителей власти могут так и оставаться утопическими [Немировский, 2015, с. 97].

В России с начала 1990-х годов была институционализована либерально-демократическая утопия с ее недостижимыми идеалами всеобщего процветания, основанного на стремлении к обогащению и безудержному потреблению, не ограниченному никакими морально-этическими нормами. В середине 1990-х годов в относительном, весьма противоречивом и неустойчивом равновесии в общественном сознании сосуществовали либерально-демократическая утопия и неолиберальная антиутопия. Преобладание антиутопии условно можно исчислять с момента дефолта (август 1998 г.), который привел к усилению падения жизненного уровня, люмпенизации и прекаризации немалой части людей, поверивших в притягательные лозунги и ценности либерально-демократической утопии. Произошел резкий переход от утопии, с ее радужными надеждами на экономическое процветание и прогресс демократии, к реальности антиутопии с перспективами существования страны как сырьевого придатка более развитых государств, когда на фоне бедности и депривации масс процветают представители коррумпированного чиновничества и аффилированные с ними структуры крупного бизнеса, связанного главным образом с добычей и экспортом природных ресурсов.

Особую роль в функционировании утопии в обществе играет распространение утопического сознания. Е.В. Золотухина-Аболина анализирует утопическое сознание как социальный конструкт, создаваемый влиятельными социальными группами для реализации своих интересов. Он распространяется с помощью СМИ. Автор считает, что идеологии, в том числе производимые наличной властью, всегда одновременно являются утопиями для масс [Золотухина-Аболина, 2024, с. 870]. По ее заключению, утопический компонент присущ любому человеческому целеполаганию и проектированию, поскольку проект – это результат недовольства наличной реальностью. Он несет в себе стремление к переменам, радикальным перестройкам, но на первых порах в человеке доминирует желание и еще не оформленный образ – как цели, так и пути ее реализации. Поэтому первая фаза проектирования всегда утопична [там же, с. 858]. Приводятся подробные характеристики двух «мощных линий сконструированной утопичности: с одной стороны, это глобалистско-технократическая утопия, отвергающая все нормы и традиции “ради трансгуманистического будущего”, с другой – консервативно-архаическая утопия, желающая вернуть мир в Средневековье. Оба подхода выступают как далекие от реальности» [там же, с. 870].

В современной России имеет место противоречивое сочетание различных утопий и антиутопий, которые в той или иной степени представлены в общественном сознании и социальных практиках. Согласно нашим исследованиям, «в начале XXI в. в массовом сознании начался процесс актуализации феодальной и рабовладельческой социально-утопических моделей, причем при доминировании неолиберальной антиутопии» [Немировский, 2016, с. 46].

В процессе анализа современного утопического сознания нельзя не обратить внимания на работу, которая посвящена философскому исследованию утопического характера представлений о родине в массовом сознании. По мнению исследователей, утопическое сознание не тождественно массовому, оно представлено в нем не только стилем мышления, но и особой разновидностью, которой является утопия родины. Так, «утопия родины может иметь национальную форму выражения, однако является универсальным явлением: она есть константная категория всех времен и народов, выражающая необходимость человека как в проектах будущего, так и в способе адаптации к настоящему» [Свобода, Воробьева, 2025, с. 20]. Следует акцентировать, что утопия, которая

выступает ценностно-ориентированной формой массового сознания – это не образ возможного и вероятного в определенное время, а образ желаемого [там же, с. 22].

Утопия как образ желаемого будущего

Мы полагаем, что любая утопия всегда содержит некий образ желаемого будущего (хотя зачастую он является идеализированным отражением прошлых событий). Поэтому нарративы утопий играют важную роль в формировании общественного сознания, предлагают альтернативные модели организации социума, выражают политические, общественные идеалы различных социальных групп [Халуторных, 2025, с. 167]. Например, отмечается стремление использовать утопию позитивного прошлого для формирования будущего в нашей стране: «В России все наши так называемые идеологические группы, как властные, так и оппозиционные, они все пытаются строить будущее как воспроизведение какого-то хорошего прошлого...» [Кордонский, 2016]. Социолог С.Г. Кордонский выделяет три группы людей в зависимости от их восприятия исторического времени, которое влияет на политическое развитие страны: «... фундаменталисты, прогрессисты и аппаратчики. Фундаменталисты считают, что будущее – это воспроизведение хорошего прошлого, но очень сильно различаются между собой точкой, в которой история пошла не тем путем. Собственно конфликт внутри фундаменталистов – это конфликт по поводу точки, где история разошлась <...>. Прогрессисты – это люди, которые считают, что прошлое не имеет значения, настоящее плохо, мы строим светлое будущее, основанное на технократических идеях, на этом пути мы конвергируем с Западом. <...> Третья категория людей – это аппаратчики, те, которые во власти. Они живут во времени выполнения бумаги, исполнения поручений. У них нет ни прошлого, ни будущего. Развитие политическое, насколько я понимаю, в нашей системе – это союз аппаратчиков с одной из этих идеологических групп или мифологических групп, скорее мифологических, а не идеологических» [там же].

Справедливости ради следует сказать, что антиутопия, как ярко показано в знаменитых романах Дж. Оруэлла, Е. Замятина, Р. Брэдли, У. Голдинга и др. авторов, тоже может выступать образом будущего, хотя, очевидно, для большинства людей «нежелаемого».

Анализу образа будущего в сознании жителей России посвящено немало социологических публикаций. Например, Р.В. Петухов предлагает понимать «образы будущего» как устойчивые концептуальные конструкции, отражающие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества». В отличие от них, «представления о будущем» определяются им «как ситуативные ожидания, реагирующие на такие краткосрочные вызовы, как социально-экономические и политические кризисы» [Петухов, 2025, с. 7]. Согласно массовым опросам ФНИСЦ РАН для большинства респондентов наиболее востребованным образом будущего на протяжении всего последнего десятилетия является экономически развитое государство, влияющее на международные дела политическими методами [там же]. Образы будущего остаются стабильными на протяжении многих лет, поскольку отражают глубокие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества, считает автор [там же, с. 20].

Во многих отечественных работах, посвященных представлениям респондентов об образе желаемого будущего, последний рассматривается как образ будущего нашей страны в целом. Так, исследования, проведенные среди молодежи страны в возрасте 15–35 лет, позволили сделать вывод о том, что в центре образа желаемого будущего лежит «мир, обустроенный для моей жизни и моих близких: семья и понимание ее значимости, среда как совокупность внешних (объективных) факторов развития, включая институциональный механизм сохранения самой жизни и поддержания ее качества, эффективная система организации и управления. В таком наборе взаимосвязанных целей просматривается не только эгоцентрическая направленность сознания молодых людей. В нем отражены социальные проблемы, решение которых способно стать предпосылкой развития общества» [Зубок, Селиверстова, 2022, с. 70]. Более того, Ю.А. Зубок и Н.А. Селиверстова утверждают, что ключевые смыслы, артикулируемые молодежью в качестве основных целей, корреспондируют с общественно-политическим дискурсом последних лет [там же].

В последние годы опубликован ряд региональных исследований образа желаемого будущего, которые, наряду с региональной спецификой, выявляют в целом похожие тенденции. Так, Ю.Р. Вишневский с коллегами анализируют образ желаемого будущего страны в сознании уральских студентов в его совпадении / расхождении с образом будущего, предлагаемого элитами [Вишневский, Тарасова, Телепаева, 2021]. А.А. Вилков рассматривает кейс моло-

дежи Саратовской области [Вилков, 2022]. Структура и динамика образа желаемого личного будущего населения одного из крупнейших регионов России, Красноярского края, изучались в контексте теории общества травмы в 2015–2023 годах [Немировский, Новиков, 2025] и др.

Результаты масштабного социологического исследования, в котором был использован психографический метод (36 фокус-групп, проведенные в 18 населенных пунктах 14 российских регионов), демонстрируют представления населения нашей страны о желаемом будущем. На основании анализа рисунков и стенограмм фокус-групп ученые выделяют шесть масштабных несоответствий (расколов) внутри российского общества, которые в долгосрочной перспективе могут привести к масштабному социально-политическому кризису [Социология российского образа будущего ... , 2022, с. 117]. Это: 1) слабое соответствие формального статуса чиновничества на федеральном, региональном, муниципальном уровне его реальной легитимности; 2) отставание динамики цен от изменений зарплат и пенсий (в том числе отсутствие индексации у работающих пенсионеров); 3) дисбаланс между чувством исторического, культурного, международного величия страны, пониманием ее национального богатства и несоответствия им по субъективному ощущению своего уровня жизни; 4) разрыв между уровнями жизни в Москве и в регионах; 5) отрыв «картинки» в телевизоре и интернете от реальной (наблюдаемой) картины жизни; 6) разрыв между уровнем потребления политической, творческой, бизнес-элиты и «потребительской корзиной» «простых людей». Авторы публикации приходят к выводу, что массовый человек отлично осознает несоответствия внутри российского общества и считает их основными проблемами при организации будущего [там же, с. 134]. К числу важнейших показателей утопичности массового сознания россиян, на который указывают результаты цитируемой работы, относится такая широко распространенная черта респондентов, как «крайне низкий уровень ответственности за собственное будущее и желание переложить ее на государство» [там же].

Исследования образа будущего в сознании российской молодежи позволяют сделать вывод о том, что «в обществе образовался явный дефицит политики, основанной на законе, порядке, справедливости, правах человека, мире». Идеалы правового государства, справедливости, законности и уважения к правам человека представляют собой ключевые точки напряжения в обществен-

ном сознании. Именно эти ценности будут играть определяющую роль в формировании социально-политической обстановки как в настоящем, так и в перспективе, направляя политические предпочтения общества, особенно его наиболее восприимчивой к переменам молодежной аудитории [Левашов, Гребняк, Новоженина, 2021, с. 117].

Общероссийское репрезентативное исследование, проведенное ИС ФНИСЦ РАН в марте 2022 г. ($n = 2000$), показало, что большинство россиян (54%) убеждены в необходимости реализации самобытного, отличного от западной модели, вектора развития нашей страны, в то время как меньшинство (19%) являются сторонниками сближения с западными государствами и ориентации на их пример в будущем [Сушко, 2022, с. 25]. На наш взгляд, логично предположить, что первое направление содержит характеристики социальной утопии, а второе – антиутопии.

Данные другого общероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН (июнь 2023 г.) свидетельствуют о сосуществовании в массовом сознании россиян четырех востребованных образов будущего. Автор условно определяет их как «государство равенства и справедливости», «государство традиционных ценностей», «национальное государство» и «государство свободного рынка» [Коленникова, 2023, с. 91]. Первые три из них, по мнению автора статьи, выступают «детерминантой консолидации населения на позиции самостоятельного развития России. <...> Четвертый образ, который теряет поддержку массовых слоев, объединяет сторонников следования России по западному вектору развития» [там же].

В рамках данной проблематики особый интерес представляют данные социологического исследования, которое было проведено в 12 городах России (среди студентов, в том числе получающих второе высшее образование) на базе Всероссийского государственного университета юстиции и его филиалов. Его авторы демонстрируют эвристичный методологический подход, позволивший выявить специфику представлений респондентов о социальной утопии и антиутопии. Опрашиваемым было предложено охарактеризовать три модели социального воображаемого: «лучшее общество» (утопия), «плохое общество» (антиутопия) и «хорошее общество» (достижимое, пригодное для жизни и развития). В результате получены индексы проективных запросов на воплощение этих моделей в социальном будущем [Ушкин, Коваль, 2020, с. 28–29].

Также был определен обобщенный образ ожидаемого «хорошего общества», который представляет минимум макросоциальных параметров, требующихся для достижения счастья. Главными элементами этого образа выступают «ориентация на справедливость, равенство возможностей, мультикультурность, многонациональность и многоконфессиональность, законность и активная позиция граждан в поддержании социального порядка» [там же, с. 35]. Значительная часть опрошенных полагает, что ситуация в нашем обществе в определенной мере соответствует этому определению [там же, с. 37].

Основными чертами антиутопии, или «плохого общества», студенты-юристы назвали то общество, в котором доминируют культуры групп меньшинств (64%); политические, материальные и другие преимущества имеет титульная нация (61%); установлена официальная религия (52%); которое справедливо для групп меньшинств (51%).

Утопия, то есть «лучшее общество», – это общество равных возможностей (46%); справедливое для всех (59%); в котором все культуры имеют равную значимость (мультикультурное) (51%); большинство соблюдает законы (52%); которое следует нормам морали (46%) [там же, с. 35].

Как видим, у респондентов существуют несколько противоречивые представления об утопии и антиутопии. Можно предположить, что полученные данные в определенной мере отражают специфику опрашиваемого контингента.

Заключение

В научной литературе выделяют различные виды утопий и антиутопий, которые авторы публикаций часто характеризуют неоднозначно. Но в любом случае концепт «утопия versus антиутопия» выражает два элемента единой социокультурной системы, которая опирается на утопическое общественное сознание. С определенной периодичностью в массовом сознании населения и реализуемых в обществе социальных практиках доминирует один из ее элементов.

Собственно, утопия выполняет двойную функцию. С одной стороны, она способствует социальной стабильности, задавая общие цели, уменьшая неопределенность и предлагая видение будущего, что позволяет прогнозировать его трансформацию. С другой стороны, в периоды кризиса утопия становится катализатором пе-

перехода системы от дезорганизованных флуктуаций к целенаправленной самоорганизации, превращая идеализированное представление о будущем в действенный инструмент для преобразования действительности.

По нашему мнению, Россия являет собой совокупность различных субцивилизаций, часть из которых в определенной мере совпадает с границами ряда федеральных округов. Соответственно, процессы перехода современной антиутопии к новой утопии в разных регионах России (как, впрочем, и ее социокультурная специфика в различных регионах и субрегионах) будут неодинаковы и асинхронны. Очевидно, некоторые «отстающие» территории могут существенно тормозить процесс общих социокультурных изменений в нашей стране, связанных с реализацией новой утопии.

В последние годы в России наблюдаются процессы усиления реальной борьбы с коррупцией и оформившееся противостояние сторонников «евразийско-патриотического» вектора развития страны с активными носителями принципов и идеалов так называемой либерально-западной антиутопии. Можно сделать вывод, что мы живем в процессе сложного и противоречивого перехода от антиутопии к утопии, основные черты которой уже четко проявляются в образе желаемого будущего наших соотечественников. Безусловно, в массовом сознании современных россиян присутствует довольно широкий спектр образов желаемого будущего, однако они имеют ряд центральных элементов, которые представляются привлекательными для многих жителей нашей страны (при этом существуют значительные различия по возрастным когортам и другим видам социальных групп).

Проведенный нами анализ свидетельствует о явном недостатке в отечественном социологическом дискурсе эмпирических работ, посвященных изучению утопий и антиутопий в современной России. При этом широко представлены исследования образов желаемого будущего у населения страны, которые, во многих случаях, могут быть интерпретированы в контексте системы «утопия – антиутопия».

Список литературы

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – Москва : Логос, 2003. – 368 с.

Вантеевский М.М. Идеологическая роль и содержательные особенности антиутопических нарративов в российской массовой культуре // Вестник Москов-

ского университета. Серия 12: Политические науки. – 2024. – № 5. – С. 40–53. – DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-5-40-53

Вилков А.А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 101–107. – DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107

Вишневский Ю.Р., Тарасова А.Н., Телпаева Д.Ф. Образ будущего глазами уральских студентов // Siberian socium. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 84–98. – DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98

Григорьева Е.А. Апология утопии: о возвращении утопических построений в социологическое теоретизирование // Социологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 139–147. – DOI: 10.31857/S0132162524040129

Григорьева Е.А. Миопия после утопии: особенности современных представлений об идеальном городе // Социологические исследования. – 2025. – № 6. – С. 65–77. – DOI: 10.31857/S0132162525060067

Жиглева Л.А. Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 85–98. – DOI: 10.37482/2687-1505-V323

Золотухина-Аболина Е.В. Утопическое сознание: антропологическая универсалия и социокультурный конструкт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 858–871. – DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-3-858-871

Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 56–74. – DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Социальное будущее в перспективе диалектической теории // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 3–12.

Инишаков И.А. Современность как время для утопии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и соц. политики). – 2022. – № 1. – С. 7–23. – DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23

Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А., Соболева Ю.С. Хронотоп антиутопического города: энтропия мысли, социальной активности и исторического времени // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 5. – С. 70–86. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.5

Коленникова Н.Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. – 2023. – № 10. – С. 91–103. – DOI: 10.31857/S013216250028307-0

Кордонский С.Г. «В России не принадлежит никому ничего, все можно отобрать...» // Бизнес Online. – 2016. – 3 апреля. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/306628> (дата обращения: 22.12.2025).

Левашов В.К., Гребняк О.В., Новоженкина О.П. Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 104–120. – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-104-120

Литвинцев Д.Б. Жилищная антиутопия в современном обществе: социологический диагноз // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 72. – С. 180–189. – DOI: 10.17223/1998863X/72/16

Морицхина Л.А. Исследование феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 2. – С. 46–57.

Немировский В.Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформации модернизационных процессов в России. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М ; Красноярск : СФУ, 2016. – 165 с.

Немировский В.Г. Социокультурное развитие российских регионов в контексте современной российской антиутопии // Философские науки. – 2015. – № 8. – С. 95–106.

Немировский В.Г., Новиков А.С. Образ желаемого личного будущего жителей Красноярского края // Вестник Института социологии. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 151–167. – DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8

Петухов Р.В. Образы и представления о будущем в динамике массового сознания россиян в 2014–2023 гг. // Социологическая наука и социальная практика. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 7–24. – DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.1

Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 13–22.

Свобода Н.Ф., Воробьева О.Б. Родина – утопия места (к анализу массового сознания) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 20–28. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-20-28

Соломко Д.В., Сокоиков С.С., Невелева В.С. Экогуманистические аспекты компенсаторного механизма культуры // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 480. – С. 48–56. – DOI: 10.17223/15617793/480/6

Социология российского образа будущего: предварительные результаты / Токарев А.А., Кравчук И.Д., Бойко М.Ю., Ильинский Р.В. // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 117–136. – DOI: 10.17976/2022.05.09

Сушко П.Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. – 2022. – № 11. – С. 25–37. – DOI: 10.31857/S013216250021403-6

Терлецкий В.А. Роль утопического подхода в прогнозировании космополитического будущего // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53, № 1. – С. 94–102. – DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944

Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 28–42. – DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Фишман Л.Г. Посткапитализм и последняя (анти)утопия нашего времени // Полития. – 2020. – № 2. – С. 40–53. – DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-40-53

Халуторных О.Н. Утопия как аттрактор социальных изменений // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 3. – С. 161–168. – DOI: 10.25198/2077-7175-2025-3-161

References

- Fishman L.G. Post-capitalism and last (dys)topia of our time. *Politiya* [Politeia]. – 2020. – N 2. – P. 40–53. – DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-40-53 (In Russian)
- Grigoreva E.A. An Apology for utopia: come back of utopian constructions to the mainstream sociological theorizing. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2024. – N 4. – P. 139–147. – DOI: 10.31857/S0132162524040129 (In Russian)
- Grigoreva E.A. Myopia after utopia: features of modern ideal city concepts. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2025. – N 6. – P. 65–77. – DOI: 10.31857/S0132162525060067 (In Russian)
- Inshakov I.A. Modernity as a time for utopia. *Politiya* [Politeia]. – 2022. – N 1. – P. 7–23. – DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23 (In Russian)
- Ivanov D.V., Asochakov Yu.V. The social future in the perspective of dialectical theory. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2016. – N 8. – P. 3–12. (In Russian)
- Khalutornykh O.N. Utopia as an attractor of social changes. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. – 2025. – N 3. – P. 161–168. – DOI: 10.25198/2077-7175-2025-3-161 (In Russian)
- Kolennikova N.D. Images of “Russia of the future” in the representations of its citizens. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2023. – N 10. – P. 91–103. – DOI: 10.31857/S013216250028307-0 (In Russian)
- Kordonsky S.G. “In Russia, nothing belongs to anyone, everything can be taken away...”. *Business online*. – 2016. – April 3. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/306628> (accessed: 22.12.2025) (In Russian)
- Kovtunen I.V., Kudryashov I.A., Soboleva Y. S. Chronotope of a dystopian city: entropy of thought, social activity and historical time. *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. – 2023. – Vol. 12, N 5. – P. 70–86. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.5 (In Russian)
- Levashov V. K., Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. Images of the future in the consciousness of Russian youth: value orientations, digital innovation and socio-political expectations. *Vestnik Yuzhno-rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Series: Socio-economic science* [Bulletin of the south russian state technical university (NPI). Series: Socio-economic science]. – 2021. – Vol. 14, N 2. – P. 104–120. – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-104-120 (In Russian)
- Litvintsev D.B. Housing dystopia in modern society: a sociological diagnosis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science]. – 2023. – N 72. – P. 180–189. – DOI: 10.17223/1998863X/72/16 (In Russian)
- Morshchikhina L.A. Research into the phenomenon of utopia in modern Russia: A Paradigmatic Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) federal university. Series: Humanitarian and social sciences]. – 2017. – N 2. – P. 46–57. – DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.46 (In Russian)

Nemirovskiy V.G. Socio-cultural development of Russian regions in the context of modern Russian anti-utopia. *Filosofskie nauki* [Russian journal of philosophical sciences]. – 2015. – N 8. – P. 95–106. (In Russian)

Nemirovskiy V.G. *The regions of Eastern and Western Siberia in the context of socio-cultural transformations of modernization processes in Russia*. – Moscow : INFRA-M ; Krasnoyarsk: SFU, 2016. – 2nd ed. revised and expanded. – 165 p. (In Russian)

Nemirovsky V.G., Novikov A.S. The image of the desired personal future of Krasnoyarsk Krai residents. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. – 2025. – Vol. 16, N 2. – P. 151–167. – DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8 (In Russian)

Petukhov R.V. Images and expectations of the future in the dynamics of mass consciousness of Russians in 2014–2023. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. – 2025. – Vol.13, N 1. – P. 7–24. – DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.1 (In Russian)

Romanovsky N.V. The future as a problem of modern sociology. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2015. – N 11. – P. 13–22. (In Russian)

Sociology of the Russian image of the future: preliminary results / Tokarev A.A., Kravchuk I.D., Boyko M.Y., Ilyinsky R.V. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. – 2022. – N 5. – P. 117–136. – DOI: 10.17976/2022.05.09 (In Russian)

Solomko D.V., Sokovikov S.S., Neveleva V.S. Ecohumanistic aspects of the compensatory mechanism of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk state university journal]. – 2022. – N 480. – P. 48–56. –DOI: 10.17223/15617793/480/6 (In Russian)

Sushko P.E. Russians' Ideas about possible ways of Russia's development: prevalence and specificity. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2022. – N 11. – P. 25–37. – DOI: 10.31857/S013216250021403-6 (In Russian)

Svoboda N.F., Vorobeva O.B. Homeland is a utopia of place (to the analysis of mass consciousness). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university]. – 2025. – N 4. – P. 20–28. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-20-28 (In Russian)

Terletsky V.A. Role of the utopian approach in forecasting the cosmopolitan future. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium* [Journal of wellbeing technologies]. – 2025. – Vol. 53, N 1. – P. 94–102. – DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944 (accessed: 22.12.2025) (In Russian)

Ushkin S.G., Koval E.A. The future of society according to future Russian lawyers. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. – 2020. – Vol. 11. – N 3. – P. 28–42. – DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661 (In Russian)

Vanteevsky M.M. Ideological role and substantive features of dystopian narratives in Russian mass culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Lomonosov political science journal]. – 2024. – N 5. – P. 40–53. – DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-5-40-53 (In Russian)

Vilkov A.A. The value-ideological factor in the formation of the image of the future of Russia among modern youth (a regional case). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Sociologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University.

Sociology. Politology]. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 101–107. – DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107 (In Russian)

Vishnevsky Yu. R., Tarasova A.N., Telepaeva D.F. The image of the future through the eyes of Ural students. *Siberian socium*. – 2021. – Vol. 5, N 3. – P. 84–98. – DOI: 10.21684/2587-84-2021-5-3-84-98 (In Russian)

Wallerstein I. *The end of a familiar world. Sociology of the 21st century*. – Moscow : Logos, 2003. – 368 p.

Zhgileva L.A. Discourse space for studying the phenomenon of utopia in modern Russia: a paradigmatic analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) federal university. Series: Humanitarian and social sciences]. – 2024. – Vol. 24, N 1. – P. 85–98. – DOI: 10.37482/2687-1505-V323 (In Russian)

Zolotukhina-Abolina E.V. Utopian consciousness: an anthropological universal and a socio-cultural construct. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN journal of philosophy]. – 2024. – Vol. 28, N 3. – P. 858–871. – DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-3-858-871 (In Russian)

Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. – 2022. – Vol. 28, N 4. – P. 56–74. – DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5 (In Russian)

КАЗАКОВА А.Ю., БАБУРЧЕНКОВ В.С.* АНТИУТОПИЯ – НЕЖЕЛАННОЕ БУДУЩЕЕ В ЗРИТЕЛЬСКИХ ОЦЕНКАХ «КИНОПОИСКА»

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу антиутопического дискурса в аудиовизуальных произведениях и отклика аудитории на них. На основе материалов платформы «Кинопоиск» рассматривается, каким образом антиутопия отражает коллективные страхи, ожидания и представления о будущем социума. В рамках исследования применен частотный анализ ключевых слов и лемматизированных аннотаций к фильмам-антиутопиям, который продемонстрировал два уровня восприятия жанра: аффективный, связанный с образами насилия и социальных угроз, и структурный, описывающий модели власти, контроля и общественного устройства. Через анализ зрительских оценок рассматривается фактор общественного восприятия социальных патологий и напряженности, артикулируемых в антиутопическом кинематографе. Выявлено, что антиутопия функционирует как индикатор общественных настроений и механизм представления норм социального порядка и рисков будущего.

Ключевые слова: футурология; наивный прогноз; риски; антиутопия; киножанр; образ будущего.

Для цитирования: Казакова А.Ю., Бабурченков В.С. Антиутопия – нежеланное будущее в зрительских оценках «Кинопоиска» // Социальные

* © Казакова А.Ю., Бабурченков В.С., статья, 2026

Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

Бабурченков Виталий Сергеевич – ассистент кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета, Смоленск; podved@yandex.ru

и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 34–53. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.03

Статья поступила: 15.12.2025.

Принята к публикации: 11.01.2026.

KAZAKOVA A.Yu., BABURCHENKOV V.S.** Dystopia – an unwanted future in audiences' rating on “Kinopoisk”

Abstract. The article is devoted to a sociological analysis of dystopian discourse in audiovisual works and mass consciousness. Based on materials from the *Kinopoisk* platform, the study examines how dystopia reflects collective fears, expectations, and perceptions of the future of society. The research employs frequency analysis of key words and lemmatized annotations of dystopian films, which reveals two levels of genre perception: an affective level associated with images of violence and social threats, and a structural level describing models of power, control, and social order. An additional analysis of viewer ratings and reviews is considered as a factor in the perception of social pathologies and social tension articulated in dystopian cinema. It is shown that dystopia functions as an indicator of public sentiment and a mechanism for representing norms of social order and perceived future risks.

Keywords: futurology; naive forecast; risks; dystopia; film genre; the image of the future.

For citation: Kazakova A.Yu., Baburchenkov V.S. Dystopia – an unwanted future in audiences' rating of “Kinopoisk”. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 34–53. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.03

Received: 15.12.2025.

Accepted: 11.01.2026.

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

Baburchenkov Vitaly Sergeevich – assistant of the Department of Sociology and Philosophy Smolensk State University, Smolensk; podved@yandex.ru

Введение

Актуальность анализа антиутопического дискурса подтверждается данными современных социологических исследований. Так, согласно всероссийскому опросу Russian Field¹, проведенному 11–15 ноября 2025 г. и посвященному культурным предпочтениям и моделям потребления литературы и музыки, роман Дж. Оруэлла «1984» занимает третье место в общем рейтинге наиболее значимых книг для россиян. Особенно показательно, что среди респондентов в возрасте 18–29 лет «1984» выходит на первое место, опережая не только классическую литературу, но и популярные произведения современной массовой культуры².

Результаты опроса демонстрируют, что антиутопический нарратив продолжает занимать центральное место в символическом пространстве молодого поколения и служит инструментом осмысления политических, социальных и технологических рисков современного общества. Такая популярность антиутопии среди молодого поколения делает целесообразным ее дальнейшее изучение как индикатора социальных настроений и моделей восприятия будущего.

Понимание того, почему антиутопия является столь значимой культурной формой, невозможно без анализа ее истоков в утопической традиции, определившей основные модели осмысления будущего.

Утопическая традиция является одним из фундаментальных культурных механизмов осмысления социальных идеалов. В классическом виде утопия формируется как моделирование нормативного общественного устройства, в котором достигаются гармония, порядок и справедливость.

Стремление к идеалу и желание упорядочить жизнь в обществе на основе справедливости, при этом зачастую недостижимой, сопровождает нас в литературе начиная с классиков древнегреческой научной мысли. Так, первые идеи построения идеального общества восходят к трудам Платона, в частности к его диалогу «Государство», написанному еще в 360 г. до н.э. [Якименко, 2016].

¹ Телефонный опрос, n = 1600, выборка репрезентативна по полу, возрасту в рамках РФ и федеральных округов, а также по типам населенных пунктов по численности населения – в рамках РФ, P=95%, Δ ≤ 2,44%.

² Главные книги и песни для поколений россиян. – 2025. – URL: <https://russianfield.com/songsandbooks> (дата обращения: 10.12.2025).

При этом сам жанр формируется к XVI–XVII векам, благодаря осмыслению в романах классиков. Основоположителем, безусловно, является автор термина «утопия» Т. Мор и его одноименное произведение (1516 г.); также важно выделить «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона (1627 г.) и «Город солнца» Т. Кампанеллы (1623 г.).

Утопический дискурс задает позитивный образ возможного будущего, выступая одновременно проектом и критикой существующей реальности. Исследователями утопического метажанра подчеркивается, что утопия представляет собой особый способ социального воображения, в котором идеальное пространство используется для анализа ключевых проблем современности [Журкова, 2019; Claeys, 2017]. Именно в этом аспекте утопия рассматривается не как изолированная литературная форма, а как культурный инструмент выявления структурных противоречий общества и определения потенциальных направлений его преобразования.

Развитие утопического жанра неизбежно выявляет его внутренние ограничения. К концу XIX – началу XX веков утопическая модель социального устройства сталкивается с масштабными социальными, политическими и технологическими трансформациями, которые ставят под сомнение его способность предлагать универсальные рецепты социального развития [Booker, 1994a]. Именно в этот период усиливается критическое переосмысление утопизма, связанное с ростом вмешательства государства в жизнь человека, усложнением социальных структур и появлением новых форм власти, которые воспринимаются как потенциально опасные.

Дальнейший переход от классических утопий Нового времени к модерну и постмодернистскому пониманию утопии сопровождается сменой акцентов: утопическое мышление начинает утрачивать статус универсальной позитивной программы, а в противовес этому начинает рассматриваться как инструмент критического анализа. В исследовании Л.М. Юрьевой подчеркивается это напряжение между нормативной завершенностью утопии и динамикой реальных социальных процессов, что делает утопическую модель восприимчивой к критическому переосмыслению [Юрьева, 2005].

Трансформация утопического дискурса в условиях модерна и поздней современности связана с кризисом универсальных социальных проектов и усложнением социальных структур. Ф. Джеймисон в работе «Археология будущего» рассматривает утопиче-

ское мышление как «необходимое условие критического анализа позднего капитализма» и подчеркивает, что утопия сегодня – это способ реконфигурации альтернативных социальных возможностей, а не статичная позитивная модель [Jameson, 2005].

Современный утопизм все чаще трактуется не как проект нормативно завершенного идеального общества, а как форма утопического мышления, которая нацелена на социальное воображение, ориентированное на критическое осмысление существующих социальных порядков и возможных направлений их трансформации [Юрьева, 2005].

В отечественной гуманитарной науке проблема современной формы утопического мышления получила значительное развитие. А.В. Костина рассматривает утопизм как элемент массовой культуры, позволяющий обществу артикулировать свои ценностные ожидания и модели будущего [Костина, 2006]. В свою очередь, С.Л. Андреева и М.Л. Бедрикова показывают, что антиутопия формируется как продолжение утопического дискурса и может функционировать как форма «футурологической диагностики», выявляющая потенциальные социальные деформации и риски в моделируемых образах общества [Андреева, Бедрикова, 2017].

Именно в рамках этого обновленного утопического дискурса формируется антиутопия как его рефлексивная и критическая составляющая. Исследования Т. Мойлана и Р. Бакколини вводят концепцию «критической дистопии», которая сохраняет утопический импульс, но использует негативное моделирование для анализа угрожающих тенденций современного общества [Dark horizons ... , 2003]. М. Бомонт показывает, что антиутопический нарратив XXI века тематизирует социальные страхи, связанные с цифровыми технологиями, биополитическим управлением и экологическими рисками [Beaumont, 2012]. Л.Т. Сарджент подчеркивает, что антиутопия стала ключевой формой культурной рефлексии о власти, технологиях и общественных рисках, функционируя как своего рода инструмент диагностики социальных патологий будущего [Sargent, 2010, p. 102–117].

Антиутопия использует те же инструменты моделирования будущего, что и утопия, но указывает на риски и издержки социальных проектов, которые пытаются построить универсальное и справедливое общество [Журкова, 2019]. В результате антиутопия становится не отрицанием утопии, а рефлексивным продолжением утопического дискурса, которое подчеркивает необходимость критического взгляда на любые тотальные социальные модели.

Антиутопия как особый художественный жанр получила теоретическое обоснование в работах отечественных и зарубежных исследователей. Б.А. Ланин рассматривает антиутопию как литературную модель общества, в которой выявляются скрытые механизмы социального контроля, деформации власти и нарушения традиционных форм коллективного бытия [Ланин, 1993]. Л.М. Юрьева выделяет комплекс жанровых признаков классификации антиутопии [Юрьева, 2005]. В рамках настоящего исследования представляется важным акцентировать внимание на следующих из них.

1. Конструкция тоталитарного государства является закономерным продолжением утопических идеалов упорядоченности и справедливости, возведенной в абсолют.

2. Наличие героя-бунтаря или группы, которая пытается найти выход из «идеального» общества как противоречащего их пониманию свободы.

3. Пространственная изоляция как основной фактор для возможности «прорыва»: чтобы появилась возможность исхода, необходима преграда, которую можно преодолеть.

4. Исповедальные формы повествования.

5. Разрыв исторической преемственности, формулируемый в виде события, после которого развитие общества ушло от эволюционного развития к антиутопичному существованию [там же].

Обобщая существующие подходы, М.С. Журкова трактует антиутопию как часть утопического метажанра, подчеркивая, что антиутопический дискурс возникает как реакция на нормативные проекты идеального общества, выявляя потенциальные социальные риски модернизации [Журкова, 2019].

В англоязычной традиции исследование антиутопии связано, прежде всего, с работами Г. Клэйса, М.К. Букера и Т. Мойлана. Г. Клэйс рассматривает дистопию как культурную форму, акцентирующую три типа угроз (политические, экологические и технологические), которые конструируют характерный спектр социальных страхов позднего модерна [Claeys, 2017]. М.К. Букер в ряде работ подчеркивает, что дистопическая литература функционирует как форма социальной критики, фиксирующая последствия бюрократизации, технологизации и коммерциализации современного общества [Booker, 1994a; Booker, 1994b]. Т. Мойлан вводит понятие «critical dystopia» – критической дистопии, сохраняющей утопический горизонт и способной формировать пространство поли-

тического воображения, не сводя анализ исключительно к негативным сценариям будущего [Moylan, 2000].

Для интерпретации антиутопии как модели властных отношений используются политико-философские концепции Х. Арендт и М. Фуко. Х. Арендт в работе «Истоки тоталитаризма» анализирует природу тоталитарного контроля, стремящегося к подчинению частной и публичной сфер и уничтожению автономии индивида, что делает ее концепцию релевантной для интерпретации политических антиутопий XX века [Арендт, 1996]. М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать» раскрывает механизмы дисциплинарной власти, паноптизма и производства «послушного тела», что обеспечивает методологическую базу для анализа антиутопий, моделирующих различные формы надзора, биополитики и социального конструирования субъекта [Фуко, 1999].

Дистопические нарративы массмедиа отражают коллективные страхи и ожидания, репрезентируют конфликты между индивидом и институтами власти, а также формируют специфические модели восприятия будущего. Это позволяет рассматривать антиутопию не только как литературный или культурологический феномен, но и как показатель общественных настроений, который может быть изучен средствами социологии.

Антиутопия как социальный индикатор общественных настроений и форма коллективного воображения отражает типологию социальных страхов и ожиданий, связанных с представлениями о государстве, технологиях, биополитическом контроле и социальных рисках [Claeys, 2017; Booker, 1994a]; моделирует формы власти и подчинения, что позволяет использовать ее для изучения представлений о свободе, справедливости и социальной норме [Арендт, 1996; Фуко, 1999]; выступает как форма социальной критики и одновременно как пространство альтернативного воображения, что делает ее ценным материалом для анализа общественных настроений и дискурсивных конфликтов [Moylan, 2000; Booker, 1994b].

В условиях доминирования в современном обществе аудиовизуальных медиа антиутопический дискурс все чаще реализуется в формате кино- и телепродукции, что приводит к изменению структуры жанра и смещению акцентов в сторону визуальной образности, эмоциональной вовлеченности и индивидуализированной перспективы. Исследования Т.И. Ерохиной и А.А. Абовяна на материале экранизаций и адаптаций показывают, что антиутопия в массовой культуре нередко трансформирует классические сюжет-

ные элементы, адаптируя их для широкой аудитории и усиливая психологическую составляющую повествования [Ерохина, Абоян, 2017]. Медиатрансформация жанра делает антиутопию значимым объектом анализа не только для литературоведения, но и для социологии массовых коммуникаций, массового сознания и общественного мнения, а устойчивость жанровых признаков антиутопии обеспечивает возможность применения социологического инструментария – контент-анализа, дискурс-анализа и др. – как в отношении произведений, так и в отношении читательских или зрительских отзывов и оценок [Юрева, 2005; Журкова, 2019].

Материалы и методы

Способность жанра антиутопии воплощать в зримых, конкретно-чувственных ситуациях и сюжетных линиях образ «страшного», нежеланного будущего позволяет выделить сценарии, которые пугают зрителей сильнее всего. Платформа интернет-сервиса «Кинопоиск»¹, сочетающая функции базы данных, социального медиа и специализированного интернет-издания, представляется оптимальным источником для сбора интересующих авторов данных. Глобальная, наиболее авторитетная для кинокритиков и других специалистов в области кинематографа база IMDb хотя и является более полной и обладает всеми необходимыми инструментами, аналогичными «Кинопоиску», но не релевантна главной задаче – понять специфику социальных ожиданий именно российского, а не зарубежного зрителя. Состав фильмов, отобранных из предложений платформы по запросу «Антиутопия», представлен в приложении.

Авторы исходят из того, что наибольшее соответствие сюжета воспринимаемым угрозам (точность его соответствия зрительским опасениям) обеспечивает больший объем зрительской аудитории и большую вариативность оценок (поскольку фильм, вызвавший предельно негативные эмоции, едва ли будет оцениваться зрителями однозначно хорошо или однозначно плохо). Соответственно, индикаторами его значимости для аудитории, помимо охвата, будет выступать средняя оценка, индекс зрительского одобрения фильма в оставленных зрителями рецензиях, который мы рассчитывали как отношение разности суммы положительных и отрицательных оценок рецензентов к общему количеству вы-

¹ Кинопоиск. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/> (дата обращения: 10.12.2025).

ставленных ими оценок, и разброс оценок рецензентов. Необходимость анализа и оценок, выставленных всеми пользователями, и оценок, выставленных фильму теми, кто написал рецензии, связана с жанровой спецификой антиутопий. Фильм, в котором априори нет надежды на хэппи-энд, едва ли способен полноценно выполнять гедонистическую функцию, которая уступает лидирующее место рефлексии по поводу мировоззрения, идеологии, социальных норм и социальных отношений. Количество оставленных зрителями рецензий маркирует более глубокую и продолжительную, чем обычная оценка, реакцию, связанную с беспокойством по поводу увиденного и потребностью от этого беспокойства избавиться, включившись в публичную дискуссию. Эту характеристику можно считать показателем конверсивности фильма (как способности формировать и модифицировать общественное мнение).

Важно отметить, что жанровая классификация ни на «Кинопоиске», ни в IMDb не выделяет в отдельный жанр антиутопию, что заставляет ввести переменные числа жанров, которыми маркирован фильм, и отдельно – жанров, для которых характерно присутствие стенических эмоций (боевик, триллер, комедия, приключения). Этим проверяется предположение о том, что на положительный знак оценок может влиять также позитивный эмоциональный фон, который обеспечивает жанровая гибридность. Классическая антиутопия, заканчиваясь поражением и смертью (если не физической, то социальной) взбунтовавшегося против системы героя, оставляет чувство бессилия и безысходности. Если, согласно гипотезе авторов, более высокие оценки получают те фильмы, где конец героя не так печален, имеется открытый финал или надежда на справедливость (что составило отдельную переменную анализа), можно сделать вывод, что рост популярности антиутопического сюжета говорит о росте не только социальных фобий и катастрофизма, но и запроса на реальные преобразования существующей действительности, становясь своеобразным индикатором отраженной социальной напряженности.

Результаты исследования

Социальные страхи в семантическом пространстве антиутопий

Частотный анализ ключевых слов и аннотаций «Кинопоиска» к рассматриваемым фильмам-антиутопиям позволил сформировать

слов подчеркивает контролирующий и репрессивный характер социальных институтов антиутопического мира.

Важное место отводится лексике, обозначающей насилие и девиации: «убийство», «смерть», «война», «удар», «преступление», но в отличие от облака ключевых слов преступление или насилие используется не как жанровый маркер, а как событие, запускающее взаимодействие персонажа и системы.

Обладающее высокой частотностью слово «город» обозначает и фон повествования, и структурный элемент построения мира, социальную среду, где механизмы контроля обладают максимальной интенсивностью. Таким образом, аннотации к фильмам определяют пространство антиутопии как урбанистическое, технологизированное и нормативно перегруженное, что соответствует литературной традиции жанра.

Ключевым отличием облака слов аннотаций является практически полное отсутствие личностных характеристик персонажей, что отсылает к деиндивидуализированной социальной системе, опирающейся на правила и последствия их нарушения, а не эмоции или чувства.

Сравнительный анализ двух облаков задает рамку анализа зрительских оценок как формы выражения общественных представлений о доверии, рисках, контроле, нормах и будущем.

Зрительские оценки и модели социальных патологий

Как показал корреляционный анализ (го Спирмена на уровне значимости 0,05), все переменные зрительского восприятия тесно связаны друг с другом: чем шире охват зрителей, измеренный числом оставленных оценок, тем шире и охват вовлеченных зрителей, измеренный числом написанных рецензий ($r = 0,861$, знач. 0,000); чем выше средняя оценка, тем выше индекс одобрения фильма в рецензиях ($r = 0,771$, знач. 0,000); вариативность рецензий (положительные – отрицательные – нейтральные) также тем больше, чем больше зрителей в числе оценок ($r = 0,857$, знач. 0,000), в числе рецензий ($r = 0,920$, знач. 0,000) и чем выше средний балл фильма как в простых оценках ($r = 0,564$, знач. 0,001), так и в рецензиях ($r = 0,552$, знач. 0,001). Высокая согласованность показателей зрительской вовлеченности позволила вывести комплексную интервальную переменную популярности фильма с тремя значениями: 1 – «все метрики ниже медианы», 2 – «неоднородность

метрик», 3 – «все метрики ниже медианы». Итоги распределения фильмов по категориям показаны в блок-схеме на рис. 3.

Рис. 3. Распределение фильмов по уровням популярности

Источник: составлено авторами по данным «Кинопоиска»

С течением времени рост общего количества фильмов обеспечивает рост их популярности (рис. 4), но прямой зависимости популярности от времени нет (проведена подгонка кривых на основе датировки фильмов). Растет прежде всего охват (наименьшее количество и зрительских оценок, и – особенно – рецензий получают самые старые фильмы, с 1927 года и до середины 1970-х, а максимум рецензий посвящен фильмам, вышедшим за последнюю четверть века), тогда как собственно средние баллы в оценках и рецензиях и их вариативность в рецензиях с периодом выхода фильма не связаны. Это подчеркивает уже отмеченную рефлексивность жанра, которая значительно важнее его эстетической составляющей.

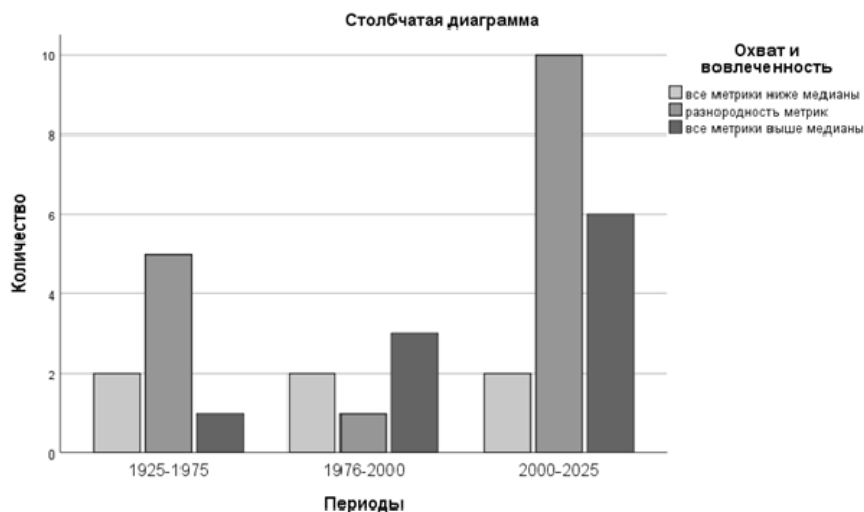

Рис. 4. Сопряженность уровней популярности и периодов времени

Источник: Составлено авторами по данным «Кинопоиска»

С течением времени усиливается оптимистичность финала (рис. 5). Каноничность антиутопии слабеет, она все чаще маркируется на платформе жанрами, связанными со стеническими эмоциями. Здесь мы обнаруживаем довольно сильную связь между популярностью фильмов и многожанровостью ($\gamma = 0,399$, знач. $0,024$). Можно предположить и положительную связь со «стеническими» жанрами, которая в данный момент ослаблена ограниченным объемом данных ($\gamma = 0,319$, знач. $0,075$). В пользу этого предположения, несмотря на слабость и незначимость связи при $n = 32$, говорит тенденция к исчезновению героя-жертвы, беззащитного перед лицом системы. Это подкрепляет высказанное предположение о потребности зрительской аудитории в образе будущего если не светлого, то управляемого, способного к изменениям в результате индивидуальных или коллективных действий.

С учетом неопределенности, вызванной дефицитом данных и невозможностью их пополнить в связи с конечностью самого объема фильмов-антиутопий, для оценки распределения зрительского внимания между разными моделями страшного будущего использован пригодный для малых выборок однофакторный дисперсионный анализ. Независимой переменной выступила катего-

рия фильма по уровню комплексной популярности. Разбиение на однородные подмножества, в соответствии с этими тремя уровнями популярности, проверялось для переменных, выведенных из лемматизированных аннотаций. На основе частотного анализа ключевых слов выделились самые выраженные страхи, для которых вводились переменные числа слов (в аннотациях к каждому фильму), характеризующих социальную структуру данного общества как ориентированную на богатство и эксплуатацию труда (классовость, финансовый капитал), контроль над гендером, сексуальностью, репродукцией (усиление демографического неравенства), контроль над продолжительностью жизни, здоровьем, долголетием (усиление демографического неравенства до поколенно-возрастных конфликтов в сочетании с биополитикой, позволяющей «верхам» продлевать свою жизнь за счет «низов»), контроль над знаниями и технологиями (меритократия, дискриминация по интеллекту, культуроцид) и милитаризм (власть силовиков, контроль над идеологией, политические репрессии). Кроме того, проверялась однородность дисперсий для фильмов с разной степенью оптимистичности финала.

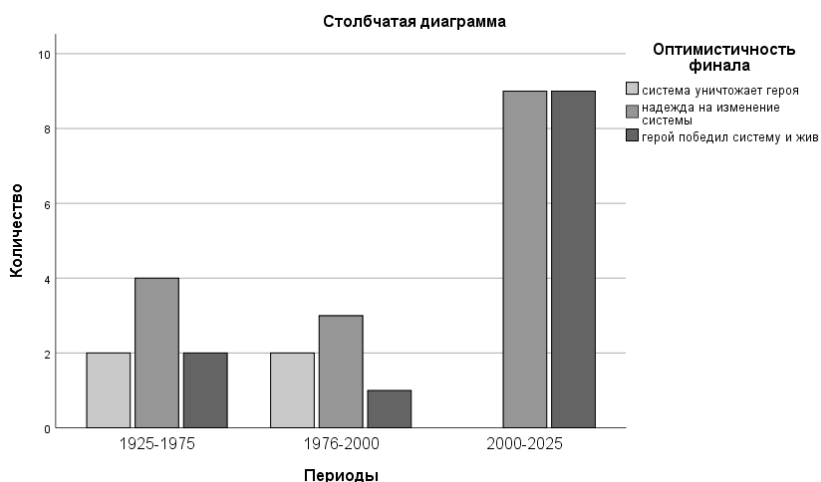

Рис. 5. Сопряженность оптимистичности финала и периодов времени

Источник: Составлено авторами по данным «Кинопоиска»

Как показали критерий равенства дисперсий Ливиня и критерий однородности подмножеств Дункана, современного россий-

ского зрителя всерьез не пугает ни экономическая поляризация с обострением классовой борьбы, ни утрата субъектности в области сексуальных, брачных, детско-родительских отношений. Но различия в популярности фильмов, моделирующие управляемое неравенство в долголетию, обладании знаниями и технологиями и в лояльности к политическому режиму в условиях военной диктатуры, статистически достоверны. Фильмы, включающие мотивы торговли временем, принудительного изъятия донорских органов, избавления от «лишних» людей по достижениям ими определенного возраста, чаще получают самые высокие и самые низкие оценки, но критерий Дункана не дает оснований выделить их в какую-то одну группу по популярности. Наименьшей популярностью пользуются фильмы, описывающие меритократическое устройство или преследование интеллектуалов. Самыми дискуссионными, будоражащими общественное внимание (в отдельную подгруппу с надежностью в 1 по критерию Дункана выделяется подмножество фильмов с разнородностью метрик) являются фильмы о репрессивном типе общества с милитаристским режимом правления.

При этом с надежностью в 1 в отдельную подгруппу фильмов, где все метрики выше медианы, выделяются фильмы с героем, который побеждает систему и остается в живых.

Заключение

С расширением антиутопического дискурса в сфере аудиовизуальных медиа жанр приобретает особую значимость для социологических исследований массовой культуры и общественного сознания. Экранизации антиутопий и оригинальные кинопроекты, обращаясь к коллективным страхам, ожиданиям и переживаниям, характерным для современного общества, формируют специфические визуальные модели будущего. Массовый зритель реагирует на такие произведения через систему интерпретаций, оценок и эмоциональных откликов, которые фиксируются как в самом нарративе, так и в сопутствующих медийных практиках – обсуждениях, комментариях, пользовательских рецензиях. Таким образом, киноантиутопия и отзывы зрителей становятся эмпирическими индикаторами восприятия социальных рисков и представлений о будущем, что позволяет исследовать антиутопию как элемент общественного сознания и объект социологического анализа.

Сопоставление частности ключевых слов двух облаков (в тегах и аннотациях) позволяет выявить различие не столько в худо-

жественных характеристиках антиутопии, сколько в уровнях социальных репрезентаций: аффективно-популярный, основанный на коллективных страхах и эмоциях, фиксирует образы насилия, угрозы жизни и репрессивных практик, отражая коллективные социальные тревоги; структурно-аналитический, основанный на понимании общественного устройства и норм. Данное различие указывает на сосуществование в массовом сознании эмоционального и аналитического способов осмысления рисков будущего.

Анализ зрительских оценок и рецензий дополняет выявленные закономерности, указывая на то, что реакции аудитории – это эмпирическое выражение восприятия социальных патологий и напряженности, моделируемых в антиутопическом нарративе. Полученные количественные и качественные показатели демонстрируют, что антиутопические сюжеты выполняют не гедонистическую, а преимущественно рефлексивную функцию, стимулируя обсуждение вопросов власти, социальной справедливости, норм и допустимых границ социального контроля.

Таким образом, антиутопия может рассматриваться не только как жанровый сегмент массовой культуры, но и как индикатор общественных настроений и форма коллективного социального воображения, в рамках которой конструируются и осмысливаются представления о рисках, угрозах и возможных траекториях развития общества. Полученные результаты подтверждают эвристический потенциал использования антиутопического кинематографа и зрительских откликов в качестве эмпирического материала для социологического анализа массового сознания и восприятия будущего.

Список литературы

Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Жанровые признаки антиутопии в повести Ю. Давыдова «Африканский вариант» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 49. – С. 113–135. – DOI: 10.17223/19986645/49/8

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с.

Ерохина Т.И., Абовян А.А. Трансформация антиутопии в контексте массовой культуры: О. Хаксли «Дивный новый мир», А. и Б. Стругацкие «Хищные вещи века» // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5. – С. 262–268.

Журкова М.С. Функциональные особенности и границы жанра антиутопии // Филологический аспект. – 2019, № 4. – С. 278–290.

Костина А.В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 28–35.

Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX в. : дисс. <...> докт. филол. наук. – Москва, 1993. – 350 с.

- Фуко М. Надзирать и наказывать. – Москва : Ад Маргинем, 1999. – 416 с.
- Юрьева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. – Москва : Флинта, 2005. – 216 с.
- Якименко П.И. «Идеальное государство» Платона – прообраз тоталитарного государства? // Фестиваль права : сборник трудов 4-й Всероссийской научной молодежной конференции : в 2 ч., Ставрополь, 15–16 декабря 2016 года / под ред. М.С. Трофимова. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. – Часть 1. – С. 36–38.
- Beaumont M. *The spectre of utopia: utopian and science fictions at the “Fin de Siècle”*. – Oxford : Peter Lang, 2012. – 318 p. – DOI: 10.3726/978-3-0353-0206-6
- Booker M.K. *Dystopian literature: a theory and research guide*. – Westport : Greenwood press, 1994a. – 208 p.
- Booker M.K. *The dystopian impulse in modern literature: fiction as social criticism*. – Westport : Greenwood press, 1994b. – 210 p.
- Claeys G. *Dystopia: a natural history*. – Oxford : Oxford university press, 2017. – 560 p. – DOI: 10.1111/1468-229X.12764
- Dark horizons: science fiction and the dystopian imagination* / ed. by R. Baccolini, T. Moylan. – New York : Routledge, 2003. – 290 p. – DOI: 10.4324/9781315810775
- Jameson F. *Archaeologies of the future: the desire called utopia and other science fictions*. – London : Verso, 2005. – 431 p.
- Moylan T. *Scraps of the untainted sky: science fiction, utopia, dystopia*. – Boulder : Westview press, 2000. – 290 p. – DOI: 10.4324/9780429497407
- Sargent L.T. *Utopianism: a very short introduction*. – Oxford : Oxford university press, 2010. – 145 p.

References

- Andreeva S.L., Bedrikova M.L. Genre features of dystopia in Yuri Davydov's “Африканский вариант”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk state university journal of philology]. – 2017. – N 49. – P. 113–135. – DOI: 10.17223/19986645/49/8 (In Russian)
- Arendt H. *The origins of totalitarianism*. – Moscow : CenterKom, 1996. – 672 p. (In Russian)
- Beaumont M. *The spectre of utopia: utopian and science fictions at the “Fin de Siècle”*. – Oxford : Peter Lang, 2012. – 318 p. – DOI: 10.3726/978-3-0353-0206-6
- Booker M.K. *Dystopian literature: a theory and research guide*. – Westport : Greenwood press, 1994a. – 208 p.
- Booker M.K. *The dystopian impulse in modern literature: fiction as social criticism*. – Westport : Greenwood press, 1994b. – 210 p.
- Claeys G. *Dystopia: a natural history*. – Oxford : Oxford university press, 2017. – 560 p. – DOI: 10.1111/1468-229X.12764
- Dark horizons: science fiction and the dystopian imagination* / ed. by R. Baccolini, T. Moylan. – New York : Routledge, 2003. – 290 p. – DOI: 10.4324/9781315810775
- Erokhina T.I., Abovyan A.A. Transformation of anti-utopia in popular culture context: O. Huxley's “The marvelous new world”, A. and B. Strugatsky's “Predatory

things of the century”. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin]. – 2017. – N 5. – P. 262–268. (In Russian)

Fuko M. *Discipline and punish: the birth of the prison*. – Moscow : Ad Marginem, 1999. – 416 p. (In Russian)

Jameson F. *Archaeologies of the future: the desire called utopia and other science fictions*. – London : Verso, 2005. – 431 p.

Kostina A.V. Mass culture: aspects of understanding. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. – 2006. – N 1. – P. 28–35. (In Russian)

Lanin B.A. *Russian literary dystopia of the 20th century*: diss. <...> doctor of philological science. – Moscow, 1993. – 350 p. (In Russian)

Moylan T. *Scraps of the untainted sky: science fiction, utopia, dystopia*. – Boulder : Westview press, 2000. – 290 p. – DOI: 10.4324/9780429497407

Sargent L.T. *Utopianism: a very short introduction*. – Oxford : Oxford university press, 2010. – 145 p.

Yakimenko P.I. Plato's “Ideal State” – a prototype of a totalitarian state? *Law festival: proceedings of the 4th All-Russian scientific youth conference: in 2 parts, Stavropol', December 15–16, 2016*. Ed. by M.S. Trofimov. – Stavropol' : North Caucasus federal university, 2016. – Part 1. – P. 36–38. (In Russian)

Yuryeva L. M. *Russian dystopia in world literature*. – Moscow : Flinta, 2005. – 216 p. (In Russian)

Zhurkova M.S. Functional features and boundaries of the dystopia genre. *Filologicheskij aspekt* [Philological aspect]. – 2019. – N 4. – P. 278–290. (In Russian)

Приложение

Состав фильмов – объектов оценивания

№	Название	Жанры	Страна	Год
1.	Метрополис	фантастика, триллер, драма	Германия	1927
2.	1984	фантастика, драма	Великобритания	1956
3.	Альфавиль	фантастика, триллер, драма, детектив	Франция, Италия	1965
4.	451° по Фаренгейту	фантастика, драма	Великобритания	1966
5.	Галактика ТНХ-1138	фантастика, драма	США	1971
6.	Спящий	фантастика, комедия	США	1973
7.	Зеленый сойлент	фантастика, триллер, криминал, детектив	США	1973
8.	Бегство Логана	фантастика, боевик, приключения	США	1973
9.	Мы	фантастика, драма	Германия	1982
10.	1984	фантастика, драма	Великобритания	1984
11.	Бразилия	фантастика, драма, комедия	Великобритания, США	1985

**Антиутопия – нежеланное будущее в зрительских оценках
«Кинопоиска»**

12.	Гаттака	фантастика, драма, мелодрама, детектив	США	1997
13.	Дивный новый мир	фантастика, драма	США	1998
14.	Шоу Трумана	драма, комедия	США	1998
15.	Эквилибриум	фантастика, боевик, триллер, драма	США	2002
16.	Особое мнение	фантастика, боевик, триллер, криминал, детектив	США	2002
17.	Идиократия	фантастика, комедия, приключения	США	2005
18.	«V» значит Вендетта	фантастика, боевик, триллер, драма	США	2006
19.	Обитаемый остров	фантастика, боевик	Россия	2008
20.	Потрошители	фантастика, боевик, триллер	США	2009
21.	Обитаемый остров: Схватка	фантастика, боевик	Россия	2009
22.	Суррогаты	фантастика, боевик, триллер	США	2009
23.	Обитаемый остров. Планета Саракш	фантастика, боевик	Россия	2010
24.	Время	фантастика, мелодрама, боевик	США	2011
25.	Дивергент	фантастика, детектив, боевик, мелодрама	США	2014
26.	Посвященный	фантастика, триллер, драма, мелодрама	Канада, ЮАР, США	2014
27.	Бегущий в лабиринте	фантастика, триллер, приключения	США, Великобритания	2014
28.	Бегущий в лабиринте: испытание огнем	фантастика, боевик, триллер	США	2015
29.	Бегущий по лезвию 2049	фантастика, боевик, триллер, драма	США, Канада, Испания	2017
30.	451 градус по Фаренгейту (сериал)	фантастика, триллер, драма	США	2018
31.	Бегущий в лабиринте: лекарство от смерти	фантастика, боевик, триллер, приключения	США	2018
32.	Рассказ служанки (сериал)	фантастика, триллер, драма	США	2017–2025

УДК 304.444

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.04

ДОЛГОВ А.Ю.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: HORSELL Ch. UTOPIAN THINKING AND SOCIAL WORK. – New York: Routledge, 2025. – 164 p. [ХОРСЕЛЛ К. УТОПИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА]

Аннотация. В рецензии рассматривается книга Криса Хорселла «Утопическое мышление и социальная работа» (2025), посвященная возможностям применения утопического мышления как инструмента критического анализа в социальной работе и социальной политике. Хорселл критикует неолиберальный подход в социальной политике и социальной работе и предлагает реабилитировать возможности утопического воображения для проектирования лучшего будущего. В представленной рецензии рассматривается теоретическая и практическая значимость работы Хорселла.

Ключевые слова: утопия; утопическое мышление; социальная политика; социальная работа; неолиберализм; воображение будущего.

Для цитирования: Долгов А.Ю. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 54–61. – Рец. на кн.: Horsell Ch. Utopian thinking and social work. – New York : Routledge, 2025. – 164 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.04

Рецензия поступила: 30.01.2026.

Принята к публикации: 09.02.2026.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; dolgovalexandr@yandex.ru

DOLGOV A.Yu.** Book review: Horsell Ch. Utopian thinking and social work. – New York: Routledge, 2025. – 164 p.

Abstract. This review examines Chris Horsell's book *Utopian Thinking and Social Work* (2025), which explores the potential of utopian thinking as a tool for critical analysis in social work and social policy. Horsell criticizes the neoliberal approach in social policy and social work and proposes rehabilitating the possibilities of utopian imagination for designing a better future. This review examines the theoretical and practical significance of Horsell's work.

Keywords: utopia; utopian thinking; social policy; social work; neoliberalism; imagining the future.

For citation: Dolgov A.Yu. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 54–61. – Book review: Horsell Ch. Utopian thinking and social work. – New York : Routledge, 2025. – 164 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.04

Received: 30.01.2026.

Accepted: 09.02.2026.

В последние годы заметной тенденцией в социальных науках стала «реабилитация» утопии – не только как объекта академических исследований, но и как инструмента в научном теоретизировании и социально-политическом реформировании. При этом стоит отметить, что еще в 1923 г. Джойс Орамель Херцлер, осуществив систематический анализ утопий, настаивал на том, что утопию надо рассматривать не как литературную фантазию или наивный воображаемый проект, а как особую форму социального мышления, исторически и контекстуально взаимосвязанную с периодами социальных напряжений, кризисов и трансформаций [Hertzler, 1923]. Херцлер также подчеркивал, что утопии часто выступают драйверами социальных преобразований, критикуя настоящее и предлагая проекты возможного будущего [ibid.]. И хотя утопии полностью не реализуются, они способны воздействовать

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics»; dolgovalexandr@yandex.ru

на социальную реальность, формируя новые идеалы, нормы и институты [Hertzler, 1923].

Книга Криса Хорселла «Утопическое мышление и социальная работа» органично вписывается в вышеуказанную интеллектуальную традицию, стремящуюся вернуть утопическому воображению его заслуженное место в социальных науках и практике помогающих профессий [Horsell, 2025]. Автор – PhD, преподаватель социальной работы и социальной политики в Университете Южной Австралии (г. Аделаида) – представил теоретически насыщенное и практико-ориентированное исследование, посвященное возможностям применения утопического мышления как инструмента критического анализа в социальной работе и социальной политике. В книге формулируется программа использования утопии не как нереалистичного идеала, а как методологического и критического ресурса, позволяющего осмысливать альтернативы доминирующим неолиберальным подходам. Хорселл считает, что социальные работники, преподаватели и исследователи должны активнее обращаться к утопическому воображению как к условию возможности подлинного социального преобразования в эпоху усиливающегося социального неравенства и ослабления роли государства всеобщего благосостояния [ibid.].

Книга состоит из введения и шести глав. В первой главе представлен историко-теоретический анализ понятия утопии. Хорселл указывает на сложность и многозначность этого термина. Так, утопия может рассматриваться с точки зрения содержания (нормативное представление о «хорошем обществе»), формы (например, литературные тексты, политические проекты) и функции (влияние на социальное воображение и политическую практику) [Horsell, 2025, p. 6–7]. Ключевым для Хорселла становится определение утопии через функцию, поскольку так открывается возможность для социальной критики и социально-политических преобразований.

Хорселл также обращается к концепции «воображаемого переустройства общества» (imaginary reconstitution of society), предложенной Рут Левитас [Levitas, 2013]. Концепция включает в себя три аналитических компонента (модуса), позволяющих использовать утопическое мышление как способ познания: археологический (выявление образов «хорошего общества», встроенных в существующие политические институты и программы), онтологический (анализ типа людей, которых общество стремится воспитать) и архитектурный (проектирование альтернативных сценариев будущего)

[Horsell, 2025, p. 7]. Такой подход ценен тем, что он переводит обсуждение утопий на уровень научного анализа социальных альтернатив, позволяя увидеть, что современное устройство общества – лишь один из множества возможных вариантов.

В первой главе также прослеживается генезис утопического мышления начиная с эпохи Возрождения, прежде всего с работы Томаса Мора. Хорселл показывает, что утопическое мышление выполняло для общества функцию «критического отзеркаливания», позволяя выявлять социальные противоречия и несправедливости [Horsell, 2025, p. 12–13]. В последующие столетия утопическая литература и политическая мысль развивались в различных направлениях: от социалистических проектов XIX века до феминистских утопий (и дистопий) второй половины XX века.

Завершая главу, автор отмечает, что утопическое мышление необходимо для развития критической социальной теории и практики социальной работы, поскольку оно позволяет выходить за пределы существующих институциональных ограничений [Horsell, 2025, p. 25].

Во второй главе Хорселл связывает утопическое мышление с практиками социальной работы и социальной политики. Раздел начинается с анализа неолиберализма как господствующей логики социальной политики в западных демократиях с конца 1970-х годов. Основной тезис Хорселла заключается в том, что неолиберализм существенно ограничил возможности критического анализа социальных проблем. В неолиберальной оптике такие социальные проблемы как бедность, бездомность или семейное насилие трактуются преимущественно в индивидуалистических категориях – и это приводит к тому, что структурные причины неравенства оказываются вне поля зрения социальной политики.

Используя в качестве примера Австралию, автор применяет метод «воображаемого переустройства общества» к двум конкретным областям социальной политики в этой стране: бездомности и инвалидности. Археологический анализ отношения к бездомности в официальных документах вскрывает доминирование идеала домовладения и патологизацию идентичностей бездомных [Horsell, 2025, p. 45]. Онтологический анализ показывает, что идеальным субъектом государственной политики является «независимый» и «ответственный» гражданин, тогда как бездомный конструируется как дефицитарный объект надзора [ibid., p. 45–46]. Архитектурный модус развивает концепцию коллективной взаимозависимости в качестве альтернативы неолиберальным подходам [ibid., p. 46–47].

Автор также отмечает важность идеи «социального мечтания» как коллективного воображения более справедливых форм общества. Такая перспектива, по мнению Хорселла, способствует развитию обновленных способов реализации социальной работы, ориентированной не только на помощь отдельным индивидам, но и на трансформацию несправедливых социальных структур [Horsell, 2025, p. 43].

Третья глава посвящена обоснованию роли художественной утопической и дистопической литературы как специфического источника социального знания и ресурса для критического мышления. Опираясь на идеи о социальной работе как искусстве и на традицию использования художественных текстов в социологическом воображении, Хорселл отстаивает правомерность обращения к литературным утопиям для профессионального образования и решения практических задач. Литературные произведения, по его мнению, способны расширять горизонты политического и социального воображения, предлагая новые способы осмысления социальной справедливости и равенства [Horsell, 2025, p. 71].

Отдельное внимание уделяется феминистским утопиям, которые предлагают критический анализ гендерных иерархий и патриархальных структур власти (примером феминистской дистопии служит, в частности, «Рассказ служанки» Маргарет Этвуд). Подобные тексты демонстрируют, каким образом утопическое воображение может использоваться для критики существующих социальных порядков и разработки новых форм социальной организации.

Хорселл также обращается к постколониальной утопической традиции для демонстрации того, что утопическое воображение существует и за пределами западной культуры, а его деколонизирующие формы создают принципиально иные онтологические перспективы [Horsell, 2025, p. 79–80].

Четвертая глава посвящена анализу образовательных программ в области профессиональной подготовки социальных работников. Хорселл анализирует последствия неолиберальных реформ университетов, специализирующихся на образовании в сфере социальной работы, констатируя неприятную тенденцию: происходит смещение образовательного акцента с критического анализа структур на техническую выработку «навыков» работы с индивидуальными патологиями. Эта тенденция, по мнению автора, не нейтральна – она воспроизводит и легитимирует неолибе-

ральные рамки интерпретации социальных проблем [Horsell, 2025, p. 89].

В качестве альтернативы Хорселл предлагает разработать «утопическую педагогику» на основе идей бразильского педагога Паулу Фрейре (1921–1997), который рассматривал образование как политический акт, направленный на развитие критического мышления и трансформацию угнетающих социальных структур [Freire, 1970]. Исходя из этого, утопический компонент в образовании, согласно Хорселлу, опирается на: «а) изобличение (denunciation), которое понимается как критический анализ прошлых и настоящих социальных условий, подчеркивающий, как структуры породили угнетение, и б) провозглашение (annunciation), которое следует рассматривать как процесс трансформации и готовность к рефлексивному и диалогическому действию» [Horsell, 2025, p. 97].

Глава завершается практико-ориентированными тезисами об элементах утопической педагогики: сострадательном и критически рефлексивном подходе, диалоге, демократической практике, активизме и этической ответственности [Horsell, 2025, p. 104].

Пятая глава посвящена анализу производства академического знания в сфере социальной работы. Хорселл прослеживает, как неолиберальная трансформация университетов изменила исследовательские приоритеты в социальных науках: в ущерб широким критическим вопросам о структурных причинах социального неравенства возобладаало индивидуализированное знание [Horsell, 2025, p. 115]. Исследовательская работа все сильнее зависит от идеологических требований государственных структур и крупных НКО, тогда как альтернативные маргинализированные темы и формы знания систематически исключаются из академического обсуждения.

В противовес этим тенденциям автор обосновывает ценность утопически ориентированных исследований в социальной работе. Особое место занимает тема сострадания [Horsell, 2025, p. 117]. Хорселл рассматривает сострадание не как индивидуальную добродетель, а как политически обусловленную категорию, связанную с этикой заботы и признанием коллективной взаимозависимости.

В заключении (шестая глава) Хорселл обобщает основные аргументы книги и еще раз подчеркивает, что утопическое мышление может стать важным ресурсом для обновления социальной работы, поскольку оно позволяет подвергнуть критическому анализу существующие социальные структуры и разработать альтер-

нативные модели социальной политики, в том числе для поддержки людей с инвалидностью, борьбы с бездомностью, защиты детей и помощи пожилым людям [Horsell, 2025, p. 134–135]. Особый акцент автор делает на постпандемическом периоде как исторической возможности: кризис COVID-19, по мнению Хорселла, не только показал провалы неолиберальных подходов к социальному обеспечению, но и создал условия, при которых утопические альтернативы могут обрести политический вес. Хорселл полагает, что будущее не должно быть отдано на откуп крупному капиталу и технологиям; оно должно быть предметом активного созидания со стороны гражданского общества и профессиональных сообществ.

Хотя работа Криса Хорселла выполнена во многом в активистском ключе и важна в первую очередь для теории и практики социальной работы, в ней поднимаются важные вопросы, обсуждение которых может оказаться полезным и для социологии. В частности, благодаря вопросам, которые ставит Хорселл, возникают интересные направления для будущих исследований, которые могли бы прояснить взаимосвязь социологического знания, утопического мышления, социальной политики и социальной педагогики. Эта исследовательская проблема имеет, в частности, непосредственное отношение к становлению социологии в России. Так, разработка Питиримом Сорокиным «системы социологии» в ранний период творчества тесно переплетается с его социально-педагогической утопией, нацеленной на изменение жизни людей к лучшему [Сапов, 2012; Сапов, 2017].

В целом книга Хорселла заслуживает внимания специалистов в области социальной работы, социальной политики, социологии и критической педагогики. Работа вносит значительный вклад в дискуссию о роли воображения в конструировании будущего и защите прав уязвимых социальных групп, поэтому она будет особенно интересна преподавателям и студентам образовательных программ в области социальной работы. Книга Хорселла дает понять, что способность воображать и мыслить иначе – не наивное мечтание, а профессиональная и гражданская необходимость. Хотя нельзя не заметить, что вопрос о том, каким образом утопические идеи могут быть реализованы в конкретных институциональных и культурных условиях, остается открытым.

Список литературы

Сапов В.В. Мечта социолога // Человек. – 2012. – № 1. – С. 151–158.

Сапов В.В. Питирим Сорокин: писатель, поэт, садовод // Сорокин П.А. Прачечная человеческих душ: художественные произведения. 1907–1923 / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова, М.В. Ломоносовой. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2017. – С. 7–22.

Freire P. *Cultural action for freedom*. – Cambridge (MA) : Penguin, 1970. – 55 p.

Hertzler J.O. *The history of utopian thought*. – New York : Macmillan, 1923. – 346 p.

Horsell Ch. *Utopian thinking and social work*. – New York : Routledge, 2025. – 164 p. – DOI: 10.4324/9781003384434

Levitas R. *Utopia as method: the imaginary reconstitution of society*. – London : Palgrave, 2013. – 268 p.

References

Freire P. *Cultural action for freedom*. – Cambridge (MA) : Penguin, 1970. – 55 p.

Hertzler J.O. *The history of utopian thought*. – New York : Macmillan, 1923. – 346 p.

Horsell Ch. *Utopian thinking and social work*. – New York : Routledge, 2025. – 164 p. – DOI: 10.4324/9781003384434

Levitas R. *Utopia as method: the imaginary reconstitution of society*. – London : Palgrave, 2013. – 268 p.

Sapov V.V. A sociologist's dream. *Chelovek* [The human being]. – 2012. – N 1. – P. 151–158. (In Russian)

Sapov V.V. Pitirim Sorokin: writer, poet, gardener. *Sorokin P.A. Laundry of human souls: fiction. 1907–1923*. Compiled, text preparation, introduction and commentary by V.V. Sapov and M.V. Lomonosova. – Syktyvkar : Anbur, 2017. – P. 7–22. (In Russian).

УДК 008.2

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.05

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: PLACING THE FUTURE / ED. BY J. GLÜCKLER, M. GARSCHAGEN, R. PANITZ. – Cham: Springer, 2025. – X, 342 p. [ПРЕДСТАВЛЯЯ БУДУЩЕЕ / ПОД РЕД. Й. ГЛЮКЛЕРА, М. ГАРШАГЕНА, Р. ПАНИТЦА]

Аннотация. Рассматриваемая коллективная монография представляет ряд новых подходов в рамках социальных и гуманитарных дисциплин к проактивному мышлению о будущем, выходящему за пределы традиционного прогнозирования. В условиях вызовов современности предлагается, в частности, активно использовать творческий потенциал воображения для создания благоприятного образа будущего, которое будет возможно реализовать.

Ключевые слова: будущее; прогнозирование; утопия вымирания; футурдизайн; техники проектирования будущего; построст; презентизм; пространство.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 62–69. – Рец. на кн.: Placing the future / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – X, 342 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.05

Рецензия поступила: 06.02.2026.

Принята к публикации: 26.02.2026.

PRYAZHNIKOVA O.N.** Book review: Placing the future / ed by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham: Springer, 2025. – X, 342 p.

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

Abstract. This collective monograph presents a number of new approaches within the social sciences and humanities to proactive thinking about the future, going beyond traditional forecasting. In the face of modern challenges, it is proposed, in particular, to actively use the creative potential of imagination to create a favorable image of the future that may be realized.

Keywords: future; forecasting; utopia of extinction; design futures; techniques of futuring; post-growth; presentism; space.

For citation: Pryazhnikova O.N. [Book review]. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 62–69. – Book review: Placing the future. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – X, 342 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.05

Received: 06.02.2026.

Accepted: 26.02.2026.

Коллективная монография «Представляя будущее», изданная под редакцией немецких исследователей Й. Глюклера, М. Гаршагена (оба из Мюнхенского университета им. Людвига-Максимилиана) и Р. Панитца (Университет Кобленца), вышла в 2025 году в издательстве «Springer» и является двадцатым, заключительным, томом серии «Знание и пространство» (*Knowledge and Space*), выходявшей с 2005 г. В рамках серии опубликованы исследования, представленные в течение двух последних десятилетий на двадцати одноименных международных академических симпозиумах, проходивших в немецком городе Гейдельберг. Они были посвящены теме исследования взаимосвязей между географическим фактором и созданием, использованием и воспроизводством знаний.

Новизна исследований, вошедших в издание, определяется попыткой авторского коллектива выйти за рамки традиционных методов прогнозирования и уделить особое внимание методам формирования видения и воплощения будущего. Очевидно, что изучение того, что еще не произошло, требует глубокого исследования областей знаний, связанных с будущим на их концептуальном и эмпирическом уровнях. Этим путем следуют авторы монографии, представляя вниманию читателей точки зрения различных научных дисциплин не только по теме будущего, но и по вопросам взаимовлияний знания, пространства и образа будущего [Glückler,

Garschagen, Panitz, 2025]. Авторы монографии исследуют в контексте разных научных подходов и географических регионов «взаимодействие» с будущим, которое включает практики познания будущего, формирования представлений о нем, а также осуществления будущего.

Помимо вступления и эпилога, книга состоит из трех взаимосвязанных разделов. В первом – «*Познание будущего*» – авторы углубляются в теоретические основы прогнозирования будущего, исследуя различные методологии и концепции, которые могут позволить анализировать текущие тенденции и предвидеть потенциальные сценарии будущего. В частности:

- обсуждаются методологии прогнозирования будущего, включая экспертное вероятностное прогнозирование, экспертные корректировки прогнозирования временных рядов, метод Дельфи и метод интуитивной логики разработки сценариев [Wright, 2025];

- подчеркивается важная роль стимулирования развития позитивных образов будущего, направляющих развития общества, и предлагается метод анализа подобных потенциальных образов [Hines, 2025];

- обосновывается необходимость «осознания» будущего (future consciousness), что предполагает не только формирование представлений о возможных сценариях будущего, но и разработку учеными предпочтительных вариантов его развития [Heinonen, 2025];

- через метафоры сна и пробуждения рассматривается взаимосвязь между познанием, эмоциями и субъектностью при формировании моделей реакции на будущее окружающей среды, обусловленное климатическим кризисом [Barker, 2025].

Авторы, чьи работы представлены во второй части книги, «*Предвидение будущего*», исследуют вклад воображения и творческого видения в формирование желаемого будущего, а также предлагают различные методы для представления альтернативных вариантов будущего и создания образа предпочтительного будущего. Включенные в этот раздел главы раскрывают темы:

- утопий вымирания (utopias of extinction), рассуждая о которых, автор фокусируется на наиболее известных утопических концепциях о конце света: коллапсологии, агуманизме и движении за добровольное вымирание человечества (Voluntary Human Extinction Movement) – и предлагает глубокий анализ модели утопии, связанной с вымиранием человечества [Simon, 2025];

– изучения будущего через призму концепции презентизма, а именно, на основе этнографических полевых исследований, проведенных в двух постиндустриальных немецких городах (Хойерсверда и Бремерхафен), описывается, как *еще не наступившее* представляется в *настоящем* и влияет на него [Ringel, 2025];

– развития пищевой отрасли, которое рассматривается в рамках четырех возможных сценариев: сценария «обычного ведения дел» (business-as-usual scenario), сценарий «технологичной пищевой отрасли» (tech-food scenario), биорегиональный сценарий (bio-regional scenario) и эко-глобальный сценарий (eco-global scenario) [Sánchez-Hernández, 2025];

– концепций построста (post-growth) и антироста (degrowth) в широком контексте социального и пространственного неравенства, продовольственных кризисов, изменения климата и экологической справедливости [Schulz, 2025];

– концепций места, будущего и неопределенности, а также концепций доверия с точки зрения их роли при выявлении и анализе эмпирических аспектов будущего [Pink, 2025];

– ценности произведений умозрительной (спекулятивной) или научной фантастики для социологического анализа будущего, когда художественное повествование воспринимается как метод социальных наук для формирования будущего [Tutton, 2025].

В третьей части издания – *«Воплощение будущего»* – авторы исследуют стратегии преобразования стремлений и представлений, связанных с будущим, в конкретные шаги и инициативы, а также предлагают инструменты для преодоления сложностей при формировании желательного будущего. В главах этой части книги рассматривается:

– зарождающаяся область научных исследований – дизайн будущего, или футуродизайн: отмечается, что сообщества, компании, организации гражданского общества и государственные органы все чаще обращаются к методам дизайна, чтобы воплотить свои предпочтения в пространственных и временных формах, а также осуществить социальные и политические изменения (изменение поведения, социальные инновации и т.д.) [Mazé, 2025];

– политика будущего, а именно социальные процессы и практики, которые позволяют конкретным воображаемым вариантам будущего стать социально перформативными, рассматривают-

ся в контексте применения техник проектирования будущего (Techniques of Futuring, ToFs)¹ [Oomen, Hoffman, Hajer, 2025];

– роль наукоемких деловых услуг (Knowledge-Intensive Business Services), потребляемых акторами, ответственными за разработку политики развития общества, в процессах формирования и осмысления будущего и движения к нему [Miles, 2025];

– особенности управления с акцентом на партисипативный подход сложными системами, которые будут использоваться для технологического прогресса и смягчения катастрофических или экзистенциальных рисков для будущего человечества; в частности, представлен пример разработки стратегии, направленной на совершенствование космических технологий как инструмента поддержки устойчивого развития [Bland, 2025].

В эпилоге книги представлены результаты опроса, целью которого было извлечь уроки для будущих академических конференций. Он охватил 280 ученых, представителей 179 университетов из 28 стран мира, участвовавших в симпозиумах «Знание и пространство» на протяжении 20 лет. Опрос показал, что, во-первых, организация симпозиумов, обеспечившая разнообразие участников, закрытый формат диалога и дружескую атмосферу, была высоко оценена учеными, так как способствовала расширению границ мышления и взаимообогащению знаниями. Во-вторых, подавляющее большинство участников подтвердили, что получили пользу от мероприятий, расширив свои коллегиальные связи и возможности междисциплинарного сотрудничества. И, наконец, более 90% ученых (не географов), отметили, что полученные ими знания о географических идеях и концепциях оказали значимое влияние на их дальнейшую работу [Glückler, Wagner, Jungkunz, 2025].

В заключение отметим, что данная монография вносит очевидный вклад в расширение области знаний, касающихся представлений об альтернативных вариантах будущего, его трансформационных моделях. Несомненно, представленные в книге подходы к формированию и воплощению того или иного видения будущего требуют оценки с точки зрения их последствий, вероятности осуществимости, зависимой, например, от так называемой колеи развития социума и/или его географической локализации, а

¹ Практики визуализации и проектирования желаемых вариантов будущего с участием различных акторов, в результате которых воображаемые сценарии преобразуются в конкретные ориентиры для действий.

также других факторов, влияющих на знания о прошлом и понимание настоящего, которые во многом определяют представления о будущем. В целом результаты исследований, отраженные в монографии и раскрывающие практики прогнозирования будущего, «подготовки» к будущему или упреждения его неблагоприятных сценариев, представляют особый интерес для акторов, формирующих в настоящем политику развития на разных уровнях и в разных сферах жизни общества.

Список литературы

Barker K. Anaesthetic worlds of denial: “sleepwalking” through climate catastrophe // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 75–96. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_5

Bland J. Futures governance: the case of outer space technology // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 289–308. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_15

Glückler J., Garschagen M., Panitz R. Placing the future: understanding space in the making of tomorrow // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 1–18. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_1

Glückler J., Wagner L., Jungkuntz K. The knowledge and space symposia: lessons for the future of conferencing // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 311–332. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_16

Heinonen S. Futures consciousness as vaccination against misplaced futures // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 55–74. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_4

Hines A. A Technique for guiding images: imagining the future after capitalism // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 35–54. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_3

Mazé R. Design and other ways of knowing the future // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 217–240. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_12

Miles I. Outsourcing the future // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 263–287. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_14

Oomen J., Hoffman J., Hajer M. Techniques of futuring: how imagined futures become socially performative // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 241–262. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_13

Pink S. Trusted emplaced futures // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 185–198. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_10

Placing the future / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – X, 342 p. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5

Ringel F. Futures all around: anthropological reflections on where (and how) to find the future // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 119–140. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_7

Sánchez-Hernández J.L. Envisioning alternative economic futures through the lens of food // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 141–166. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_8

Schulz C. Economic geographies of post-growth // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 167–183. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_9

Simon Z.B. Utopias of extinction // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 97–117. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_6

Tutton R. Speculating on future presents: sociology, futures, and fictions // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 214–237. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_11

Wright G. Using judgement to anticipate the future // *Placing the future* / ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 21–34. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_2

References

Barker K. Anaesthetic worlds of denial: “sleepwalking” through climate catastrophe. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 75–96. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_5

Bland J. Futures governance: the case of outer space technology. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 289–308. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_15

Glückler J., Garschagen M., Panitz R. Placing the future: understanding space in the making of tomorrow. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 1–18. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_1

Glückler J., Wagner L., Jungkunz K. The knowledge and space symposia: lessons for the future of conferencing. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 311–332. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_16

Heinonen S. Futures consciousness as vaccination against misplaced futures. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 55–74. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_4

Hines A.A. Technique for guiding images: imagining the future after capitalism. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 35–54. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_3

Mazé R. Design and other ways of knowing the future. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 217–240. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_12

Miles I. Outsourcing the future. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 263–287. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_14

Oomen J., Hoffman J., Hajer M. Techniques of futuring: how imagined futures become socially performative. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 241–262. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_13

Pink S. Trusted emplaced futures. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 185–198. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_10

Placing the future. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – X, 342 p. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5

Ringel F. Futures all around: anthropological reflections on where (and how) to find the future. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 119–140. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_7

Sánchez-Hernández J.L. Envisioning alternative economic futures through the lens of food. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 141–166. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_8

Schulz C. Economic geographies of post-growth. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 167–183. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_9

Simon Z.B. Utopias of extinction. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 97–117. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_6

Tutton R. Speculating on future presents: sociology, futures, and fictions // *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 214–117. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_11

Wright G. Using judgement to anticipate the future. *Placing the future*. Ed. by J. Glückler, M. Garschagen, R. Panitz. – Cham : Springer, 2025. – P. 21–34. – DOI: 10.1007/978-3-031-76841-5_2

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.74; 376

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.06

ЛЕШКОВА И.С.* ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕГИПТЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Аннотация. Статья рассматривает процесс цифровизации женского образования в Египте как фактор социокультурных изменений в условиях сохраняющихся традиционных норм. На основе анализа национальной стратегии *Digital Egypt 2030*, образовательных программ, религиозных дискурсов и статистических данных делается вывод о том, что цифровизация образования становится инструментом не только технологической, но и социальной трансформации. Исследование показывает, что цифровое обучение открывает египетским женщинам новые возможности для получения образования и профессионального развития, в то же время усиливая противоречие между модернизацией общества и религиозно-культурными ожиданиями. Вместе с расширением доступа к образованию обостряется противоречие между семейными ролями и профессиональной самореализацией египетских женщин. Эти тенденции требуют комплексного анализа культурных механизмов адаптации.

Ключевые слова: цифровизация; образование; Египет; женщины; гендерные роли; ислам; онлайн-обучение; модернизация; культурные барьеры; социальная трансформация.

Для цитирования: Лешкова И.С. Цифровизация женского образования в Египте: новые возможности и традиционные социальные ожидания // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная

* © Лешкова И.С., статья, 2026

Лешкова Ивана Сергеевна – студентка Института международных отношений Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»; ivanaleshkova@mail.ru

***Цифровизация женского образования в Египте:
новые возможности и традиционные социальные ожидания***

литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 70–82. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.06

Статья поступила: 15.12.2025.

Принята к публикации: 10.03.2026.

LESHKOVA I.S.** Digitalization of women's education in Egypt: new opportunities and traditional social expectations

Abstract. The article examines the process of digitalization of women's education in Egypt as a factor of sociocultural change in the context of persisting traditional norms. Based on an analysis of the national strategy Digital Egypt 2030, educational programs, religious discourses, and statistical data, it concludes that the digitalization of education becomes an instrument not only of technological but also of social transformation. The study shows that digital learning opens new opportunities for Egyptian women to obtain education and pursue professional development, yet simultaneously intensifies the tension between modernization and religious-cultural expectations. Alongside the expansion of access to education, the strain between family roles and professional self-realization increases, which calls for a comprehensive analysis of cultural mechanisms of adaptation.

Keywords: digitalization; education; Egypt; women; gender roles; Islam; online learning; modernization; cultural barriers; social transformation.

For citation: Leshkova I.S. Digitalization of women's education in Egypt: new opportunities and traditional social expectations. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 70–82. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.06

Received: 15.12.2025.

Accepted: 10.03.2026.

Введение

Цифровизация образования является одним из ключевых направлений глобальных социальных трансформаций в XXI веке.

** Leshkova Ivana Sergeevna – Student of the Institute of International Relations, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute); ivanaleshkova@mail.ru

По данным ЮНЕСКО, в постковидный период цифровые платформы обучения стали неотъемлемой частью образовательного ландшафта развивающихся стран [Global education monitoring report ... , 2023]. В арабском мире этот процесс приобретает особую значимость, поскольку затрагивает не только технологическую, но и социокультурную сферу, включая вопросы гендерных ролей и семейных норм [Ahmed, 2011].

Египет, будучи крупнейшей страной арабского региона с населением более 100 млн человек, активно внедряет программы цифрового обучения в рамках государственной стратегии *Digital Egypt 2030*, ориентированной на развитие ИКТ-инфраструктуры и создание цифровой экономики¹. Однако влияние этих изменений на положение женщин в обществе не раскрыто в исследованиях в достаточной степени. Несмотря на рост числа женщин-студенток и развитие онлайн-платформ, традиционные нормы, закрепляющие первостепенность семейной роли для женщины, по-прежнему оказывают значительное влияние на образовательное поведение женщин и общественное восприятие женского образования. Это создает уникальную ситуацию, когда технологический прогресс сталкивается с консервативными культурными установками, порождая новые формы социальной адаптации.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа влияния цифровизации на социальную роль женщин в Египте в условиях сосуществования модернизационных трендов и традиционных установок. Объектом исследования являются египетские женщины, участвующие в программах онлайн-обучения. Предметом изучения выступает трансформация социальных ролей под воздействием цифровых технологий в контексте религиозных и культурных норм. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2013 по 2025 годы, то есть этап активного развития цифровых инициатив в египетской образовательной сфере.

Цель данной работы заключается в выявлении механизмов влияния цифровизации образования на изменение женских социальных ролей в Египте на основе анализа противоречия между модернизационными тенденциями и традиционными культурно-религиозными установками.

¹ Подробнее о проекте см.: https://mcit.gov.eg/en/digital_Egypt (accessed: 15.02.2026).

Теоретическая рамка исследования была задана тремя взаимодополняющими подходами: социокультурным, гендерно-антропологическим и компаративным. Кратко остановимся на каждом из них.

Социокультурный подход предполагает рассмотрение образования как элемента культуры и средства трансляции норм и ценностей. В контексте данного исследования этот подход позволяет понять, как цифровое обучение трансформирует культурные представления о роли женщины в обществе.

Гендерно-антропологический подход позволяет выявить, как цифровые технологии влияют на самоидентификацию женщин и распределение социальных ролей с учетом локальных культурных контекстов. Этот подход особенно важен для анализа того, как онлайн-обучение может одновременно расширять и ограничивать социальные возможности женщин.

В свою очередь, компаративный подход базируется на сопоставлении показателей участия женщин в цифровом образовании в Египте с аналогичными данными по другим арабским странам (Иордания, Тунис), что позволяет выявить региональные особенности и общие тренды.

В работе использовались следующие методы:

1) контент-анализ египетских СМИ, религиозных фетв (исламских правовых заключений), образовательных порталов (Egyptian Knowledge Bank, Edraak, порталы MCIT Egypt, Al-Ahram Online);

2) статистический анализ данных UNESCO Institute for Statistics, World Bank, IndexMundi, Министерства связи и информационных технологий Египта для построения динамики участия женщин в высшем образовании (1971–2025 гг.);

3) контекстуальный анализ политических документов (National Strategy for the Empowerment of Egyptian Women – 2030) и отчетов международных организаций (ЮНЕСКО, World Bank).

Историко-культурный контекст развития системы женского образования в Египте

Женское образование в Египте имеет сложную историю, тесно связанную с процессами модернизации и исламского возрождения. С конца XIX в., в период египетского Возрождения (Нахда), женщины начали получать доступ к формальному образованию, однако традиционные религиозные нормы и патриархальные

структуры значительно ограничивали масштабы этого явления [Ahmed, 2011]. После революции 1952 г. и прихода к власти Гамалы Абделя Насера был провозглашен курс на относительное равенство в образовании, рассматривавшееся как инструмент национального развития. Вместе с тем культурные установки оставались патриархальными: образованные женщины часто воспринимались как угроза традиционной семейной структуре. В период с 1971 по 2025 годы произошли значительные сдвиги. По данным World Bank, показатель охвата женщин высшим образованием в Египте вырос с 4% в 1971 г. до 39% – в 2025 г.¹ Это свидетельствует о масштабной трансформации образовательного ландшафта и частичном преодолении исторически сложившихся социокультурных барьеров.

Университет Аль-Азхар, основанный в X в. и остающийся одним из главных центров исламского образования, сыграл двойственную роль в развитии женского образования. С одной стороны, университетские ученые издавали фетвы, рекомендующие женщинам получать образование в соответствии с исламскими принципами, с другой – консервативные дискурсы подчеркивали, что женское образование должно быть направлено на подготовку к семейной жизни и материнству. Согласно данным Arab Barometer, подавляющее большинство египтян одобряет право женщины на труд и образование. Так, в Египте 86% респондентов согласны с тем, что замужняя женщина может работать вне дома, однако одновременно 55% женщин и 83% мужчин считают, что муж должен иметь окончательное слово в семейных решениях (опрос 2018–2019 гг.)². Это соотношение показывает, что большая часть общества готова к определенной модернизации, хотя и с сохранением традиционных приоритетов.

Стратегия *Digital Egypt 2030* и ее гендерное измерение

С 2013 г. египетское правительство реализует стратегию *Digital Egypt 2030*, направленную на развитие ИКТ-инфраструк-

¹ World development indicators: education and gender (online database). – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 15.02.2026).

² См., например: What Arabs think about the status of women in society? – URL: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Status_of_women_Infographic_overall_AB5.pdf (accessed: 15.02.2026).

туры и создание цифровой экономики. В сфере образования были созданы крупные проекты. Перечислим некоторые из них:

- Egyptian Knowledge Bank – национальная цифровая платформа с библиотеками, учебными материалами и интерактивными курсами;
- интеграция Египта в региональные инициативы Edraak (платформа обучения, охватывающая страны Ближнего Востока и Северной Африки) и Coursera MENA (региональное представительство глобальной платформы);
- развитие программ подготовки в области ИКТ и цифровых навыков, специально ориентированных на женщин и молодежь;
- создание мобильных образовательных центров для охвата сельских районов.

Популярные направления онлайн-обучения среди египетских женщин (согласно Coursera Global Skills Report, 2023) распределяются между гуманитарными, цифровыми и бизнес-направлениями [Global skills report ... , 2023]. Значительная доля слушательниц выбирает курсы по IT и цифровым навыкам, что ранее считалось преимущественно «мужским» делом [ibid.]. Этот спектр интересов свидетельствует о разнообразии карьерных амбиций и показывает, что женщины не ограничиваются традиционными «женскими» профессиями.

Цифровое неравенство и социальные барьеры

Несмотря на развитие цифровых платформ, процесс цифровизации образования осложняется рядом серьезных проблем, которые воспроизводят и усиливают существующие формы неравенства [Mohieldin, Ramadan, 2024]. В сельских районах Египта женщины значительно реже имеют доступ к Интернету, чем мужчины. Это не вызывает удивления, так как результаты международных исследований, посвященных цифровизации стран Ближнего Востока и Северной Африки, показывают, что фиксируемое там гендерное неравенство в цифровой сфере усиливается за счет различий между городом и деревней: в сельской местности женщины, как правило, обладают слабыми цифровыми навыками и чаще мужчин сталкиваются с отсутствием необходимой цифровой инфраструктуры и оборудования [ibid.]. В странах с низким и средним уровнем дохода (по классификации Всемирного банка) жен-

щины на 15% реже, чем мужчины, используют мобильный Интернет¹.

Что касается сферы цифровой грамотности, то недостаточная подготовка в области использования цифровых инструментов остается барьером для многих женщин, особенно старшего поколения и из малообеспеченных семей. Отсутствие навыков работы с компьютерами и программным обеспечением создает дополнительные препятствия к участию в онлайн-обучении. Религиозные деятели и часть общества выражают опасения, что «чрезмерное» образование женщин якобы может привести к нарушению семейных ролей, что отражает глубокий конфликт между существующими в обществе современными и традиционными ценностями. Эти представления особенно популярны в консервативных семьях и сельских общинах.

Несмотря на доступ к цифровому обучению, женщины в Египте продолжают сталкиваться с двойной (а зачастую и тройной) нагрузкой: необходимостью совмещать образование, работу и семейные обязанности. В консервативных слоях общества сохраняется мнение, что женское образование должно быть ограничено «необходимыми базовыми» знаниями.

Исследования на эту тему показывают, что даже при получении онлайн-образования и достижении высокой квалификации женщины редко воспринимаются как полностью равноправные участницы профессиональной сферы. Таким образом, цифровизация не устраняет социальные барьеры, а лишь частично их трансформирует, создавая новые формы исключения, которые часто остаются невидимыми в официальной статистике.

Религиозный дискурс и цифровое образование

Одним из ключевых вопросов, возникших с развитием онлайн-образования, стала проблема его соответствия исламским принципам. Исламский феминизм, развивающийся в последние десятилетия, стремится переосмыслить религиозные учения в контексте современности [Said, 1994].

По данным анализа фетв, выданных аль-Азхаром в 2023–2024 гг., большинство авторитетных исламских ученых поддерживают право женщин на образование, включая онлайн-обучение, при условии:

¹ Gender and inclusion in digital. – 2025. – April 10. – URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/digital/brief/gender-and-inclusion-in-digital> (accessed: 15.02.2026).

- сохранения чести и достоинства женщины (хиджаб, соблюдение норм адаба);
- приоритета семейных обязательств перед личными амбициями;
- выбора профессии, соответствующей исламским моральным нормам и общественным ценностям.

Однако важно отметить, что эти условия часто интерпретируются различным образом, создавая простор для манипуляций и ограничения прав женщин под предлогом религиозности. Существует значительный разброс в интерпретациях. Консервативные позиции подчеркивают традиционное разделение ролей, предполагающее, что мужчина – кормилец семьи, а женщина – хранительница домашнего очага. Такие взгляды основаны на определенной интерпретации сур Корана, хотя многие ученые оспаривают эту трактовку. Сторонники прогрессивной позиции, напротив, приводят примеры из исламской истории для обоснования активного участия женщин в образовании и общественной жизни¹. Они подчеркивают, что ислам исторически поощрял образование независимо от пола.

Молодое поколение египетских женщин часто балансирует между этими позициями, ища компромисс, который позволял бы им развиваться интеллектуально, не отказываясь от семейных ценностей и религиозной идентичности. Эта стратегия адаптации позволяет многим женщинам получать образование, сохраняя социальное одобрение.

Цифровое образование как инструмент расширения возможностей

Разумеется, цифровизация открывает новые возможности для египетских женщин, для многих из них онлайн-обучение становится способом личной самореализации и экономической независимости [Global skills report ... , 2023]. Среди 2,2 млн египетских студентов Coursera чуть более трети (36%) составляют женщины [Global skills report ... , 2023, p. 42]. Данные Arab Barometer о положении женщин в арабских странах показывают, что большинство респондентов поддерживает право женщин на образование и труд, при этом значительная часть из них одновременно ожидает,

¹ Например, Аиша бинт Абу Бакр была ученой и воительницей, Фатима аль-Фихри основала мусульманский университет в IX в.

что роль хранительницы очага для египетских женщин останется в приоритете¹.

Женщины также подчеркивают, что онлайн-формат позволяет им совмещать образование с домашними обязанностями, что было бы невозможно при традиционном очном обучении. Эта гибкость является критически важным фактором для женщин из консервативных семей. Растет число египетских женщин, получающих дипломы дистанционно и открывающих собственные онлайн-бизнесы. Это явление особенно заметно в сферах фриланса, консультирования, цифрового маркетинга и образовательных услуг. Женщины создают виртуальные компании, предлагая услуги не только на национальном, но и на глобальном рынке. Таким образом, онлайн-образование становится трамплином для входа на мировой рынок труда, где географические и культурные барьеры менее жесткие.

Фонд ЮНЕСКО в апреле 2024 г. завершил программу «Проект по укреплению потенциала в области интеллектуальной собственности для египетских женщин-исследователей». Примечательно, что из более чем 500 заявителей было выбрано 75 женщин-исследователей². Эта инициатива демонстрирует, что онлайн-образование не только создает возможности для базовой подготовки, но и способствует развитию высокой научной квалификации. Исследования показывают, что онлайн-обучение постепенно меняет представления о гендерных ролях, особенно среди молодежи. Молодые женщины, получающие образование онлайн, все чаще рассматривают себя не только как матерей и жен, но и как профессионалов, предпринимателей и лидеров.

Формируется новая модель женской идентичности, которая интегрирует традиционные ценности (семья, материнство, уважение к религиозным нормам) и современные амбиции (карьера, финансовая независимость, общественное участие). Эта гибридная

¹ См., например: What Arabs think about the status of women in society? – URL: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Status_of_women_Infographic_overall_AB5.pdf (accessed: 15.02.2026); Taking Arabs' pulse: women in the workforce. – URL: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/ab_gender_long_infographic_NO3_092722.pdf (accessed: 15.02.2026).

² См.: Empowering women researchers in Egypt through IP / WIPO. – 2024. – June 18. – URL: https://www.wipo.int/en/web/wipo-academy/w/news/2024/news_0037 (accessed: 15.02.2026).

идентичность отражает сложность переходного периода, в котором находится египетское общество.

Кейс-анализ: примеры из практики

В столице Египта процесс цифровизации протекает наиболее динамично. Женщины в Каире имеют лучший доступ к Интернету и разнообразным образовательным программам. Многие из них используют платформы типа Edraak и Coursera для повышения квалификации в сфере информационных технологий и управления бизнесом. Примеры успеха включают создание женских коллективов онлайн-предпринимательниц, которые поддерживают друг друга в развитии новых проектов. Интересно, что эти сообщества часто совмещают онлайн-взаимодействие с очными встречами, создавая гибридную культуру обучения. Такие сети становятся важным источником поддержки и наставничества.

В сельских районах ситуация существенно отличается. Ограниченный доступ к Интернету, отсутствие электричества, недостаток технических устройств создают серьезные препятствия. Вместе с тем появляются инновационные решения: например, мобильные образовательные центры, делающие доступными Интернет и компьютеры в удаленных районах. Местные женщины, прошедшие благодаря таким инициативам онлайн-обучение, часто становятся адвокатами цифровизации в своих общинах, способствуя изменению отношения к женскому образованию. Они демонстрируют, что образованная женщина может быть хорошей матерью и женой, тем самым преодолевая социальные стереотипы.

Для лучшего понимания ситуации в Египте полезно сравнить ее с ситуацией в соседних странах. К примеру, в Иордании доля женщин, получающих высшее образование, составляет 44% (2024), в Тунисе – 49% (2023), тогда как в Египте – 39% (2025)¹. Однако в сфере цифрового обучения Египет выглядит активнее благодаря большему государственному финансированию и амбициозности стратегии *Digital Egypt 2030*. Интересно, что в Тунисе, где светское образование исторически было более развито, конфликт между модернизацией и традицией не столь ярко выражен.

¹ См.: Tertiary education, gross enrolment ratio, female (% of relevant age group) (SE.TER.ENRR.FE), Egypt [online database]. – URL: <https://data.worldbank.org/indica-tor/SE.TER.ENRR.FE?locations=EG> (accessed: 15.02.2026).

Это объясняется более длительным процессом секуляризации и устоявшимися демократическими традициями.

Различия в экономическом развитии, политической стабильности и культурных традициях обуславливают различия в моделях цифровизации образования. Египет, обладая значительными ресурсами и амбициями, пытается взять на себя роль регионального лидера в цифровом образовании. Однако социокультурные барьеры, в большей или меньшей степени присущие всем странам арабского мира, осложняют решение этой непростой задачи.

Межстрановый анализ показывает, что успех цифровизации зависит не только от инвестиций в новые технологии, но и от готовности общества принять сопутствующие трансформации гендерных ролей.

Выводы

Отметим, что цифровизация женского образования в Египте является сложным и противоречивым процессом, который нельзя рассматривать исключительно сквозь призму позитивной трансформации или консервативного сопротивления.

С одной стороны, цифровизация создает новые возможности:

- расширенный доступ к образованию, независимо от географического положения (в пределах доступности Интернета);
- гибкость в обучении, позволяющая совмещать образование, работу и семейные обязанности;
- возможность профессионального развития и предпринимательства;
- участие в глобальных образовательных сообществах;
- постепенное изменение общественных представлений о гендерных ролях [Global education monitoring report ..., 2023].

С другой стороны, сохраняющиеся традиционные и религиозные нормы ограничивают масштабы этих изменений:

- цифровое неравенство между городом и деревней воспроизводит социальное неравенство;
- двойная нагрузка на женщин (образование, работа, семья) сохраняется и иногда усиливается;
- недостаточное признание полученного онлайн-образования работодателями;
- социальное и семейное давление, ограничивающее выбор профессии;

***Цифровизация женского образования в Египте:
новые возможности и традиционные социальные ожидания***

- отсутствие комплексной политики по поддержке женского предпринимательства.

Таким образом, в египетском обществе цифровое образование становится своего рода ареной для культурного диалога между модернизацией и традицией. На наш взгляд, для максимизации позитивного воздействия цифровизации на положение женщин в Египте необходимо принять ряд мер: расширить доступ к Интернету в сельских районах через государственные программы и частно-государственные партнерства; развивать цифровую грамотность женщин посредством специальных курсов, адаптированных к социокультурному контексту; создавать системы поддержки для женщин-предпринимателей; способствовать диалогу между религиозными лидерами, государством и гражданским обществом для разработки единых подходов к женскому образованию, совместимых с религиозными и культурными ценностями; обеспечивать признание онлайн-дипломов работодателями посредством государственной аккредитации и сертификации программ; развивать гендерные исследования в области образования.

Полагаем, что процесс цифровизации женского образования в Египте – это не просто технологическое изменение, а глубокая социальная трансформация, которая должна переформатировать представления о возможностях, ролях и правах женщин в египетском обществе. Успешность этого процесса будет зависеть от способности египетского общества найти баланс между инновациями и традициями, между глобальными трендами и локальными ценностями.

Список литературы

Ahmed L. A quiet revolution: the rise of Islam in the public sphere. – Princeton : Princeton university press, 2011. – 352 p.

Global education monitoring report – 2023: technology in education: a tool on whose terms? – Paris : UNESCO, 2023. – 526 p.

Global skills report – 2023 / Coursera. – URL: https://downloads.ctfassets.net/2pudprftvy6/3hsWnXiMBMffv3E8UiBrzC/fbe6c4a0dc3726e0825405c005f224/Coursera_Global_Skills_Report_2023.pdf (accessed: 15.02.2026).

Mohieldin M., Ramadan R. Could digital inclusion close the gender economic gap in the Middle East and North Africa? – Washington : World Bank, 2024. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/21b79c7f-ca33-472b-bdee-2de8d81c1f6f> (accessed: 15.02.2026).

Said E. Culture and imperialism. – London : Vintage books, 1994. – 423 p.

References

Ahmed L. *A quiet revolution: the rise of Islam in the public sphere*. – Princeton : Princeton university press, 2011. – 352 p.

Global education monitoring report – 2023: technology in education: a tool on whose terms? – Paris : UNESCO, 2023. – 526 p.

Global skills report – 2023. Coursera. – URL: https://downloads.ctfassets.net/2pudprftvy6/3hsWnXIMBMffv3E8UiBrzC/fbe6c4a0a0dc3726e0825405c005f224/Coursera_Global_Skills_Report_2023.pdf (accessed: 15.02.2026).

Mohieldin M., Ramadan R. *Could digital inclusion close the gender economic gap in the Middle East and North Africa?* – Washington : World Bank, 2024. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/21b79c7f-ca33-472b-bdee-2de8d81c1f6f> (accessed: 15.02.2026).

Said E. *Culture and imperialism*. – London : Vintage books, 1994. – 423 p.

УДК 316.75; 316.3

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.07

РАРЕНКО А.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: СТУДЕНТЫ РОССИИ: ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: [МОНОГРАФИЯ] / ВЕЛИКАЯ Н.М., АТЛАСКИРОВ А.Р., БУДАЕВА Д.Ц. [и др.]; ПОД РЕД. Н.М. ВЕЛИКОЙ; ФНИСЦ РАН. – Москва: Мир науки, 2025. – 640 с.

Аннотация. В рецензируемой монографии обобщены результаты фундаментальных исследований Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, основанные на данных всероссийского мониторинга «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Книга посвящена специфике политической культуры нынешнего российского студенчества в контексте ключевых тенденций социально-политического развития России. Анализируются идентичность, ценности, политическая и гражданская культура, поведенческие модели студентов и проявление их гражданско-политической активности.

Ключевые слова: студенты; российское общество; ценности; идентичность; гражданская культура; политическая культура; коллективный менталитет студентов; поведенческие модели.

Для цитирования: Раренко А.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 83–93. – Рец. на кн.: Студенты России: гражданская культура и политическое поведение : [монография] / Великая Н.М., Атласкиров А.Р., Будаева Д.Ц. [и др.] ; под ред. Н.М. Великой ; ФНИСЦ РАН. – Москва : Мир науки, 2025. – 640 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.07

Рецензия поступила: 15.01.2026.

Принята к публикации: 10.02.2026.

* Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; andrej97@rambler.ru

RARENKO A.A.** Book review: Russian students: civic culture and political behavior / Velikaya N.M., Atlaskirov A.R., Budaeva D.C. [et al.]; ed. by N.M. Velikaya; FNISC RAN. – Moscow: Mir nauki, 2025. – 640 p.

Abstract. The monograph summarizes the results of the fundamental research conducted by the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, based on the data from the All-Russian monitoring “Students of Russia: Civic Culture and Life Strategies”. The book is devoted to the content of the political culture of the contemporary Russian students against the background of key trends in the socio-political development of Russia. The monograph analyzes identity, values, political and civic culture, behavioral models of the Russian students, as well as the manifestations of their civic and political activity.

Keywords: students; Russian society; values; identity; civic culture; political culture; students' collective mentality; behavioral models.

For citation: Rarenko A.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 83–93. – Book review: Russian students: civic culture and political behavior / Velikaya N.M., Atlaskirov A.R., Budaeva D.C. [et al.]; ed. by N.M. Velikaya; FNISC RAN. – Moscow: Mir nauki, 2025. – 640 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.07

Received: 15.01.2026.

Accepted: 10.02.2026.

Коллективная монография «Студенты России: гражданская культура и политическое поведение», изданная под редакцией доктора политических наук, профессора, заместителя директора по научной работе Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН Н.М. Великой, представляет собой комплексное исследование студенчества – значимой социальной группы современного российского общества, которая в ближайшие несколько десятилетий станет его флагманом [Студенты России ... , 2025]. В работе над книгой приняли участие исследователи из Института

** Rarenko Andrey Alekseevich – Junior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; andrej97@rambler.ru

социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, а также сотрудничающие с Центром политологии ФНИСЦ РАН коллеги из научных и образовательных организаций Вологодской области, Воронежской области, Республики Бурятия, Нижегородской области, Свердловской области, Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Смоленской области, Республики Саха (Якутия), Республики Осетия, Кабардино-Балкарской Республики.

Теоретической базой для монографии послужили работы отечественных и зарубежных исследователей, главный интерес которых лежит в области социальной психологии и социологии. Основной эмпирической базой стали результаты всероссийского социологического исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного в 2023 г. по квотно-пропорциональной общероссийской выборке методом онлайн-анкетирования. Респондентами выступили 6757 студентов федеральных и региональных вузов, национальных исследовательских университетов в 31 субъекте Российской Федерации, во всех федеральных округах, в их числе: ЦФО (Воронежская область, Липецкая область, Москва, Московская область, Смоленская область), СЗФО (Вологодская область, Ленинградская область, Республика Коми, Санкт-Петербург), ЮФО (Волгоградская область, Краснодарский край, Ростовская область), СКФО (Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская республика, Республика Ингушетия, Чеченская Республика), ПФО (Нижегородская область, Пермский край, Республика Татарстан, Саратовская область), УрФО (Тюменская область, Свердловская область, Челябинская область), СФО (Алтайский край, Иркутская область, Омская область), ДФО (Приморский край, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Хабаровский край). В качестве научных методов исследования использовались междисциплинарный системный подход и различные методы сбора эмпирической информации: анализ документов, систематизация и аналитическая обработка статистической социологической информации и др.

Монография состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении главный редактор книги справедливо отмечает, что в современной России, «как и в другие кризисные периоды, в основе консолидации, необходимой в условиях внешнего давления, лежит объединяющая все слои общества идея гражданского единства» [Великая, 2025, с. 5]. В то же самое время признается наличие «серьезных социально-экономических и политико-идео-

логических различий в российском обществе», которое «позволяет говорить о гетерогенности отечественной политической культуры» [Великая, 2025, с. 5].

Избирая в качестве объекта своего исследования студенческую молодежь, авторы характеризуют ее как особую социально-демографическую группу, для которой характерны мобильность, инициативность, восприимчивость к вызовам и инновационным изменениям, и именно эти качества позволяют видеть в студенчестве потенциальную силу, способную не только определять перспективы развития страны, но и выступать движущей силой грядущих социальных трансформаций. По словам Н.М. Великой, в настоящее время численность этой социальной группы в России составляет более 4 млн человек, при этом есть все основания полагать, что в ближайшие годы она будет увеличиваться [Великая, 2025, с. 5].

Признавая различные положительные качества современной российской молодежи, авторы монографии видят ее социальную уязвимость в «политической незрелости, слабых социальных связях и эмоциональной лабильности», что может «способствовать вовлечению студентов в неконвенциональные политические практики» и «вызывает закономерный интерес исследователей к студенческому сообществу в целом и к политической культуре студенческой молодежи в частности» [Студенты России ... , 2025, с. 6]. Этим во многом объясняется возросший интерес исследователей к изучению поведения студентов. При этом вопросы политической культуры и политического поведения представляются приоритетными (см., например, работы на схожие темы: [Горшков, Шереги, 2020; Саморегуляция в молодежной среде ... , 2022; Сушко, 2023; Погосян, Гражданкина, 2014; Котляревич, 2023]).

В первой главе «Формирование гражданской идентичности студенчества в условиях социально-политической неопределенности», описывая проблемы студенческой идентичности, авторы выделяют различные основания общегражданской идентичности и ее соотношение с идентичностью национальной, региональной, этнической, культурной и цифровой.

Во второй главе «Идеологические приоритеты политической культуры российского студенчества» в фокусе внимания исследователей оказываются ценностные основания гражданской идентичности. Авторы выявляют идеологические векторы формирования гражданской культуры, роль и место патриотизма в актуальной политической культуре, определяют роль представлений о благополучии и успехе в системе ценностных приоритетов студентов,

оценивают как региональные, так и гендерные особенности системы ценностей студентов России.

В третьей главе «Молодежь как субъект политики: политическое поведение и гражданская активность» студенчество рассматривается как субъект политических отношений сквозь призму политической активности. Авторы описывают и анализируют особенности политического и гражданского участия, политическую активность студентов, оценивают мотивацию участия в различных организациях гражданского общества. Признавая важность гибридного характера современной коммуникации, авторы монографии посчитали важным (и этот факт считаем необходимым отметить особо) рассмотреть роль цифровой компетентности в современной политической активности России, в том числе и среди студенческой молодежи.

В четвертой главе «Студенчество приграничных регионов России» внимание исследователей сконцентрировано на специфике политической культуры и политического поведения студентов приграничных территорий России (Санкт-Петербурга и Ленинградской области; Кубани, Северного Кавказа, Республики Бурятия).

Перечислим основные направления проведенного исследования и поднимаемые в монографии ключевые вопросы.

Изучая поведение российского студенчества, исследователи подтверждают, что оно формируется в первую очередь такими социальными институтами, как семья, образование, медиа, государство, и это предопределяет конструирование молодежью разных жизненных стратегий. Заслуживающими особого внимания оказываются проблемы социального благополучия студентов, определяющие во многом их экономическое и гражданско-политическое поведение, в том числе протестное.

Не менее важным оказывается вопрос о системе молодежных ценностей, поскольку именно она лежит в основании политической культуры студенчества и поэтому не может игнорироваться. В частности, авторы отмечают характерное для российского общества гибридное сочетание ценностей традиционной культуры с постмодернистскими ценностями [Великая, 2025, с. 7],

Вопросы молодежной идентичности сегодня особенно актуальны, о чем свидетельствует множество работ российских исследователей в последние годы, включая авторов рецензируемой монографии [Багирова, Шубат, 2017; Зубок, Селиверстова, 2022; Великая, Шушпанова, 2022; Осипова, Энвери, 2016; Зборовский,

2021; Евгеньева, Антонов, Селезнева, 2021; Великая, Лисенкова, 2023; Карлова, 2022].

Еще одно направление современных социологических исследований молодежи, на наш взгляд, заслуживающее внимание, рассматривает факторы политического участия студенческой молодежи, ее гражданской активности и ответственности как на федеральном, так и на региональном уровнях. В рамках данного направления особое внимание уделяется ценностным основаниям политической культуры студенчества. В рецензируемой монографии анализируются работы, посвященные студенческой политической культуре и рассматривающие ее как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых политических ориентаций и моделей политического поведения, на основе которых строится поведение индивидов и групп в современном социуме [Нархов, Нархова, 2024; Великая, 2020; Симонян, 2018; Петухов, 2020]. Выбранный авторами подход основывается на идеях Г. Алмонда [Almond, 1956] и позволяет не только рассматривать политическую культуру российского студенчества во взаимосвязи стереотипных элементов политического сознания и поведенческой составляющей, но и выявлять типологические модели вовлеченности отечественной молодежи в политические процессы. При этом исследователи фокусируются на особенностях ценностной матрицы, формирующей каркас политической культуры. При этом авторы монографии справедливо отмечают, что «радикальная трансформация традиционного миропорядка сопровождается усугублением социальных противоречий, обострением социальных конфликтов разного уровня и глубины, что создает угрозу политической стабильности в стране» [Великая, 2025, с. 589].

К наиважнейшим результатам исследования отнесем следующие.

Во-первых, по словам авторов, в настоящий момент в России сохраняется воспроизводство значимых политических ценностей отечественной политической культуры, а студенческая молодежь осознает свои возможности играть активную роль в социальной, экономической и других сферах жизни общества и государства и чувствует потребность в этом. В то же самое время «идентификационные основания и ценности политической культуры российского студенчества позволяют говорить о сформированности ряда составляющих культуры гражданского, партиципаторного типа» [Великая, 2025, с. 589]. При этом отмечаются «определенные идеологические сдвиги в общественном сознании молодого образован-

ного поколения, выражающиеся в большей значимости демократических ценностей и ценностей правового государства, что формирует запрос на трансформацию партийно-политической системы и демократизацию политического процесса» [там же].

Во-вторых, прослеживаемая сегодня динамика ценностных ориентаций и особенности самоидентификации студенческой молодежи позволяют сделать вывод, что «перспективы формирования общероссийской гражданской идентичности связаны с ее способностью успешно сочетать глобальные, национальные и локальные аспекты» [Великая, 2025, с. 590].

В-третьих, авторы монографии отмечают, что «высокий уровень патриотизма коррелирует с доверием к политическим институтам» [Великая, 2025, с. 590], и делают вывод о «наметившемся процессе трансформации пространства российской идентичности в восприятии студенческой молодежи, противоречивом чувстве гражданственности и в то же время адекватности оценок ситуации молодыми россиянами» [там же, с. 591].

Кроме того, данные, представленные в монографии, свидетельствуют об ориентации студенческой молодежи РФ на ценности индивидуализма, личного благополучия и безопасности [Великая, 2025, с. 591]. При этом исследователи отмечают амбивалентность ценностей: «Нельзя однозначно сказать о наличии какой-то одной ценностной доминанты или преобладании одной из групп ценностей. Наиболее востребованными являются ценности профессиональной самореализации, обретения независимости, самостоятельности и свободы, а наименее значимыми такие политические ценности, как участие в политике, государственная служба, политическая власть и управление» [там же].

Исследование показало, что среди студенческой молодежи число «безусловных патриотов», для которых характерно не только эмоциональное чувство любви к родине, но и конструктивное отношение, желание действовать, работать на благо страны, составляет сегодня около двух третей [Великая, 2025, с. 591], в то же время треть участников исследования индифферентно относится к ценности патриотизма и потенциально внутренне готова к эмиграции. Также отмечается корреляция между конструктивным пониманием патриотизма и ощущением счастья у респондентов: молодежь, видящая в патриотизме безусловную любовь к родной стране, позитивно оценивает происходящие в России изменения и ощущает себя счастливой и востребованной [Китайцева, 2025, с. 242–243].

Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что гражданское участие молодежи проявляется скорее в социальной, а не в политической активности: студенты активно участвуют в деятельности, направленной на благо общества (благотворительность, волонтерские инициативы и т.п.). В студенческой среде все большую популярность набирают демократические ценности общечеловеческого характера. Нежелание респондентов участвовать в политической жизни авторы книги объясняют низким уровнем доверия российских студентов к политическим институтам и декаративностью политической системы, сложившейся сегодня в нашей стране¹. Низкий уровень политического участия отличает российских студентов от европейских и латиноамериканских. Делаются предположения о том, что причиной такого поведения молодых россиян является не только отсутствие доверия к отечественным политическим структурам и институтам власти, но и страх перед возможными репрессиями со стороны государства [Великая, 2025, с. 593].

В целом авторы монографии приходят к выводу о неоднородности молодежных представлений о социально-политических процессах, происходящих в российском обществе, и невозможно-сти на данном этапе зафиксировать некие «константы восприятия политики» [Великая, с. 593], типичные для отечественной молодежи как некоей единой социально-демографической группы.

Отметим, что авторами монографии была проведена серьезная и кропотливая работа, создана обширная теоретическая и эмпирическая база, данные которой нужно внимательно изучать и дополнять. Думается, что полученные результаты могут быть в дальнейшем эффективно использованы при разработке государственной политики в работе с молодежью и конструировании эффективных стратегий, способствующих вовлечению молодежи в политическую жизнь страны. Рецензируемая книга, без сомнения, может быть полезна как исследователям, так и всем интересующимся проблемами студенческой субкультуры, влиянием социокультурных и политических процессов на молодежную среду.

¹ При этом подчеркнем, что наибольший уровень политической активности и вовлеченности в политические процессы демонстрируют студенты мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани) и, парадоксальным образом, одного региона (Республика Саха (Якутия)) [Великая, 2025, с. 593].

Список литературы

Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 126–131.

Великая Н.М. Введение // Студенты России: гражданская культура и политическое поведение : [монография] / Великая Н.М., Атласкиров А.Р., Будаева Д.Ц. [и др.] ; под ред. Н.М. Великой ; ФНИСЦ РАН. – Москва : Мир науки, 2025. – С. 5–14.

Великая Н.М. Заключение // Студенты России: гражданская культура и политическое поведение : [монография] / Великая Н.М., Атласкиров А.Р., Будаева Д.Ц. [и др.] ; под ред. Н.М. Великой ; ФНИСЦ РАН. – Москва : Мир науки, 2025. – С. 589–595.

Великая Н.М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. – 2020. – № 2. – С. 57–68.

Великая Н.М., Лисенкова А.А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 374–390.

Великая Н.М., Шушпанова И.С. Жизненные стратегии российской студенческой молодежи в контексте ориентаций на создание семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 30–42.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.

Евгеньева Т.В., Антонов Д.Е., Селезнева А.В. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – № 2. – С. 63–71.

Зборовский Г.Е. Социальное благополучие студенчества как проблема социологического исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 70–83.

Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 56–74.

Карлова О.А. Студенческая субкультура в условиях современной многофакторной изоляции: трансформации коммуникаций и ценностей // Культурный код. – 2022. – № 4. – С. 23–37.

Китайцева О.В. Патриотизм и жизненные стратегии российской студенческой молодежи // Студенты России: гражданская культура и политическое поведение : [монография] / Великая Н.М., Атласкиров А.Р., Будаева Д.Ц. [и др.] ; под ред. Н.М. Великой ; ФНИСЦ РАН. – Москва : Мир науки, 2025. – С. 220–243.

Котляревич А.Н. Ценности современной российской молодежи: неолиберальный тренд // Культура и безопасность. – 2023. – № 1. – С. 5–15.

Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н. Образовательные стратегии студенчества в условиях цифровизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 260–278.

Осипова Л.Б., Энвери Л.А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 108–129.

Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 119–137.

Погосян Л.А., Гражданкина Л.Ю. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи // Вестник СКФУ. – 2014. – № 4. – С. 293–295.

Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : монография / Зубок Ю.А., Александрова О.А., Буланова М.Б. [и др.]. – ФНИСЦ РАН. – Белгород : Эпицентр, 2022. – 360 с.

Симомян Р.Х. Студенческая молодежь приграничных регионов России // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 82–89.

Студенты России: гражданская культура и политическое поведение : [монография] / Великая Н.М., Атласкиров А.Р., Будаева Д.Ц. [и др.] ; под ред. Н.М. Великой ; ФНИСЦ РАН. – Москва : Мир науки, 2025. – 640 с.

Сушко П.Е. Социальное благополучие и социальная успешность российской молодежи // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29, № 3. – С. 136–149.

Almond G.A. Comparative political systems // Political behavior: a reader in theory research / ed. by H. Eulau, S. Eldersveld, M. Janowitz. – Glencoe (IL) : The Free press, 1956. – P. 34–58.

References

Almond G.A. Comparative political systems. *Political behavior: a reader in theory research*. Ed. by H. Eulau, S. Eldersveld, M. Janowitz. – Glencoe (IL) : The Free press, 1956. – P. 34–58.

Bagirova A.P., Shubat O.M. Family and parenthood through the prism of female students' opinions. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2017. – N 7. – P. 126–131. (In Russian)

Evgen'eva T.V., Antonov D.E., Selezneva A.V. Political culture of Russian students: value, figurative, symbolic and behavioral aspects. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial university]. – 2021. – N 2. – P. 63–71. (In Russian)

Gorshkov M.K., Sheregi F.Je. *The youth of Russia in the mirror of sociology: towards the results of long-term research*. – Moscow : FNISC RAN, 2020. – 688 p. (In Russian)

Karlova O.A. Student subculture in the context of modern multifactorial isolation: transformations of communications and values. *Kul'turnyj kod* [Cultural code]. – 2022. – N 4. – P. 23–37. (In Russian)

Kitajceva O.V. Patriotism and life strategies of Russian students. *Russian students: civic culture and political behavior* / Velikaya N.M., Atlaskirov A.R., Budaeva D.C. [et al.]; ed. by N.M. Velikaya; FNISC RAN. – Moscow : Mir nauki, 2025. – P. 220–243. (In Russian)

Kotlyarevich A.N. Values of modern Russian youth: a neoliberal trend. *Kul'tura i bezopasnost'* [Culture and security]. – 2023. – N 1. – P. 5–15. (In Russian)

Narhov D.Yu., Narhova E.N. Educational strategies of students in the context of digitalization. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. – 2024. – Vol. 17, N 6. – P. 260–278. (In Russian)

Osipova L.B., Jenveri L.A. Life strategies of youth: the experience of sociological research. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. – 2016. – N 4. – P. 108–129. (In Russian)

Petuhov V.V. Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. – 2020. – N 3. – P. 119–137. (In Russian)

Pogosyan L.A., Grazhdankina L.Yu. Political culture as a factor in the formation of social activity of youth. *Vestnik SKFU* [NCFU newsletter]. – 2014. – N 4. – P. 293–295. (In Russian)

Russian students: civic culture and political behavior / Velikaya N.M., Atlaskirov A.R., Budaeva D.C. [et al.]; ed. by N.M. Velikaya. – Moscow : Mir nauki, 2025. – 640 p. (In Russian)

Self-regulation in the youth environment: typologization and modeling: a monograph / Zubok Yu.A., Aleksandrova O.A., Bulanova M.B. [et al.]; FNISC RAN. – Belgorod : Epicentr, 2022. – 360 p. (In Russian)

Simonyan R.H. Student youth of the border regions of Russia. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2018. – N 4. – P. 82–89. (In Russian)

Sushko P.E. Social well-being and social success of Russian youth *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. – Vol. 29, N 3. – P. 136–149. (In Russian)

Velikaya N.M. Russian youth in the field of modern politics: between traditionalism and opposition. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH / RGGU bulletin. Philosophy. Sociology. Art Studies]. – 2020. – N 2. – P. 57–68. (In Russian)

Velikaya N.M., Lisenkova A.A. Socio-cultural identity of students in the context of social uncertainty in Russian society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg university. Sociology]. – 2023. – Vol. 16, N 4. – P. 374–390. (In Russian)

Velikaya N.M., Shushpanova I.S. Life strategies of Russian student youth in the context of family creation orientations. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South-Russian state technical university. Socio-economic sciences]. – 2022. – Vol. 15, N 1. – P. 30–42. (In Russian)

Zborovskij G.E. Social well-being of students as a problem of sociological research. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin Surgut state pedagogical university]. – 2021. – N 2. – P. 70–83. (In Russian)

Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Semantic components of the image of the future of the country in the representations of youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. – 2022. – Vol. 28, N 4. – P. 54–74. (In Russian)

СОЦИОЛОГИЯ КИНО

УДК 316.74

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.08

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: РАДАЕВ В.В. СМОТРИМ КИНО, ПОНИМАЕМ ЖИЗНЬ: 23 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОЧЕРКА. – 3-е изд., доп. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – 464 с.

Аннотация. В рецензируемой книге предпринимается попытка проанализировать связь кинематографа с реальной жизнью. Показано, как отечественное и зарубежное кино отражает реалии современной жизни: динамику общественных изменений и вызванные ими межпоколенческие конфликты, особенности национального характера, сложности расставания с прошлым, поведение людей в условиях кризиса, трудности взаимодействия человека с новыми технологиями.

Ключевые слова: кино и повседневность; фильмы; социология кино.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 94–99. – Рец. на кн.: Радаев В.В. Смотрим кино, понимаем жизнь: 23 социологических очерка. – 3-е изд., доп. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – 464 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.08

Рецензия поступила: 12.01.2026.

Принята к публикации: 30.01.2026.

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

YADOVA M.A.** Book review: Radaev V.V. Watching movies, exploring life: 23 sociological essays. – 3rd ed., suppl. – Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2025. – 464 p.

Abstract. The book under review attempts to analyze the relation between movies and the real world. It shows how national and foreign films reflect the realities of contemporary life: the dynamics of public change and the intergenerational conflicts it causes; the specifics of a national character; the hardships of letting go of the past; human behavior in crisis conditions; and the difficulties a person experiences when interacting with new technologies.

Keywords: cinema and everyday life; movies; cinematic sociology.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 94–99. – Book review: Radaev V.V. Watching movies, exploring life: 23 sociological essays. – 3rd ed., suppl. – Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2025. – 464 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.08

Received: 12.01.2026.

Accepted: 30.01.2026.

Для социологии кино кинематограф интересен как социальный институт и как инструмент воздействия на общество. Социологи кино исследуют двустороннюю связь: взаимовлияние друг на друга реальной жизни и кинематографа. В связи с этим произведения киноискусства можно рассматривать не только как отражение социальной реальности, но и как средство ее конструирования. С одной стороны, в кинофильмах мы видим отражение исторических событий, социальных проблем и поведенческих паттернов, свойственных той или иной эпохе, с другой – кино сильно влияет на массовое сознание, формируя систему ценностей зрителей, трансформируя их восприятие и привлекая внимание к важным жизненным вопросам.

Работа известного социолога и экономиста, проректора НИУ ВШЭ, д-ра экономических наук В.В. Радаева «Смотрим кино, по-

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

нимаем жизнь: 23 социологических очерка» (в разных изданиях количество очерков варьируется, в рассматриваемом нами последнем издании их 23) представляет собой сборник эссе, написанных на основе выступлений автора на ежегодном киноведческом семинаре, который проводится в Высшей школе экономики начиная с 2003 г. [Радаев, 2025]. Нестандартность и неформальность мероприятия задали содержательную рамку и настоящей книге. Автор использует известные кинофильмы и сериалы как иллюстративный материал, помогающий понять сложные социальные процессы и механику поведения людей.

В предисловии автор скромно подчеркивает, что читатель имеет дело больше с размышлениями, чем со строго научным текстом [Радаев, 2025, с. 10], хотя стоит отметить, что эти размышления основываются на глубоком содержательном анализе и нередко опираются на серьезные научные источники (сопровождается работу список библиографии достаточно широк). Нередко В.В. Радаевым приводятся ссылки на научные работы, результаты которых его натолкнули на ту или иную важную мысль. В то же время легкость тексту придает обращение автора к самым разным сюжетам, не всегда имеющим прямое отношение к научной сфере (историческим событиям, произведениям искусства, строкам известных художественных произведений или популярных песен). Такой подход делает рецензируемую работу похожей на интеллектуальную встречу в неформальной обстановке, где автор и читатель становятся собеседниками.

Перечислим основные злободневные темы, обсуждаемые в сборнике эссе В.В. Радаева. Прежде всего, как уже говорилось, в рецензируемой работе делается попытка проанализировать происходящие в обществе изменения сквозь кинематографическую призму. Автор, рассматривая кино как отражение социальной реальности, разбирает такие фильмы, как «Елена», «Кококо», «Бумер», «Нелюбовь», «Особенности национальной охоты / рыбалки», «Доктор Хаус», «Шоу Трумана», «Кафедра» и др.

Особое внимание автор уделяет ключевым жизненным вопросам, относящимся к категории вечных. В работе исследуется природа межпоколенческих конфликтов («Курьер», «Кислота»), человеческих страхов, любви и ненависти («Елена», «Нелюбовь»), добра и зла («бандитский» дискурс в кинематографе 90-х – нач. 2000-х), мужской и женской мифологии («Прогулка», «О чем говорят мужчины»).

Ключевой предмет интереса автора – происходящие в российском обществе социальные трансформации и связанные с ними изменения образа «героя нашего времени» («Курьер», «Брат-2», «Бумер», «Лимита»), осмысление советского прошлого («Территория»). Например, сюжет фильма «Елена» дает повод автору поговорить не только об особенностях «межклассовой борьбы» [Радаев, 2025, с. 11], но и о взаимоотношениях народа и власти в реалиях современного российского социума. По его мнению, в этом фильме отразилось нарастающее в российском обществе на рубеже 2010-х годов социальное напряжение. Главные герои фильма, по словам автора, олицетворяют собой две противоборствующие стороны – негибкую, не склонную к компромиссам власть и многозначительно молчащие «бессловесные низы» [там же, с. 183], готовые, как водится, к внезапному бессмысленному и беспощадному бунту, а скрепой (традиционной или современной) этих взаимоотношений становится неупорядоченное насилие как ценностная норма постсоветского общества. Причем «такого рода насилие не локализовано и не сосредоточено в определенном месте» [там же, с. 189], а лишь смутно ощущается из-за «разлитого в воздухе» напряжения. Автор подчеркивает, что такая повышенная готовность к агрессии в обществе не только российская особенность, а, судя по ежедневным мировым новостям, скорее глобальная тенденция, поэтому фильм А. Звягинцева – «апокалиптическое кино, проникнутое тихим ужасом, созвучным сегодняшней нормальной жизни» [там же, с. 191]. Главный вопрос в том, что с этим делать и как жить.

Другая важная проблема, которая анализируется автором во многих эссе рецензируемого издания – поколенческая. Он неоднократно отмечает уникальность постсоветских поколений, выделяя среди них миллениалов как своего рода перворпроходцев (подробнее см.: [Радаев, 2019]). По его словам, в «нулевые» в России с появлением представителей этого поколения на сцене общественной жизни произошел существенный социальный перелом, вызванный сменой поколений [Радаев, 2025, с. 311]. Например, по мнению автора, в фильме «Кислота» содержится мощное высказывание от лица новых поколений своим старшим современникам о том, что мир радикально изменился и «мы не такие, как вы» [там же, с. 314]. В рваном сюжете фильма В.В. Радаев видит попытку «показать неостановимое скольжение по разным поверхностям как важную примету сегодняшней “постмодернистской” жизни» [там же, с. 312]. В.В. Радаев остроумно замечает, что из того, что сего-

дняшние дети конфликтуют с родителями значительно реже, чем было раньше, не следует, что между ними есть понимание, скорее в силу инаковости друг для друга повода для конфликтов просто не остается: «жизнь разных поколений все больше разворачивается в ортогональных мирах» [Радаев, 2025, с. 315].

Кроме того, в сборнике кинематографических эссе анализируются зарубежные фильмы, в которых, естественно, поднимаются вопросы, актуальные и для российского социума. Так, на примере сериалов «Доктор Хаус» и «Кафедра» обсуждается тема профессиональной этики. Интересны автору и фильмы, посвященные проблемам взаимодействия человека с новыми технологиями (например, с искусственным интеллектом, как в фильме «Она»), он находит место для осмысления чрезмерной публичности частной жизни в цифровую эпоху и феномена популярных ток-шоу с эффектом «застеколья» («Шоу Трумана»), а также считает важным объяснить с опорой на научные подходы [Бекк, 1992], как поляризуются восприятие и модели поведения людей в экстремальных ситуациях в условиях небезопасного и непредсказуемого мира («Заражение»).

Мы полагаем, что книга В.В. Радаева представляет собой очень интересный, нетривиальный и глубокий взгляд на окружающую нас реальность сквозь кинематографическую призму. Автор талантливо демонстрирует, как должно работать социологическое воображение и мышление. В.В. Радаев не только виртуозно пользуется этим «интеллектуальным инструментом», но и как бы приглашает читателя в свою творческую мастерскую, помогая взглянуть на привычные вещи взглядом профессионала. Эссе В.В. Радаева дают возможность увидеть за известными киносюжетами социальные факты, выявить невидимые связи, которые управляют людьми и объединяют исторические события, а также учат мыслить критически и понимать причины того, что происходит в нашей жизни. Нет сомнений, что данная работа будет интересна как социальным исследователям (следить за работой мысли умного и талантливого коллеги – отдельное удовольствие!), так и любому вдумчивому читателю, далекому от социально-гуманитарных наук.

Список литературы

Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.

**Рец. на кн.: Радаев В.В. Смотрим кино, понимаем жизнь:
23 социологических очерка...**

- Радаев В.В. Смотрим кино, понимаем жизнь: 23 социологических очерка.* – 3-е изд., доп. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – 464 с.
Beck U. Risk society: towards a new modernity. – London : SAGE, 1992. – 272 p.

References

- Beck U. *Risk society: towards a new modernity.* – London : SAGE, 1992. – 272 p.
Radaev V.V. *Millennials: how the Russian society changes.* – Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2019. – 224 p. (In Russian)
Radaev V.V. *Watching movies, exploring life: 23 sociological essays.* – 3rd ed., suppl. – Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2025. – 464 p. (In Russian)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 314.1

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.09

ЛЕБЕДЕВА Т.В., АКРАМОВА А.Р., ШЕБАНОВА А.К.* СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗИМНЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. В условиях существующих в Российской Федерации демографических вызовов требуется широкое общественное обсуждение сложившегося положения. Рассмотрение особенностей демографической ситуации в России и в некоторых других странах мира состоялось в рамках проходившей 29–31 января 2026 г. VIII Международной зимней демографической школы, в которой принимали участие представители профессорско-преподавательского состава, научные сотрудники, аспиранты, студенты, представители общественности из 59 субъектов Российской Федерации и 13 зарубежных стран. Мероприятие проведено кафедрой демографии МГУ имени М.В. Ломоносова. Лекции слушателям прочитали ведущие российские демографы (В.А. Ионцев, О.Д. Воробьева, А.И. Антонов). Участие в мероприятии приняли гости из Китая, демографы из Чжуннаньского университета экономики и права (г. Ухань, провинция Хубэй).

* © Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К., статья, 2026

Лебедева Тамара Васильевна – кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва; shonohova@rambler.ru

Акрамова Александра Робертовна – старший преподаватель кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва; akrmv1999@gmail.com

Шебанова Анна Кирилловна – лаборант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва; serebro_anya@mail.ru

**Современная демографическая ситуация в Российской Федерации.
Итоги проведения VIII Международной зимней демографической школы...**

Ключевые слова: демографическая школа; демографическая ситуация в России; депопуляция; демографический прогноз; демографическое поведение населения; демографическое развитие Китая.

Для цитирования: Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. Итоги проведения VIII Международной зимней демографической школы в МГУ им. М.В. Ломоносова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 100–122. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.09

Статья поступила: 14.03.2026.

Принята к публикации: 25.03.2026.

LEBEDEVA T.V., AKRAMOVA A.R., SHEBANOVA A.K.** The current demographic situation in the Russian Federation. Results of the VIII International Winter Demographic School at Lomonosov Moscow State University

Abstract. The current demographic challenges in the Russian Federation require a broad public discussion of the current situation. Consideration of the characteristics of the demographic situation in Russia and in some other countries of the world was discussed during the VIII International Winter Demographic School held on 29–31 January 2026. It was attended by faculty staff, researchers, graduate students, students and public representatives from 59 constituent entities of the Russian Federation and 13 foreign countries. The event was organized and hosted by the Department of Demography of Higher School of Contemporary Social Sciences at Lomonosov Moscow State University. Lectures were given to the participants by leading Russian demographers (V.A. Iontsev, O.D. Vorob'eva, A.I. Antonov). The event

** Lebedeva Tamara Vasil'evna – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Researcher, Department for Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow; shonohova@rambler.ru

Akramova Aleksandra Robertovna – Senior lecturer of the Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov State University, Moscow; akrmv1999@gmail.com

Shebanova Anna Kirillovna – Laboratory Assistant, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov State University, Moscow; serebro_anya@mail.ru

was attended by guests from China, demographers from Zhongnan University of Economics and Law (Wuhan, Hubei Province).

Keywords: demographic school; demographic situation in Russia; depopulation; demographic forecast; demographic behavior of the population; demographic development of China.

For citation: Lebedeva T.V., Akramova A.R., Shebanova A.K. The current demographic situation in the Russian Federation. Results of the VIII International Winter Demographic School at Lomonosov Moscow State University. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 100–122. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.09

Received: 14.03.2026.

Accepted: 25.03.2026.

Демографическая ситуация, сложившаяся в Российской Федерации, представляет собой одну из самых сложных и актуальных проблем развития нашего государства, поскольку в стране отмечаются низкие показатели рождаемости, высокий уровень смертности, отток молодых специалистов за рубеж, старение населения [Донской, 2024]. Поэтому VIII Международная зимняя демографическая школа (далее по тексту – Школа) в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (далее – МГУ) была посвящена рассмотрению особенностей современной демографической ситуации в России. Школа была организована и проведена кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) (ВШССН) МГУ с 29 по 31 января 2026 г. на бесплатной основе в смешанном формате: офлайн (ауд. 540 ВШССН) и онлайн на платформе Яндекс Телемост.

Целью проведения Школы стало повышение демографической грамотности среди студентов и преподавателей, а также проведение профориентационной работы для привлечения на магистерские и аспирантские программы кафедры демографии ВШССН абитуриентов из регионов России и других стран мира. Занятия в Школе были организованы отдельно для преподавателей и научных сотрудников, которые совмещают научную работу с преподаванием демографических дисциплин (29 января 2026 г.), и для аспирантов и студентов (30–31 января 2026 г.). Лекции в Школе читали главным образом представители профессорско-преподавательского состава кафедры демографии ВШССН. В научной дис-

***Современная демографическая ситуация в Российской Федерации.
Итоги проведения VIII Международной зимней демографической школы...***

куссии активно выступали приглашенные специалисты-демографы других учебных заведений, научных центров, эксперты и политики. Отличительной чертой VIII Международной зимней демографической школы стало очное представительство китайской делегации демографов из Чжуннаньского университета экономики и права (г. Ухань, провинция Хубэй, Китай), которые прибыли в Москву для участия в Школе в качестве почетных гостей и для обсуждения перспектив дальнейшего двустороннего сотрудничества.

В первый день проведения Школы, 29 января 2026 г., присутствующих на занятиях преподавателей и научных сотрудников поприветствовали проректор МГУ, к.э.н., доцент *И.А. Алешковский* и заместитель директора ВШССН по научной работе, д.э.н., проф. *А.А. Гребенюк*. В их выступлениях была отмечена важность обсуждения и исследования демографических проблем для будущего любого государства и человечества в целом, поскольку формирование человеческого потенциала определяет социально-экономическую и геополитическую траекторию развития любого региона мира. Отсутствие глубокого анализа демографических процессов заставляет общество двигаться наугад, что грозит кризисами, которых можно было бы избежать при своевременном принятии государственных мер. Кафедра демографии ВШССН МГУ является одним из важнейших центров демографического образования в стране. Особое значение имеет организация и проведение кафедрой в течение последних восьми лет Зимних демографических школ, которые стали важной площадкой для проведения лекций ведущих отечественных и зарубежных демографов, организации научных дискуссий по демографической тематике, местом получения ответов на актуальные вопросы в области народонаселения.

С лекцией по теме «Демографическая ситуация: множественность определений» перед слушателями выступил заведующий кафедрой демографии ВШССН, д.э.н., заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова *В.А. Ионцев*. С использованием презентационных материалов профессор В.А. Ионцев продемонстрировал отрицательную динамику основных демографических показателей России, вследствие чего демографическая ситуация в стране на протяжении последних 30 лет (1995–2025 гг.) остается сложной. По сравнению с рядом других государств мира показатели рождаемости в нашей стране пока имеют не самые низкие значения, однако они постоянно снижаются, не покрывают показате-

ли смертности, вследствие чего на протяжении рассматриваемого периода в нашей стране отмечается естественная убыль населения.

Далее лектор В.А. Ионцев подробно остановился на характеристике причин, которые привели к сложившейся ситуации. В их числе он особо отметил уменьшение численности женщин репродуктивного возраста, особенно в возрастной группе 20–30 лет, а также сокращение численности мужчин репродуктивного возраста как результат «сверхсмертности» мужчин в трудоспособном возрасте и эмиграции. Сложившуюся в стране демографическую ситуацию также обусловили неблагоприятные трансформации семьи, негативные изменения в демографическом поведении населения, связанные с выбором западной глобально-либеральной модели демографического развития.

Докладчик отметил, что озабоченность по поводу сложившейся в стране демографической ситуации высказывают не только современные ученые, эксперты, журналисты. Значительное внимание этому вопросу уделяет Президент Российской Федерации В.В. Путин. Так, в выступлении на пленарной сессии Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 г. он отметил: «... преодолеть сложнейшие демографические вызовы, с которыми мы столкнулись, невозможно только с помощью денег, социальных выплат, пособий, льгот, отдельных программ. Да, конечно, цифры бюджетных “демографических” расходов крайне значимы, но это далеко не все. Гораздо важнее жизненные ориентиры человека. В основе семьи, в рождении ребенка лежат любовь, доверие, прочная нравственная опора. Мы ни в коем случае и никогда не должны об этом забывать»¹.

В завершение своего выступления профессор В.А. Ионцев в качестве альтернативы западной глобально-либеральной модели демографического перехода (второго демографического перехода) предложил для России переход на евразийский путь демографического развития, учитывая уникальное географическое положение страны в центре евразийского пространства. Данный путь базируется на национальных традициях, историческом опыте, культурных и демографических ценностях, среди которых здоровые дети являются главнейшей, и на многом другом [Ионцев, Узкая, 2024].

¹ Пленарное заседание Всемирного русского народного собора // Президент России. – 2023. – 28 ноября. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 04.02.2026).

С лекцией по теме «Прогнозы развития демографической ситуации в Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу» перед слушателями выступил профессор Северо-Кавказской государственной академии, профессор кафедры демографии ВШССН, д.ф.-м.н. Д.М. Эдиев. В своем выступлении лектор привел определение понятия «демографический прогноз» как научно-обоснованное и внутренне согласованное предвидение демографических показателей, характеризующих состояние движения населения, его компонентов и/или структуры населения. Профессор Д.М. Эдиев представил результаты авторского вероятностного демографического прогнозирования численности и структуры населения России на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Особое внимание лектор уделил использованию в демографическом прогнозировании метода передвижки возрастных групп (подробнее см.: [Эдиев, 2024]). Вероятностная модель передвижки позволяет генерировать множество (5000+) правдоподобных сценариев, отражающих эмпирические тренды, неопределенность и корреляции демографических показателей. Лектор подчеркнул значимость учета показателей бездетности, очередности рождений при составлении демографических прогнозов численности населения.

На основе полученных прогнозных траекторий Д.М. Эдиев представил вниманию слушателей альтернативные авторские сценарии демографического развития, ведущие к различным вариантам выхода из демографического кризиса, провел анализ их реалистичности и степени напряженности. Результаты авторского прогноза лектор сопоставил с официальными прогнозами ООН и Росстата, что позволило выявить ключевые расхождения и методологические особенности. Согласно авторским прогнозам профессора Д.М. Эдиева, до 2060 г. сохранится неопределенность траекторий демографического развития России.

Сокращение численности населения России практически неизбежно (99,8%), прогноз его численности на 2060 г. примерно 122–139 млн. чел (с 80% доверительным интервалом, далее по тексту – ДИ). При этом набирает обороты демографическое старение населения: к 2060 г. нагрузка пожилыми вырастет до 58–72% (80% ДИ). Продолжится сокращение демографического потенциала, а после 2050-х годов наступит «точка невозврата»: к 2100 г. население России будет насчитывать около 110 млн человек [Ediev, 2001]. За сокращением численности последуют не только экономические, но и беспрецедентные социальные проблемы, в том

числе рост бездетности до 40% и выше – столь кардинальное изменение ситуации может и дальше загнать ситуацию в «ловушку низкой рождаемости». Прогноз по числу рожденных детей обязателен при разработке, мониторинге эффективности и корректировке мер не только демографической, но и всей социально-экономической политики в Российской Федерации, отметил лектор.

Для выхода из демографического кризиса, то есть для предотвращения уменьшения численности населения России к 2040 г., по мнению профессора Д.М. Эдиева, необходимо обеспечить прирост показателя ожидаемой продолжительности жизни до 83,1 лет (дополнительно +4 года), а суммарного коэффициента рождаемости (СКР) – до 1,70 (+0,32). В сложившихся условиях следует продолжить экономическую и социальную поддержку всех семей, но с учетом специфики возрастных и социальных групп – молодых и «возрастных» / всех очередностей / независимо от доходов и занятости / во всех регионах, учитывая, что такая поддержка оказывается семьям, а не регионам. При этом следует создавать достойные экономические условия для существования семей с детьми, социальных лифтов для детей и широко использовать инструмент «регуляторной гильотины».

В завершение лекции профессор Д.М. Эдиев подчеркнул важность демографического анализа и прогнозирования, с учетом очередности рождений и распределения женщин по числу рожденных детей, в целях выявления особенностей демографических процессов и выработки рекомендаций по улучшению демографической ситуации в стране.

Лекция заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. философ. н., профессора *А.И. Антонова* состоялась по теме «Демографическая ситуация в России в контексте репродуктивного поведения». Лектор обратил внимание аудитории на последние издания учебников по социологии населения и демографии, которые подготовлены коллективом возглавляемой им кафедры [Социология населения ... , 2025; Антонов, Борисов, Карпова, 2025].

В начале своего выступления профессор А.И. Антонов на основе презентационных материалов акцентировал внимание слушателей на изменении общего коэффициента рождаемости (ОКР), индекса гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) и степени реализации ГМЕР с 1960 по 1989 годы в отдельных странах мира. Докладчик также проанализировал динамику численности населения мира с 1800 г. до 2100 г. (прогноз) и

подчеркнул особенности влияния рождаемости в Европе, в развивающихся странах и мире в целом на этот процесс. Лектор представил слушателям прогнозы численности населения мира: в период 2025–2050 гг. численность мирового населения останется примерно на уровне 8 млрд человек, а потом до 2100 г. начнется резкое его сокращение. В настоящее время в большинстве стран мира имеет место депопуляция населения, которая становится глобальной проблемой и оказывает нежелательное влияние на будущее всего человечества. Депопуляция в демографическом смысле противоположна росту населения. Это движение населения в отрицательном направлении уменьшения численности, то есть убыли населения из-за снижения уровня рождаемости ниже уровня смертности (подробнее см.: [Антонов, 2004]).

По мнению А.И. Антонова, значительное неблагоприятное воздействие на сокращение рождаемости в большинстве стран мира оказывает разрушение в обществе института семьи. Он отметил, что «гендеризм» как новая идеология уничтожения семьи, распространение гомосексуализма¹, разрешение однополых браков, сексуальная свобода для молодежи и другие современные явления наносят непоправимый вред социальным устоям традиционных ячеек общества. Немаловажное значение имеет укрепление материальной основы семей: семьи с детьми не должны быть бедными.

В заключение своего выступления профессор А.И. Антонов напомнил слушателям идеи отечественного экономиста и социолога А.В. Чаянова, который, будучи специалистом в области аграрного сектора и продовольственного дела, разработал программу разрешения проблем и противоречий семейно-трудового крестьянского хозяйства с учетом демографических факторов. По мнению А.В. Чаянова, появление детей в молодой семье приводит к неблагоприятному соотношению работников и едоков, потребление на одного члена семьи и душевая доходность в этот момент крайне низкие. Когда дети начинают подрастать и становятся полноценными работниками, без привлечения наемного труда резко возрастают душевые объемы продукции, потребления и доходов [Чаянов, 1925].

Заключительную лекцию для слушателей-преподавателей Школы 29 января 2026 г. прочитал декан факультета экономики, директор Центра исследований народонаселения и здоровья Чжун-

¹ Международное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в России.

наньского университета экономики и права, председатель Секции демографической экономики Китайского общества экономики труда, исполнительный вице-президент Ассоциации демографии провинции Хубэй (Китай), профессор *Ши Чжилэй*. Лекция была посвящена теме «Низкая рождаемость в Китае: эволюция тенденций, движущие факторы и эффекты вмешательства». В начале своего выступления лектор продемонстрировал слайд презентации, на котором были отражены кривые, демонстрирующие устойчиво низкую рождаемость в ряде современных развитых стран мира и в Китае. Снижающаяся и низкая рождаемость является общей проблемой, с которой сталкивается множество государств мира, резюмировал профессор Ши.

С 1990-х годов уровень рождаемости в Китае снижался быстро, показатель суммарного коэффициента рождаемости (СКР) опустился ниже 2,1, т.е. ниже уровня простого воспроизводства населения, после чего стабилизировался на уровне около 1,6. В период 2000–2010 гг. значения данного коэффициента начали снижаться и достигли значений 1,1–1,2. В качестве причин сложившейся ситуации с низкой рождаемостью в Китае профессор Ши назвал позднее и малочисленное деторождение, однодетность большинства китайских семей – один ребенок в городах и «полторадетная» норма в сельской местности. После 2010 г. была введена политика двух детей, накопленный эффект проявился в 2016–2017 годах, после чего произошел быстрый спад. Ослабление политики «трех детей» в 2021 г. также в краткосрочной перспективе не дало ожидаемого эффекта повышения рождаемости.

Снижение рождаемости в Китае, отметил профессор Ши, приводит к старению рабочей силы, а в некоторых секторах экономики и к ее нехватке, при этом формируется спрос на молодую рабочую силу – все эти факторы приводят к необходимости модернизации производственной структуры национального хозяйства. В числе возможных мер реагирования на сложившуюся социально-экономическую ситуацию в стране лектор назвал изменение структуры промышленности, повышение квалификации рабочей силы, перемещение рабочей силы из сельской местности в города, повышение уровня участия населения в трудовой деятельности, а также ослабление ограничений на международную иммиграцию.

В настоящее время население Китая уже находится на уровне низкой рождаемости, поэтому перед руководством страны стоят два главных демографических вопроса. Во-первых, будет ли уровень рождаемости продолжать снижаться? Во-вторых, сможет ли

политика поддержки рождаемости остановить и обратить эту тенденцию? Но пока, по словам докладчика, демографические прогнозы для Китая неутешительные. С 2022 г. население Китая стало сокращаться достаточно заметно. В 2040–2050 гг. страну ожидает достаточно резкое снижение численности населения, а к 2100 г. в ООН спрогнозировали двукратное сокращение китайского населения – с 1,4 млрд до 639 млн человек¹.

Лектор продемонстрировал слушателям Школы прогнозные возрастно-половые пирамиды населения Китая в 2035, 2050 и 2100 годах, на которых наглядно отражены предстоящие изменения в возрастной и половой структурах населения страны. Согласно его прогнозам, если лица пожилого возраста (старше 60 лет) к 2050 г. будут составлять около трети населения, то к 2100 г. – более 2/3 всего населения. Вследствие складывающейся ситуации в стране возрастают значения коэффициента демографической нагрузки пожилыми (на одного человека трудоспособного возраста).

Главной причиной снижения рождаемости в Китае профессор Ши считает изменение роли женщин в современном обществе: доминировавшая в традиционном обществе «репродуктивная» функция женщин уступила место их самостоятельности и индивидуальному развитию. Второй по значимости причиной снижения рождаемости лектор назвал недостаточный уровень политических и финансовых вложений. Им приведены данные о годовых расходах китайского бюджета на денежные трансфертные выплаты, услуги и пособия, налоговые льготы, которые составляют 3108 млрд юаней (0,23% ВВП страны).

На уровень рождаемости в стране оказывает влияние и фактор социального неравенства. Связь между браком и социально-экономическим положением становится все более тесной и все труднее реализуемой, особенно для мужчин с низким социально-экономическим статусом. Под влиянием конфуцианской культуры и «культуры семьи», за исключением случаев, когда по физиологическим причинам невозможно иметь детей, в подавляющем большинстве семей в Китае рождается хотя бы один ребенок. Но в последние годы быстрый рост затрат на рождение, воспитание, образование и бракосочетание сдерживает и подавляет желание

¹ В ООН спрогнозировали двукратное сокращение населения Китая к 2100 году // Известия. – 2024. – 11 июля. – URL: <https://iz.ru/1726227/2024-07-11/v-onn-sprognozirovali-dvukratnoe-sokrashchenie-naseleniia-kitaia-k-2100-godu> (дата обращения: 04.02.2026).

семей к рождению второго ребенка, особенно в семьях с неблагоприятным экономическим положением.

Профессор Ши поделился со слушателями опытом выборочного обследования рождаемости в 125 уездах провинции Хубэй, которое организовано и проведено в 4 этапа Центром исследований населения и здоровья Чжуннаньского университета экономики и права. На основе крупномасштабных социологических обследований (было опрошено около 200 тыс. человек) проведена оценка эффективности наиболее типичных мер в рамках трех категорий поддержки рождаемости: политики продления отпуска по уходу за ребенком, политики предоставления пособий при рождении детей, а также услуг по уходу за детьми раннего возраста и их воспитанию; и сформулированы рекомендации по дальнейшему совершенствованию системы поддержки рождаемости в провинции.

После окончания лекций на преподавательской части Школы состоялись выступления ее участников.

О.Д. Воробьева, профессор кафедры демографии ВШССН, д.э.н., профессор обратила внимание слушателей на особенности внутренней миграции населения в России и влияние этого процесса на демографическую ситуацию в российских регионах. 80% миграционных потоков в стране концентрируется в 15% субъектов Российской Федерации. За период 2019–2024 гг. число российских регионов с критической депопуляцией увеличилось на 11. Профессор О.Д. Воробьева подчеркнула, что в целях улучшения демографической ситуации и сохранения численности населения регионов России необходима дифференцированная политика, сочетающая в себе экономические стимулы, развитие инфраструктуры, снижение экономической дифференциации регионов, развитие других крупных агломераций.

М.А. Клупт, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор, акцентировал внимание на важности критического отношения к демографическим теориям. Ученые предлагают демографические теории, правительства государств с низким уровнем рождаемости, опираясь на научные выводы, пытаются внедрить социально-экономические меры демографической политики в надежде, что они будут способствовать повышению рождаемости в стране. В качестве примера профессор М.А. Клупт привел некоторые меры репродуктивной политики Индии и Китая, эффективность которых проявляется не сразу, а по истечении времени. В каждой стране выбор применяемых мер повышения рождаемости должен быть грамот-

***Современная демографическая ситуация в Российской Федерации.
Итоги проведения VIII Международной зимней демографической школы...***

ным, учитывающим особенности экономического и социально-культурного развития населения каждого конкретного региона, подчеркнул выступающий.

Р.М. Валиахметов, заведующий Научной лабораторией социальных и демографических исследований, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий, к.социол.н., доцент, выделил специфические черты демографической ситуации в национальных республиках Российской Федерации. Выступающим обращено внимание на особенности показателя ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) в республиках в 2023 г. Самые высокие значения ОПЖ отмечались в Дагестане (79,9), Ингушетии (79,2) и в Кабардино-Балкарии (77,1), а наиболее низкие – в республиках Тыва (66,6), Алтай (69,4) и в Бурятии (69,5). При этом, отметил выступающий, по показателю ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) лидерами выступают Чеченская Республика (69,9), Татарстан (66,5) и Дагестан (64,5). В числе аутсайдеров по показателю ОПЗЖ – Мордовия (53,6), Марий Эл (53,7) и Хакасия (55,2). Доцент Р.М. Валиахметов также отметил особенности национального состава населения республик по данным последних трех переписей населения. Доля коренной национальности по последней переписи населения была наиболее высокой в Чеченской Республике (96%), Ингушетии (93%) и в Тыве (83%).¹ Население национальных республик менее мобильно по сравнению с другими российскими регионами вследствие использования родного языка, наличия культурных и исторических связей. В заключение выступления Р.М. Валиахметов отметил важность проведения научных исследований демографического развития национальных республик России для проведения грамотной региональной демографической политики.

И.Н. Родькина, председатель комитета социальной и семейной политики Московского регионального отделения партии «Новые люди», муниципальный депутат района Тропарево-Никулино г. Москвы, в своем выступлении подчеркнула необходимость совершенствования правовых основ проведения семейной политики в Российской Федерации. В настоящее время молодые люди откладывают создание семьи и рождение детей на более поздний срок вследствие потери семейных ценностей, низкого уровня и

¹ Федеральная служба государственной статистики. Итоги ВПН–2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 04.02.2026).

качества жизни в отдельных регионах страны, слабой государственной поддержки, а также неуверенности в завтрашнем дне. Современная семейная политика в основном ориентирована на семьи, нуждающиеся в социальной защите. Поэтому органами власти всех уровней должны разрабатываться и приниматься грамотные законы и другие правовые документы, касающиеся российских семей с детьми.

А.К. Шебанова, аспирант кафедры демографии ВШССН 1-го года обучения, поделилась возможностью оценки качества населения с использованием индексного метода. Индекс качества населения (ИКН) предложен в 1995 г. демографом, д.э.н., профессором А.А. Саградовым. Для расчета ИКН используются показатели: суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов, число мужчин в возрасте старше 16 лет (в расчете на 1000 чел.), состоящих в браке, число занятых (в расчете на 1000 чел.) со средним и высшим образованием, десятичный логарифм среднедушевого реального (по паритету покупательной способности) валового регионального продукта (подробнее см.: [Саградов, 1995, с. 60–67]). Использование данного индекса в оценке качества населения регионов России в 2010 и 2020 годах по сравнению со значениями 1990 – нач. 2000 г. позволило выявить заметные изменения в качестве населения субъектов Российской Федерации.

Чжоу Юаньци, аспирант кафедры демографии ВШССН 2-го года обучения, в своем выступлении привел основные характеристики межпровинциальной миграции в Китае в начале XXI в. Исследование было выполнено аспирантом на основе материалов трех последних переписей населения КНР (2000, 2010 и 2020 годы). В результате было выявлено, что основной миграционный поток направлен из внутренних в восточные и приграничные провинции страны. Если в 1995–2000 гг. самой привлекательной провинцией для внутренних мигрантов являлась провинция Гуандун, то в 2005–2010 гг. возросла привлекательность Шанхайской и Пекинской городских агломераций. В 2015–2020 гг. приток внутренних иммигрантов в Шанхайскую агломерацию превысил приток мигрантов в провинцию Гуандун.

В завершении первого дня работы Школы последовали ответы на вопросы слушателей. Модератор мероприятия В.А. Ионцев поблагодарил всех участников за интересные доклады и выступления.

***Современная демографическая ситуация в Российской Федерации.
Итоги проведения VIII Международной зимней демографической школы...***

Участников студенческой Школы 30–31 января 2026 г. приветствовала заместитель директора ВШССН по учебной работе, к.э.н., доцент *Ю.А. Узкая*. Она отметила, что интерес к демографическим проблемам как со стороны научного сообщества, так и представителей широкой общественности постоянно растет. Об этом свидетельствует и расширение аудитории участников уже восьмой Международной зимней демографической школы, организуемой кафедрой демографии ВШССН. Демографическая ситуация в Российской Федерации оценивается как очень сложная, к решению задач совершенствования демографической политики должны быть привлечены квалифицированные специалисты-демографы. Однако подготовка таких нужных и важных специалистов осуществляется в ограниченном числе российских вузов, поэтому в настоящее время демографы – специалисты штучные. *Ю.А. Узкая* напомнила, что в 2022 г. Минтрудом России утвержден профессиональный стандарт «Демограф», который вступил в силу 1 марта 2023 г. Национальным агентством развития квалификаций в 2022 г. утверждены наименования квалификаций и требования к квалификациям «Специалист в области демографии (демограф)» и «Аналитик в демографической сфере».

В настоящее время в ВШССН осуществляется подготовка демографов по программам магистратуры: «Социальная демография» по направлению подготовки «Социология» и «Управление демографическими процессами» по направлению подготовки «Менеджмент». Кафедра демографии также занимается подготовкой аспирантов по научной специальности 5.4.3. «Демография». «Желающих пройти обучение по названным программам приглашаю на Дни открытых дверей, а студентов 4 курса бакалавриата или специалитета к участию в Универсиаде “Ломоносов” по социологии управления общественными процессами-2026¹. Будем рады видеть вас в числе магистрантов и аспирантов ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова!» – завершила свое выступление *Ю.А. Узкая*.

Первую лекцию для слушателей-студентов 30 января 2026 г. по теме «Евразийский путь демографического развития России: миф или реальность?» прочитал модератор мероприятия, профессор *В.А. Ионцев*. Лектор отметил, что в настоящее время в значительном числе стран мира наблюдается устойчивое сокращение

¹ Подробную информацию см. на сайте Универсиады «Ломоносов»: URL: <https://universiade.msu.ru/rus/event/10168/> (дата обращения: 04.02.2026).

численности населения или депопуляция, что обусловлено, в первую очередь, сокращением рождаемости. В США, например, рождаемость стала заметно сокращаться в 60-е годы XX в., позднее этот процесс стал отмечаться в государствах Европы. В настоящее время снижение показателей рождаемости имеет место и в странах Азии: в Японии, например, СКР составляет 1,2, а в Республике Корея – 0,7.

В Российской Федерации в 1961–1962 гг. показатель СКР составлял 2,4, но к 2000 г. его значение сократилось вдвое – до 1,2 [Российский статистический ежегодник, 2024, с. 96]. Поэтому руководством страны был принят ряд мер демографической политики. Так, с 2007 г. начала действовать Федеральная программа материнского капитала, которая была направлена на поощрение рождения второго ребенка. В 2020 г. действие данной программы расширили и на поддержку семей при рождении первого ребенка. В 2019 г. был утвержден Национальный проект «Демография», срок реализации которого продлился до 2024 г.¹ Данный национальный проект включал в себя пять федеральных проектов, в том числе по финансовой поддержке семей при рождении детей, по содействию занятости женщин, имеющих детей до 3-х лет, и др. Принятые меры демографической политики сыграли свою позитивную роль, но полностью решить проблему сокращения рождаемости в стране не смогли.

В последние годы особое внимание российские власти уделяют сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе семейных ценностей. По мнению докладчика, деструктивная идеология, включая культивирование безнравственности, отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений становится угрозой для демографической ситуации в стране. Поэтому Президентом России в 2022 г. утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценно-

¹ Паспорт национального проекта «Демография». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 // Официальный сайт Правительства России. – 2019. – 11 февраля. – URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 04.02.2026).

стей¹. В 2025 г. стартовал правопреемник Национального проекта «Демография» – Национальный проект «Семья», цель которого состоит в увеличении числа семей с детьми, в том числе многодетных, укреплении семейных ценностей².

Лектор подчеркнул, что западной глобально-либеральной модели демографического перехода Россия должна противопоставить Евразийский путь демографического развития, основанный на концепции четвертого демографического перехода. Направление движения по Евразийскому пути демографического развития предполагает сохранение национальных традиций, связанных с семьей, рождением детей и их воспитанием. Модели такого пути демографического развития могут иметь свои особенности, которые обусловлены национальными, культурными, духовными, религиозными и другими традициями [Ионцев, Узкая, 2024]. Без демографического будущего не будет и развития страны в целом, завершил свое выступление профессор В.А. Ионцев.

Выступление заместителя директора ВШССН МГУ им. М.В. Ломоносова по учебной работе, доцента кафедры демографии, к.э.н. Ю.А. Узкой было посвящено теме «Международная миграция населения в России: роль в демографическом развитии, вехи и перспективы исследования». Главными научно-аналитическими вопросами, на которые доцент Ю.А. Узкая отвечала в течение своей лекции, были следующие: «Каким образом международная миграция населения может помочь исправить демографическую ситуацию в стране и сможет ли? Что для этого надо сделать?»

Лектором были кратко охарактеризованы различные потоки миграционного движения населения (типы, виды, подвиды и формы) и приведено определение международной миграции населения – это территориальные (пространственные) передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленные различными факторами (семейными, национальными, политическими и др.) или

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Информационно-правовой портал системы «Гарант.ру». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061> (дата обращения: 04.02.2026).

² Национальный проект «Семья» // Официальный сайт Правительства России. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/about/> (дата обращения: 04.02.2026).

связанные с пребыванием в стране въезда, имеющим долгосрочный (больше 1 года), сезонный, маятниковый характер, а также с эпизодическими поездками на работу, отдых, лечение и т.п. [Введение в демографию, 2002, с. 312]. Доцент Ю.А. Узкая подчеркнула, что только безвозвратная миграция считается демографическим процессом. С использованием презентационных материалов лектором кратко проанализирована численность международных мигрантов в мире с 1970 по 2020 годы.

Далее Ю.А. Узкая обратила внимание слушателей на особенности классической теории демографического перехода Ф. Нутстайна, а также концепции второго демографического перехода Ван де Каа и Р. Лестега, которые не учитывали влияние на демографическое развитие миграционной компоненты. Позднее модель второго демографического перехода была дополнена Ван де Каа величиной чистой миграции. В случае выбора Россией демографического развития по пути второго демографического перехода страну ожидает трансформация семейных отношений и ценностей, сознательный отказ от рождения детей, распространение однополых браков, усыновление детей такими семьями, что усугубит депопуляцию в стране и приведет к исчезновению российского населения.

Концепция третьего демографического перехода, предложенная Д. Коулменом в 2006 г., отражает ситуацию, когда по причине низкой рождаемости в некоторых индустриальных странах происходит быстрое изменение в этническом происхождении вследствие активной международной иммиграции. Это постепенно приведет к тому, что коренное население постепенно станет меньшинством, то есть произойдет «замещение» коренного населения большинства стран Западной Европы различными группами иммигрантов.

Докладчица задалась вопросом, нужен ли России такой путь демографического развития, который может привести к потере национальной и культурной идентичности и постепенному замещению коренного населения мигрантами. Лектором была продемонстрирована динамика численности прибывших в Россию иностранцев в 2000, 2005, 2010, 2015, 2017, 2020 годах по странам происхождения, где резко выделялись контингенты прибывших из Абхазии, Кыргызстана, Украины, Туркменистана и Беларуси.

Ю.А. Узкая отметила, что при выработке демографической политики в стране необходимо отходить от теории демографического перехода, разрабатывая альтернативный путь демографиче-

ского развития с учетом воздействия демографических процессов на общественное, в том числе экономическое развитие [Сови, 1977].

Лекция заместителя начальника управления стратегического анализа Аналитического центра Москвы, доцента кафедры демографии ВШССН, к.социол.н. *А.А. Субботина* называлась «Демографическая ситуация в России сквозь призму современных методов анализа». В его выступлении были рассмотрены возможности и ограничения современных аналитических инструментов при изучении демографических процессов в условиях неполноты и инерционности традиционной статистики.

Лектор отметил, что переход от аналоговых к цифровым технологиям, начавшийся во второй половине XX в., создал принципиально новые условия для производства, накопления и обработки информации. С 2000-х годов усилилась концентрация больших массивов цифровых данных (текстовых архивов, закодированной информации, административных и платформенных баз), которые при соответствующей обработке могут использоваться в демографических исследованиях.

Распространение цифровых технологий способствовало формированию нового направления – цифровой демографии. Данное направление изучает демографические процессы с использованием инновационных методов анализа и альтернативных источников данных, исследует феномен «цифрового населения», а также влияние цифровизации на демографическое поведение.

В качестве примера прикладных исследований, основанных на цифровых данных, *А.А. Субботин* представил собственный анализ международной академической миграции в России с использованием библиографической базы Scopus. Авторские профили рассматривались как массив панельных данных, сопоставляющих исследователя с конкретной институциональной аффилиацией на определенную дату публикации. Отслеживание изменений адресов аффилиации позволило реконструировать траектории международных перемещений ученых и оценить масштабы академической миграции в Россию и из России за 1996–2020 гг. [Субботин, 2024, с. 121–148].

Другим примером стало использование обезличенных данных операторов мобильной связи (МТС, Билайн, Мегафон, Tele2) на примере Московского региона. Подобные данные позволяют получать информацию, труднодоступную традиционными статистическими методами: оценивать заселенность новых жилых тер-

риторий (в том числе в Новой Москве), анализировать динамику численности населения, масштабы маятниковой миграции, выявлять зоны дневной концентрации населения и транспортного спроса и т.д. Также в качестве примера были рассмотрены возможности использования данных банковских транзакций, которые позволяют анализировать пространственно-временные паттерны потребительской активности населения и уточнять характеристики мобильности и экономического поведения различных групп.

Подводя итоги, А.А. Субботин подчеркнул, что альтернативные источники данных существенно расширяют аналитические возможности демографических исследований. Они позволяют уточнить пространственную структуру расселения, выявить скрытые формы мобильности населения и дополнить официальные демографические показатели, в том числе используемые в системе государственного управления.

Лекция второго дня работы студенческой Школы (31 января 2026 г.) по теме «Современная межпровинциальная миграция населения в трех северо-восточных провинциях КНР и будущие тенденции ее развития» была подготовлена аспиранткой второго года обучения в ВШССН из Китая *Сун Суань*. Слушателям Школы материалы лекции были представлены научным руководителем аспирантки, профессором кафедры демографии ВШССН, д.э.н., профессором *О.Д. Воробьевой*. В лекции были рассмотрены причины сокращения численности населения, которое началось с 2010 г. С помощью презентационных материалов, составленных на основе данных переписей населения КНР 2000, 2010 и 2020 годов, продемонстрировано, что миграционный отток превысил естественную убыль населения, чистая межпровинциальная миграция стала основным фактором сокращения населения, особенно в провинциях Хэйлунцзян и Цзилин. После 2010 г. этот процесс усилился и продолжается до настоящего времени. В лекции отражены причины массовой миграции, главной из которых является тяготение мигрантов к более индустриальным регионам: в провинцию Ляонин, в Пекинскую агломерацию, в города Восточного Китая.

С целью модернизации промышленности, привлечения инвестиций и улучшения инфраструктуры в 2003 г. была принята государственная стратегия возрождения Северо-Востока Китая, которая включала поддержку государственных предприятий, развитие высоких технологий и обновление городов. Однако до настоящего времени вследствие слабой диверсификации экономики и нехватки рабочих мест отток квалифицированных кадров и мо-

***Современная демографическая ситуация в Российской Федерации.
Итоги проведения VIII Международной зимней демографической школы...***

лодежи из северо-восточных провинций продолжается. Поэтому в числе мер сдерживания миграционного оттока населения автором доклада предложено дальнейшее стимулирование экономического развития хозяйства северо-восточных провинций (вложение инвестиций, организация новых рабочих мест), совершенствование социальной инфраструктуры и повышение качества жизни населения, смягчение ограничений на прописку. Также рекомендован учет миграции в государственной социальной и демографической политике развития северо-восточных провинций КНР и разработка государственных программ по поддержке возвращения квалифицированных кадров.

В заключительной части последнего дня работы Школы для слушателей-студентов выступили почетные гости.

А.И. Антонов, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.филос.н., профессор, подчеркнул важность сохранения семьи и вред гендерной идеологии в семейной политике.

Д.М. Эдиев, профессор Северо-Кавказской государственной академии, профессор кафедры демографии ВШССН МГУ им. М.В. Ломоносова, д.ф.-м.н., обратил внимание слушателей-студентов на динамику численности населения мира, ее отражение в классических работах по демографии, и на современные модели прогнозирования.

М.А. Клупт, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор, напомнил слушателям о концепции «органического роста» Римского клуба, согласно которой каждый регион мира играет свою особую роль. Выступающий призвал к научному скептицизму и самостоятельному мышлению с использованием искусственного интеллекта в вопросах выявления и познания демографических законов и прогнозирования демографических процессов.

Р.М. Валиахметов, заведующий Научной лабораторией социальных и демографических исследований, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий, к.социол.н., доцент, обратил внимание студенческой аудитории на специфику проведения демографических исследований в национальных республиках Российской Федерации, в которых должны учитываться исторические, национальные и культурные особенности формирования населения и его развития.

Ши Чжилэй, декан факультета экономики, директор Центра исследований народонаселения и здоровья Чжуннаньского уни-

верситета экономики и права, председатель Секции демографической экономики Китайского общества экономики труда, исполнительный вице-президент Ассоциации демографии провинции Хубэй, поделился информацией о деятельности возглавляемого им научного центра, о научном сотрудничестве с университетами США, Италии и других стран. Профессор Ши пригласил к участию в июле 2026 г. на ежегодной всекитайской научной конференции по демографии, на которой соберется около 2 тыс. представителей из разных провинций страны и гости из-за рубежа.

Дай Шэн, доцент экономического факультета Чжуннаньского университета экономики и права, кандидат экономических наук, доцент, подчеркнул важность обсуждения демографических проблем мировой общественностью. В университете, в котором он работает, значительное внимание уделяется исследованию демографических процессов не только в провинции Хубэй, но и в Китае в целом, а также в других странах мира. Этому способствует налаженное международное сотрудничество с учеными других стран, межгосударственные академические обмены студентами и преподавателями.

В завершение работы Школы докладчики и выступающие ответили на вопросы слушателей-студентов.

Общие итоги работы VIII Международной зимней демографической школы подвел модератор мероприятия, профессор В.А. Ионцев, который подчеркнул, что вопросы демографической ситуации и развития народонаселения вызывают все больший интерес в обществе. Он поблагодарил всех лекторов и участников Школы за неравнодушие к решению демографических проблем, за состоявшиеся дискуссии и те вопросы, которые были подняты и обсуждены в ходе проведения Школы.

Все материалы Школы (видеозаписи каждого дня, презентации лекторов, фото- и видеоматериалы) размещены на сайте кафедры демографии ВШССН¹. Все слушатели получили сертификаты участника мероприятия за подписью директора ВШССН МГУ им. М.В. Ломоносова, академика РАН Г.В. Осипова.

Всего в мероприятии приняли участие: 171 человек в день проведения Школы для преподавателей (29 января 2026 г.) и 190 человек в Школе для студентов (суммарно за 30–31 января 2026 г.). В числе слушателей были представители 14 государств мира: Ар-

¹ См.: URL: <https://demography-vshssn-msu.ru/mzdsh> (дата обращения: 04.02.2026).

***Современная демографическая ситуация в Российской Федерации.
Итоги проведения VIII Международной зимней демографической школы...***

мения, Афганистан, Беларусь, Вьетнам, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Ливан, Марокко, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Южная Осетия. Значительный интерес к тематике Школы проявили представители профессорско-преподавательского состава вузов, научные сотрудники, аспиранты и студенты 59 российских регионов. В адрес оргкомитета поступило множество благодарственных писем от участников мероприятия.

Список литературы

Антонов А.И. Причины и последствия депопуляции в России // Почему вымирают русские: последний шанс. – Москва : Эксмо, 2004. – С. 35–55.

Антонов А.И., Борисов В.А., Карпова В.М. Лекции по демографии : учебник для вузов. – 2-е изд.-е. – Москва : Академический проспект, 2025. – 704 с.

Введение в демографию / под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – Москва : ТЕИС, 2002. – 636 с.

Донской Д.А., Ужакова М.В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. – 2024. – № 4. – С. 51–61. – DOI: 10.24412/2782-4845-2024-12-51-61

Ионцев В.А., Узкая Ю.А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 597–611. – DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611

Российский статистический ежегодник, 2024 : статистический сборник. – Москва : Росстат, 2024. – 630 с.

Саградов А.А. Теория и методы изучения качества населения. – Москва : Гуманитарный фонд, 1995. – 238 с.

Сови А. Общая теория населения : в 2-х тт. / сокр. пер. с фр. Ф.Р. Окуновой. – Москва : Прогресс, 1977. – 519 с.

Социология населения: введение в основы анализа социально-демографических проблем : [Учебник] / Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. [и др.] ; отв. ред. А.И. Антонов. – Москва : Изд-во МГУ имени М.В. Ломоносова, 2025. – 513 с.

Субботин А.А. Международная интеллектуальная миграция в России: вызовы и перспективы : монография. – Москва : Знание-М, 2024. – 272 с.

Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. – Москва : Кооперативное изд-во, 1925. – 215 с.

Эдиев Д.М. Основы демографического анализа с элементами математической демографии. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 192 с.

Ediev D.M. Application of the demographic potential concept to understanding the Russian population history and prospects: 1897–2100 // Demographic research. – 2001. – N 4. – P. 289–336. – DOI: 10.4054/DemRes.2001.4.9

References

- Antonov A.I., Borisov V.A., Karpova V.M. *Lectures on demography: textbook for universities*. – Moscow : Akademicheskii prospekt, 2025. – 2nd ed. – 704 p. (In Russian)
- Antonov A.I. Causes and consequences of depopulation in Russia. *Why Russians are dying out: the last chance*. – Moscow : Eksmo, 2004. – P. 35–55. (In Russian)
- Chayanov A.V. *Organization of the peasant economy*. – Moscow : Cooperative publishing house, 1925. – 215 p. (In Russian)
- Donskoy D.A., Uzhakova M.V. Analysis of the demographic situation in the Russian Federation: forecast for 2024–2026. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo* [EFO: Economy. Finance. Society]. – 2024. – N 4. – P. 51–61. – DOI: 10.24412/2782-4845-2024-12-51-61 (In Russian)
- Ediev D.M. Application of the demographic potential concept to understanding the Russian population history and prospects: 1897–2100. *Demographic research*. – N 4. – P. 289–336. – DOI: 10.4054/DemRes.2001.4.9
- Ediev D.M. *Fundamentals of demographic analysis with elements of mathematical demography*. – Moscow : INFRA-M, 2024. – 192 p. (In Russian)
- Introduction to demography. Ed. by V.A. Iontsev, A.A. Sagradov. – Moscow : TEIS, 2002. – 636 p. (In Russian)
- Iontsev V.A., Uzkaya Yu.A. The Eurasian path of demographic development in Russia as a challenge to the global-liberal model of demographic transition. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. – 2024. – Vol. 20, N 4. – P. 597–611. – DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611 (In Russian)
- Russian statistical yearbook, 2024*. – Moscow : Rosstat, 2024. – 630 p.
- Sagradov A.A. *Theory and methods of studying the quality of the population*. – Moscow: Humanitarian Fund, 1995. – 238 p. (In Russian)
- Sociology of the population: introduction to the fundamentals of the analysis of socio-demographic problems [Textbook] / Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V. [et al.]; ed. by A.I. Antonov. – Moscow : Lomonosov Moscow state university press, 2025. – 513 p. (In Russian)
- Sovi A. *General theory of population*: in 2 vol. Abridged translation from French by F.R. Okuneva. – Moscow : Progress, 1977. – 519 p. (In Russian)
- Subbotin A.A. *International intellectual migration in Russia: challenges and prospects*: monograph. – Moscow : Znanie-M, 2024. – 272 p. (In Russian)

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ШИЛЗ Э. ПРИЗВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ. (Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: социология; наука; социологическое воззрение.

Для цитирования: Шилз Э. Призвание социологии / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 123–143.

Перевод поступил: 19.12.2025.

Принят к публикации: 10.01.2026.

SHILS E. The calling of sociology. (Translated from English)

Keywords: sociology; science; sociological outlook.

For citation: Shils E. The calling of sociology. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 1. – P. 123–143.

Received: 19.12.2025.

Accepted: 10.01.2026.

Установление и принятие социологии

От разнородности к единству

После Первой мировой войны интеллектуальные сейсмологи смогли уловить подземные толчки в психоанализе. Почва под Дре-

¹ Перевод сделан по источнику: Shils E. The calling of sociology // Theories of society: foundations of modern sociological theory / ed. By T. Parsons, E. Shils, K.D. Naegle, J.R. Pitts. – Glencoe : The Free press, 1961. – Vol. 2. – P. 1405–1448.

вом знания пришла в движение. Ствол сопротивлялся, но ветви тряслись, и трепетали листья. Источник этого потрясения был ясен и несомненен, и имя его автора все знали. После Второй мировой войны стала ощутимой еще одна вибрация. Она не переживалась так ярко, как психоанализ; с первого взгляда не было видно, что она бросает дерзкий вызов унаследованным этическим идеям. Иногда она кажется более подходящим предметом для интеллектуальной метеорологии, чем для сейсмологии; она больше похожа на наползающее облако, чем на резкий, ощущаемый телом толчок. Она подобралась, как туман, и явилась нам без всякого плана и видимого намерения. У нее нет единичного уловимого и именovanного источника. Она ненавязчиво была среди нас все время и овладела нами без предварительных объявлений. Она не пришла к нам, однако, из верхних слоев атмосферы. Явление социологии — нечто столь же фундаментальное, как и почва у нас под ногами; изменения, коими сопровождалось ее формирование, — это фундаментальные изменения в связях людей друг с другом и с вещами, которые они считают важными. Прежде чем распространиться среди нас и стать частью нашего мировоззрения, она долго и разными способами к этому готовилась.

Заботы советников государей, философов, призванных быть царями, разочаровавшихся моралистов, печальных критиков завоеваний и революций заложили зачатки социологических воззрений. Они дали ту отстраненность в ближайшем участии, которая служит основой социологического наблюдения. Начали складываться семейства традиций, соединявшиеся друг с другом, а затем снова расходившиеся. Слияние этих доакадемических традиций мысли и наблюдения, которые можно теперь ретроспективно видеть как источники социологии, произошло лишь недавно — определенно не раньше нынешнего столетия. Разнородные зачатки социологии оформились до возникновения университетов; но социология не смогла бы стать всеобъемлюще открытой и единой восприимчивостью, какой она сейчас является, не став предметом в современном университетском силлабусе. Относительно единая теоретическая ориентация, доминирующая в наши дни в социологических исследованиях, даже среди социологов, считающих себя ее противниками, не смогла бы появиться без проникновения социологии в университеты. Прежде чем обзавестись своей нынешней более широкой аудиторией, ей надо было стать университетским предметом; ей надо было стать университетским предметом в первую очередь и прежде всего. Она должна была стать академи-

ческой – академической по своему дому, академической по своему стилю, – чтобы обрести то единство, которым она сейчас обладает, и развить устремленность к еще большему единству.

Разброс конкретных социологических интересов был долгое время бичом вдумчивых социологов и мишенью для критиков. Собранное в единый университетский факультет, разнообразие традиций, вошедших в состав социологии, обнажило ее пестроту. Эта пестрота не шла вглубь; инстинкт университетских профессоров и администраторов, собравших вместе эти по видимости случайные вещи, был здоровым. Какое-то время казалось, что социология – просто коллекция того, что оторгли и вымели из себя другие, старшие академические социальные науки, в своих истоках тоже не академические. Но лучшим академическим умам не пристало терпеть хаос до бесконечности – даже если многие принимают его, некоторые им гордятся, а еще более многие неспособны его преодолеть.

Утверждение социологии как связного предмета, находящееся сейчас на начальной стадии, создание общей теории, и воспитание комплексной социологической восприимчивости, являющейся ее продуктом и ее источником, – все это очень многим обязано, как и едва ли не все в современном научном мире, великой эпохе немецких университетов. Не то чтобы социология в них процветала. На протяжении большей части своей истории в немецких университетах – в основном совпавшей с периодом утраты этими учреждениями их некогда великого положения – социология была скучным и неинтересным предметом. Она состояла из определений и классификаций, столь же сухих, как пыль, и таких же безжизненных. Был, однако, и подлинный импульс в этих усилиях. Они были попыткой сделать социологию систематической – т.е. превратить ее в связный корпус мыслей, собранных вокруг ряда фундаментальных проблем и фундаментальных понятий, вытекающих из этих проблем. Проблемой было формирование связного порядка, слаживание действий и их дезагрегация. Попытка эта была не очень успешной. Величайший дух немецкой социологии не преподавал социологию. Академическим немецким социологам никогда не удавалось выйти за пределы таксономии, в область динамики. Импульс, приданный объединению понятий немецкой университетской традицией, исчерпал себя в достижении классификации. Они не знали, как двигаться дальше; но, что важнее, у них не было стимула идти дальше. Им не доставало любопытства к особым действиям и к человеку и обществу вообще, чтобы пойти

вперед. Качество воображения и созерцательная острота ученых, на попечении которых находилась социология, были слишком невелики. Эмпирические достижения социологии были еще слишком скромными, а диапазон социологического интереса – слишком узким, чтобы дать социологической восприимчивости ту содержательно насыщенную и дифференцированную стимуляцию, в которой она нуждалась.

Тем не менее немецкая традиция систематических трактатов и учебников, приводящих в порядок всю совокупность знания, – хотя делалось это часто со схоластической педантичностью и рассматривалось некоторыми социологами как конечное состояние социологического развития – стала одним из источников движения, нацеленного на то, чтобы собрать широкое разнообразие разрозненных традиций, вошедших в состав социологии, в одну сложную дисциплину с центральной точкой зрения. Само сосуществование внутри одного факультета стандартного американского университета XX века криминологии, исследований семьи, человеческой экологии и городской социологии, исследований социального статуса, политической социологии, сельской социологии и многих других небольших областей академической социологической империи должно было со временем, благодаря безличному осмотическому процессу, собрать их в несколько большее единство. При этом независимой от этой возможности и более важной была выросшая из немецкой университетской традиции всеохватных учебников и систематических трактатов попытка систематизировать предмет в целом. Многие десятилетия такие попытки упорно предпринимались, но были тщетными. Социологическое воззрение – т.е. видение общества как непрекращающегося взаимодействия креативности, дисциплины, отказа и бунта на меняющейся сцене примордиальных, гражданских, священных и персональных объектов – все еще оставалось не артикулированным.

До конца 1930-х годов социология являла собой картину беспорядка. В Соединенных Штатах уже существовала разрозненная масса отдельных исследований, между которыми не было практически ничего общего, кроме живого любопытства к современной Америке и стремления к дисциплине в наблюдениях. В Британии делалось гораздо меньше; на микроскопическом уровне ситуация была такой же, как в Соединенных Штатах. В других странах эмпирические исследования были в диковинку. С аналитической стороны связная социологическая точка зрения, какой мы ее сегодня знаем, изредка приглушенно проявлялась в исследо-

ваниях учеников Парка, а также в работах Мэйо, Ретлисбергера, Уорнера, Лазарсфельда, Долларда и др. Она была нерешительной и неуверенной, а ее потоки – несоординированными. Со времен Вебера и Дюркгейма обнародование серьезной социологической теории едва ли продвинулось вперед. В Германии, Франции, Италии и Великобритании теоретическое движение начала века, по сути, остановилось. В Соединенных Штатах целенаправленных усилий в этом направлении было больше, но результаты не впечатляли. Фальстарты, бравшие за отправную точку психоанализ или бихевиористскую теорию научения, уходили в песок или растворялись в воздухе.

Поворотной точкой стала «Структура социального действия». Именно этот труд свел величайшие из частичных традиций в некоторую меру единства. Он стимулировал развитие социологического взгляда, имплицитно содержавшегося в наиболее интересных эмпирических исследованиях; он сделал эксплицитными сродство и взаимодополнительность социологических традиций, выросших из утилитаризма, идеализма и позитивизма. Он перенаправил социологию на ее классический путь и, сделав это, запустил медленный процесс выявления скрытых диспозиций, лежавших в основе роста социологической любознательности. Хотя аргументация этой книги была абстрактной и сложной, «Структура социального действия» очертила основные контуры конкретного социологического воззрения, вышедшего на сцену в академических штудиях и в публичной оценке социологии после ее появления.

От университета к более широкой аудитории

В своем по большей части зачаточном состоянии социология в 1920-е годы едва ли будоражила общественное сознание. Пожалуй, «Средний город» был первым трудом академической социологии, пробудившим и частично удовлетворившим потребность в самопонимании. Эта книга не оставила долговременного воздействия, разве что осознание того, что такие усилия возможны и будут приветствоваться. В 1930-е годы «Новейшие социальные тренды» и «Американская дилемма» освежили воспоминания о «Среднем городе» и подготовили почву для более широкого принятия социологии.

Меж тем, если не брать принимаемую от случая к случаю траекторию обособленного отчета о той или иной области обществен-

ного внимания, социология жила в основном в университетских стенах, выныривая оттуда в поисках материала и возвращаясь назад, чтобы переварить и впитать факты внешнего мира в академическую дисциплину. В Соединенных Штатах она вела тихую, в целом респектабельную жизнь, по большей части замкнутую в стенах университетов, где она была популярна среди студентов и окружена пренебрежением тех, кто практиковал другие академические дисциплины. В Британии до конца Второй мировой войны в академическом мире ее едва терпели, а ее проникновение в более широкую общественность произошло значительно позже. Также и в Германии после Первой мировой войны и до прихода нацистского режима, когда она ушла в изгнание, у социологии в университетах была бесплодно одинокая карьера, обычно встречаемая с пренебрежением и иногда смутно окрашенная бурлением. Зерно немецкой социологии дало всходы только после того, как его пересадили в Америку. Семя социологической теории не могло прорасти без оплодотворения эмпирическими исследованиями и диверсификации ее объектов; немецкие университеты давали мало возможностей и мотивов для таких исследований. Во Франции закрепление социологии было еще скудным и рассеянным; но насколько она вообще там существовала, она замыкалась в университетах.

Итак, многие годы социология жила своей жизнью; ее презирали и едва выносили публицисты, любители и профессора философии, экономисты и исследователи литературы. После ее закрепления в академическом мире удел ее не был счастливым. Даже соглашаясь с ее академическим выживанием, в интеллектуальном праве на существование ей часто отказывали. В Германии было много споров о самой возможности существования социологии – споров, зачастую завершавшихся отрицательным выводом. Сами социологи ощущали гнет этого презрения и тратили много сил на попытки оправдать свое существование – но не трудами, а доказательством того, что у них есть свое законное место в иерархии наук и что они практикуют область знания, у которой есть свой важный предмет и логически защитимое притязание на уважение. Они тратили много времени на выдвижение методологических принципов, не получавших ни подтверждения, ни руководства из матрицы опыта¹.

¹ Именно на этой стадии социологического развития Анри Пуанкаре сказал, что социология – это наука, производящая каждый год новую методологию,

Даже в прагматичной Америке, стране легендарной нетеоретичности, социология не могла противиться ощущению, что она обязана доказать себя с помощью довода, что полностью собранная семья наук с необходимостью требует существования социологии. Никого эти аргументы, в силу которых могли искать защиту их собственные посредственные усилия, не убеждали – и социологов они убеждали не больше, чем профессоров других наук с более долгой историей и более славными достижениями. Благодаря стойкости и упорству социологи, в конце концов, нашли свое призвание в исследовании. В Британии, а затем и в Соединенных Штатах утилитарное и гуманитарное попечение о бедных открыло дорогу к эмпирическим социологическим исследованиям. Ревущий поток иммигрантов в крупные города Соединенных Штатов нарушил викторианское спокойствие. Гуманистически настроенные социальные работники были встревожены нищетой и делинквентностью, и социологи пришли разделить с ними эту тревогу, умеряя ее любопытством и удовольствием от конкретных открытий. В конце второго десятилетия XX века кризис в отношениях между неграми и белыми – обнаженный и усугубленный движением населения в северные города – дал социологам еще одно расширение их владений. Он также дал им ограниченную уверенность в себе, приглушившую их более широкую интеллектуальную неуверенность. Внутри университетов Америки – чего совсем не происходило в Европе – в смежных дисциплинах на место прежнего пренебрежительного отношения пришел сочувственный скептицизм: департаменты конвенциональных наук о человеке с неприязнью приняли социологические начинания к сведению, а реальные науки проявили терпеливое снисхождение.

В 1930-е годы американская социология переживала заметную экспансию на своих перифериях. Ее популяция росла, и ее продукция тоже. Ей помогли Великая депрессия, приток беженцев из Германии и Австрии и наступление интеллектуального возраста у первого поколения потомков восточно-европейских иммигрантов, приехавших в Америку 30 лет назад. Исследования стали более сложными и изощренными ввиду развития новой дисциплины –

но никогда не производящая никаких результатов. Поскольку у нее было так мало содержания, теория оставалась пустой и лишенной направленности. Поскольку не было никаких результатов, методологические самооправдания социологии оставались пустыми и, что совершенно естественно, начисто лишенными убедительности.

статистики, а также благодаря совершенствованию опросных техник под влиянием психоанализа и индустрии опросов общественного мнения. Под влиянием психоанализа, марксизма и лучшего знакомства с трудами Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера стало чуть более изощренным и содержание. Этому в немалой мере способствовали влияние беженцев из Центральной Европы и индигенные процессы развития в американской интеллектуальной жизни.

Вторая мировая война дала социологам желаемые свидетельства их полезности. Их занятость во многих военных и гражданских ролях в качестве социологов наполнила их убежденностью в полноценном интеллектуальном гражданстве, коей им до этого так недоставало. Этому нарастающему чувству принадлежности к центральному кругу интеллектуального космоса соответствовала росшая среди государственных и гражданских чиновников, публицистов и в целом просвещенной общественности вера в то, что социологии есть что внести в национальную жизнь.

Социология продвинулась в академической иерархии. Ее глашатаи часто оказываются среди ведущих светил своих университетов. Другие дисциплины стали к ней почтительны или по крайней мере заткнули за пояс пренебрежение и заменили его внимательной недоверчивостью, затаенным любопытством или просто смирением. Политическая наука энергично учится у социологии. Антропология, солидная в своем знании фактов и связанная с реальными науками через физическую антропологию, готова вобрать в себя какую-то ее часть. Даже полные гонора экономисты готовы согласиться с ее правом на существование и допустить, что ей, возможно, есть что сказать. Кое-кого из американских социологов знают и уважают во всем академическом мире. Некоторые стали в Америке публичными фигурами, пророками того же порядка, что и знаменитые ученые и публицисты; их слава просочилась в Англию, Германию и Италию – и даже во Францию, интеллектуально самоудовлетворенной, но этим недовольной, о них слыхали.

Усовершенствованная социология военных лет, возросшее внимание к американским интеллектуальным делам после войны и – что, вероятно, самое важное – изменение в фундаментальной восприимчивости открыли дорогу к принятию социологии в театр публичной интеллектуальной жизни.

Уже один факт видного положения социологии в Соединенных Штатах волей-неволей должен был привести к ее присутствию в Европе с ее повышенным вниманием ко всему американ-

скому. Но сила приходит не просто – и даже не в первую очередь – извне. Внутри каждой из европейских стран волна более глубоко лежащих мнений возносит социологию ввысь, к ее академическому закреплению, общественному вниманию и оценке.

Таким образом, социология – бывшая в прошлом прямой и неуклюжей наукой, наукой американского Среднего Запада, тоскливой схоластической классификационной схемой немецких университетов – проникла в гостинные самых рафинированных интеллектуалов Соединенных Штатов и Европы. В Англии это призывный клич молодежи, обличающей старших за то, что их обскурантизм встал на пути ее академического утверждения. Социология стала подходящей темой интеллектуальных обзоров и лучших воскресных газет. Она стала инструментом трезвой оценки государственной политики и созерцания, оценки и критики качеств общественных классов. Она стала органом открытия другого человека.

Во Франции она тоже стала средством публичного интеллектуального дискурса, и разочарованные марксисты ринулись к ней, ища утешения за потерю веры. Французское правительство с невиданной щедростью выдает деньги на социологические исследования – и мы видим здесь комбинацию конкретности, созвучности времени и любознательности, которой не знали во Франции со времен Дидро, отправившегося в цеха изучать технологию своей эпохи. В Италии и Германии социология уже начала прокладывать себе путь в частном и государственном управлении и в своих притязаниях на общественные кошельки и внимание. Интеллектуальное пробуждение, коммерческая предприимчивость и молодость духа сливаются в строгое, тщательное, исполненное энтузиазма исследование современной среды. В Польше, самой негостеприимной среде, то, что было некогда всего лишь академической дисциплиной, стало дыханием самой жизни, шнуром, связывающим со свежей реальностью. В Польше притязание социологии на достойное место в современном *Weltanschauung* приобрело особую силу и выглядит особенно трогательно. Основания для признания, расширившего социологию и превратившего ее из академического предмета в часть всеобщего диалога, в Польше прозрачнее, чем где бы то ни было в мире. В Польше социология – сколь бы ни были ограничены ее интеллектуальные достижения – стала критикой безжизненной догмы; это декларация воли к жизни, и притом к жизни в конвивиальности со своим собратом.

Критика социологии извне заметнейшим образом сократилась. И все же критика есть, обычно недружелюбная и непонимающая. Она не такая, какой была некогда, — ни по объему, ни по резкости тона, ни по критикуемым объектам. Тридцать лет назад социологию принижали за то, что она ненаучна. Ее презирали, потому что она не могла обосновать свое место в какой-нибудь проблемной классификации наук. Ее обвиняли в «простом» собирании фактов без принятия во внимание их значения. Ее упрекали в том, что она просто переоткрывает то, что уже известно каждому мыслящему человеку, и делает это лишь с большими усилиями и высокими затратами. Над ней насмехались за ее озабоченность тривиальным. Ее высмеивали за ее склонность к громоздкой терминологии с порою туманными и слишком очевидными референциями. Она была противна гуманистам, опасавшимся, что ее «научные» процедуры разрушат то, что существенно в человеке, представят в ложном свете его природу и принизят его. Социологию винили в упразднении индивидуальности, в унижении человека бесчеловечным детерминизмом. Ей бросали обвинения в том, что она стремится возвести макиавеллианский режим ученых. Подчеркивалась скудость ее познаний в истории и исторического воображения; часто сетовали на ее избыточную и бездумную готовность к уничтожению уникальности исторических событий путем втискивания их в общие категории.

Каким-то образом, без всякой видимой причины — поскольку то, что было верным в этой критике, все еще в какой-то мере остается верным, — эти обвинения испарились. Не то чтобы социологи вошли в бой с этой критикой и опровергли ее разумными доводами; не сказать и того, что действительное развитие социологии сделало эту критику совершенно бессмысленной. Просто она куда-то делась. Критики и те, кто принимал их выпады, обычно не были очень уж сведущими в социологии или чуткими к ее недостаткам; в молчании их наследников резона не больше, чем в болтливости прежнего поколения критиков. За счет размаха своих стараний и масштабности своего закрепления, благодаря ряду своих достижений и особенно постепенному нащупыванию своего подлинного призвания социология попросту успешно навязала себя своим критикам. После Второй мировой войны можно было слышать лишь отдельные отзвуки старых споров, да и те были слабыми.

Арьергардные выпады выражают опасения относительно литературной незелегантности социологии и ее империалистической связи с денежными закромами фондов и правительств. Со-

циологов теперь упрекают – и часто правомерно – в том, что они не излагают свою мысль легкодоступным для понимания и грамматически правильным языком. Но их интеллектуальное право делать то, что они делают, интересность и ценность получаемых ими результатов в целом возражений не вызывают. Только в поредевшей старой гвардии все еще можно столкнуться с давно устаревшими жалобами на то, что социология не определила должным образом свой предмет и свои границы с другими академическими дисциплинами, что она в конце концов вообще не наука, что она слишком сосредоточена на актуальном или что это одно из сумасбродств, которые вполне могла позволить себе богатая, полная энтузиазма и юная духом Америка, но от которых здравомыслящим странам хорошо бы держаться подальше.

Большинство этих внешних сетований принадлежит прошлому. Они не помогали социологии перерасти ее слабости, когда эти слабости были более очевидными, а критика – более жесткой и обильной. Критика, которую социология получает извне круга своих практиков, в силу ограничений, заданных невежеством и недоброжелательством, все еще обречена быть ограниченно полезной в ее движении к совершенству. Усовершенствования необходимы в каждом аспекте социологии, и не просто потому, что она наука и, будучи таковой, привержена постулату прогресса. Ее совершенствование, однако, неизбежно будет порождаться изнутри самого социологического предприятия, потому что только долгое соприкосновение с социологическим воззрением и пропитывание этим воззрением может заложить предпосылки для ее углубления, дифференциации, расширения и для той трансформации, которая ей требуется.

Интеллектуальная дисциплина и моральное чувство

Итак, социология выдержала нападки интеллектуальных реакционеров. Она их пережила и была принята новым поколением, более открытым в чувствах, чем его предшественники, и определенно не уступающим им в уме. Как социологии после всех ее бесплодных усилий, направленных на поиск гражданства в интеллектуальном сообществе, и несмотря на ее нынешние неопределенности и несовершенства удалось достичь своего теперь уже почти неоспоримого принятия?

Первым, самым очевидным и самым рациональным объяснением будет действительное улучшение социологии. Социология

достигла прогресса – и не просто в своем институциональном положении и финансовом благополучии. Она достигла действительного интеллектуального прогресса. Даже тот, кого нынешняя социология часто ужасает своей наивностью и незрелостью, не может не заметить признаков ее улучшения. Социология ныне богаче в своем восприятии возможностей и в своих оценках того, почему произошло одно, а не другое. Накопление систематических исследований отдельных явлений – таких как структура среднеклассовой семьи в западных промышленных обществах – и расширившееся видение возможностей, рожденное растущей интеллектуальной дружбой с историей и антропологией, принесли больше тонкости в интерпретации.

Наша эпоха Большой Лжи – это также и эпоха большей правдивости в отношении чувств; возможно, Большая Ложь побудила многих разумных людей с подозрением относиться к высокопарным утверждениям о мотивах. Психоанализ определенно этому способствовал. Какова бы ни была причина, социологи в наши дни более способны и более склонны включать в свои наблюдения переживание ситуаций, как они представляются тем, кто в них живет, прислушиваться к действительному опыту и чувствам, которые он вызывает. Уже одно это составило бы огромный прогресс по отношению к социологии полувековой давности; а за счет концентрации и дисциплины оно представляет прогресс даже по отношению к проницательности классиков.

Социология также заметно прибавила изощренности в наблюдении и в анализе наблюдения. Ее связи с более продвинутыми дисциплинами – математикой и статистикой – стали более тесными. Кроме того, она вышла из глухой изоляции, которую некогда считала необходимой для собственного самоуважения, и вошла в соединение с предметами других областей, с более весомыми темами политики и религии.

Иногда рука об руку с этим более рафинированным и реалистическим пониманием и этой более сложной технологией, иногда двигаясь в своем самостоятельно заданном темпе, шла вперед и теоретическая рефлексия. Если четверть столетия назад были рассыпаны отдельные ярких положений и имплицитная точка зрения социологического воззрения, то теперь постоянно предпринимаются энергичные усилия к объединению этих разрозненных положений и к артикуляции и выделению воззрения, которое обеспечивает это

единство. Многие социологи мучаются над *medicina forte*¹, навязываемым этим теоретическим предприятием; враждебно настроенные критики видят в нем повод позубоскалить. Однако факт остается фактом: как бы худшие ни глумились, они знают своих лучших; а теория движется вперед, навязывая себя даже тем, кто верит, что ее отвергает.

Таковы некоторые интеллектуальные основания принятия социологии. Есть и другие, одни менее восхитительные, другие – более. Популярность социологии как предмета во многих американских университетах должна отчасти быть функцией очень скромных требований, предъявляемых к интеллекту и усердию студентов значительной частью социологической педагогики; и это, в свою очередь, увеличило профессиональную социологическую популяцию и расширило аудиторию для лучшего вида социологии. Для другой – меньшей, но интеллектуально гораздо более значимой – части молодежи Америки, а также Европы социология стала заменой или дополнением марксизма. Мир практических дел, ввиду фантазий о всемогуществе науки, чрезмерного изобилия или скромного желания лучше понять ситуацию, в которой принимаются решения и совершаются действия, также поощрял развитие социологии. Он просил у нее помощи и совета, поддерживал ее изыскания и финансировал ее изучение.

Короче говоря, социология была в разной степени и по-разному принята во всем образованном мире. Отступающий арьергард ее врагов мог бы еще утверждать, что ее принятие – одна из черт общего падения ума и моральной дисциплины, проявляющего себя в потере уважения к старшим, нежелании честно изо дня в день трудиться, половой распущенности, гедонизме и других предполагаемых пороках нашей эпохи. Другие, чуть больше – но ненамного – о ней думающие, могли бы утверждать, что в ней выражен умственный хаос, охвативший тех, кто отказался от идолов племени, класса и церкви и остался один на один с собой в неизведанной пустоши мира.

Мы видим это несколько иначе. Научные, практические, политические объяснения принятия социологии – все это часть картины. Вместе с тем мы думаем, что недавнее принятие социологии – исторически уникальный феномен, соответствующий великому прогрессу человеческого рода. Социология нашла свое признание, поскольку это орган переживания более широкой жизни, жизни,

¹ Здесь: сильнодействующее средство. – Прим. пер.

простирающейся к другим человеческим существам. Это одно из важнейших проявлений протекания жизни в обществе, в котором чувство сродства людей друг с другом перешло из мыслей философов в действительный опыт, пусть даже и фрагментарный. Социология явилась как орган связей, образующих современное общество в новейшей его фазе. Социология вошла в свое нынешнее состояние, поскольку ее собственное развитие в целом соотносится с развитием сознания человечества в его моральном прогрессе. Новейшая фаза современного общества – называемая ее ненавистниками «массовым обществом» – обладает рядом ужасных черт, которые социология с ней разделяет. В ней есть некоторая расположенность к научной технократии, и социология не совсем от этого в стороне. Ее вульгарность на порядки заметнее, чем в более иерархических обществах прошлого; и социология разделяет с ней эту вульгарность. В ней есть свои глубокие и жестокие отчуждения в виде коммунистических, фашистских и национал-социалистических партий и их попутчиков; социология, вне всяких сомнений, причастна к этому отчуждению, упивается им и даже вносит в него свою лепту.

Тем не менее это далеко не вся история. Современное общество, особенно в позднейшей его фазе, – характерно консенсусное общество; это общество, где личные достижения играют большую роль, чем в большинстве обществ прошлого, где ценится индивидуальный человек и есть забота о его благополучии – не просто в ветеринарном смысле, а в смысле нравственной личности. Гуманизм нынешней эпохи, выходящий за границы национальных обществ; растущее признание, а также требование морального равенства рас; политика благосостояния государств и их грезы о благосостоянии; само желание угождать; большая забота о правах живущих, чем о притязаниях мертвых, – все эти черты сегодняшних западных и во все большей степени современного сектора незападных обществ демонстрируют нам заботу о счастье индивидуального человека и ценность морального достоинства его внутренней жизни.

Социология в своем развитии движется почти параллельно этому глубокому и широкому речному потоку современной жизни. От далекой и почти полицейской заботы о «положении бедных», от заботы о численности населения как о ключе к национальному богатству и могуществу, от желания «сорвать маски» и развенчать надежды и фантазии человечества социология пришла к фундаментальной ориентации – присутствовавшей в зачаточном виде в

классике и ныне предварительно разрабатываемой в доминирующем направлении социологической теории, – которая ценит не просто животные или механические свойства человека, но и его когнитивную, нравственную и восприимчивую человечность. Это соответствовало, в названных категориях, процессам развития во всех морально и интеллектуально восприимчивых частях человечества. Социология – часть этого роста человечности.

Эта ориентация манифестирована как в технике социологии, так и в ее теоретической ориентации. Популярность интервью – не просто продукт научной необходимости. Это также и акт человеческой конвивиальности. И тут и там ценится глубинное товарищество людей – то, что Франклин Гиддингс давным-давно, еще не зная вполне, о чем он говорит, назвал «сознанием рода». Базовая техника социологического исследования – интервью, – несмотря на все ее искажения и порчи в исследованиях рынка, является одним из способов, которым выражается это товарищество. Книги, которые получаются из этого вида исследования, – плоды сотрудничества в гораздо более важном смысле, чем в смысле широко практикуемых исследовательских команд. Разработка теории действия – это утверждение основ конвивиальности. Она берет человека как объект социологического исследования через акт общения между объектом и субъектом. Этот акт общения признается через выдвижение категорий личности, общества и культуры, которые так же применимы к аналитику, как и к анализируемому объекту, так же применимы к акту анализа, как и к анализируемым действиям.

Социология в ее нынешнем виде есть слияние множества традиций, интеллектуальных и социальных. Она проистекает из эмпирического инвентаря, впервые разработанного в Великобритании в XVII–XIX вв. Она проистекает из немецкого идеализма, из французского позитивизма и из британского утилитаризма. Она не была бы возможной без педантичной систематизаторской традиции немецких университетов и открытого, авантюрного беспорядка американских университетов. Ее не могло бы быть без гуманитарного гуманизма современного общества, без фундаментальной моральной революции, провозгласившей, что «самый последний бедняк в Англии должен иметь возможность прожить такую же жизнь, как и самый могущественный человек». Она не могла бы возникнуть без эмпирических исследований, зачастую казавшихся никуда не ведущими и тем не менее игравших важную роль в обо-

стрении нашего чувства социальной реальности и в подготовке нашей восприимчивости к новым опытам.

В каком-то смысле предпосылками нынешнего улучшения социологии были ее внутренняя нескладность и академическая изоляция. Первая дала ей многообразие опыта и настолько аномальную разнородность, что из этого родилась потребность в единстве. Последняя поместила ее в поток традиции, в которой единство было ценным объектом устремлений.

В Германии только в схематичной работе Макса Вебера эта интенция к объединению увенчалась хотя бы частичным успехом. Этот успех, каким он был в его случае, был достигнут постольку, поскольку он вырос из матрицы действительного интеллектуального опыта эмпирических и исторических исследований и направлялся суждением и восприимчивостью одного из самых могущественных умов и одной из самых страстных личностей своего времени.

Социология ныне начинает осуществлять некоторые из возможностей, заложенных Максом Вебером, Дюркгеймом и Фрейдом. Воззрение и диспозиция, на которых держится более единая и реалистичная социологическая теория, постепенно обретают более ясную форму. Они все еще несовершенны. В попытках эксплицитной формулировки, в неустанных попытках справиться с эмпирическими наблюдениями, к которым она зовет, в пробелах и на границах таких формулировок вызревает общая ориентация. Сегодняшняя жизненность социологии и надежда на ее прогресс кроются в этой ориентации. Они существуют в протосистеме озарений, частичных положений, с трудом завоеванных и часто мучительно разрабатываемых категорий и, прежде всего, культивируемых восприимчивостей, из коих все это проистекает. Рассудочные достижения, полученные на данный момент, как бы важны они ни были, ничто по сравнению с этим.

Оформление этой ориентации – до сих пор главное достижение социологии. Ее строго научно установленные общие истины все еще очень немногочисленны, и они не находятся в центре социологической мысли. Достижения социологии в конкретных описательных исследованиях тоже более важны для общей ориентации, которую они во все более утонченной форме экзemplифицируют, чем для отдельных деталей, ими передаваемых, которые сами по себе представляют часто лишь преходящий интерес.

Общая ориентация – не цель социологической теории; но это самый важный побочный ее продукт и предварительное условие.

Социологическая теория не смогла бы ни в нынешнем, ни в любом мыслимом будущем своем состоянии от нее избавиться. В то же время один из самых плодотворных методов обогащения и стабилизации этой общей и негласной ориентации состоит в неустанном усилии быть систематически и со всей отчетливостью теоретичными.

Социология и наука

Социология родилась в научную эпоху, но не была творением научного духа. Проблемы социологии – старые проблемы; по крайней мере, фундаментальные проблемы старше научной эпохи. Они воспринимались и выдвигались без мысли сделать их научными в нынешнем смысле слова – хотя научные метафоры времен их зарождения входили в их формулировку. Фундаментальные проблемы условий установления и изменчивости порядка, условий эффективности авторитета, вхождения индивидуального организма в культуру и коллектив – все существенно старше современного научного мировоззрения. С вступлением в научную эпоху они остались собственными проблемами социологии. Попытки извлечь общие принципы или законы из частных наблюдений и конкретного опыта и делать это в рамках некоторой интеллектуальной традиции, конечно, старше научных исследований, какими мы их сегодня знаем.

Тем не менее, на пользу или во вред, социология находилась под колоссальным влиянием научного образца. Преимущества, полученные ею от научной среды в современной культуре вообще и в университетах в частности, были бесценны. У науки она переняла добродетель дисциплины. Она научилась критиковать качество своих наблюдений. Она научилась контролировать и упорядочивать свое наблюдение – переняв не только специфические техники, но и, что даже важнее, идеал отстраненного, беспристрастного наблюдения. Она научилась кропотливо отбирать объекты своих исследований; она усвоила преимущества спецификации категорий событий, подлежащих исследованию, и стабилизации исследовательской процедуры. Она усвоила плодотворность дисциплинированной, рутинизированной оценки данных, собираемых через направляемое правилами наблюдение.

Из науки социология почерпнула идеал теории, тесно, диалектически и систематически связанной с ее наблюдениями. Все это колоссальные приобретения; и в той степени, в какой социоло-

гия стала наукой, она сделала это, соизмеряясь со стандартами, усвоенными и адаптированными из преобладающих наук.

Поскольку наука – это связный корпус эмпирически подтвержденных положений, сохраняющих свою устойчивость в особом теоретическом каркасе и поддерживающих этот каркас, социология сегодня не наука. Эмпирически верифицированных положений на низком уровне отдельных частных много; по мере восхождения к общему их становится меньше – не потому, что структура любой науки этого требует, а в силу недостаточной связности аналитической схемы, явно или неявно направляющей эти исследования, и потому, что исследовательские техники до сих пор остаются недостаточно хорошо адаптированными к наблюдению более абстрактно сформулированных переменных.

Ввиду этого и теория не стала в достаточной мере артикулированной и эксплицитной. Разрыв между общей теорией и действительным наблюдением все еще значителен, хотя социологическое воззрение, заключенное в теории, выходит за пределы эксплицитной теоретической формулировки и все больше проникает в исследовательскую деятельность. Социологическое воззрение, между тем, по крайней мере столь же двусмысленно, сколь и существующая теория; и задача установления точного соответствия «терминов-индексов» и «терминов-понятий» все еще очень и очень далека от завершения.

Таким образом, в своих процедурах наблюдения и «обработки данных» социология начала приближаться к состоянию науки, хотя даже на уровне частных результаты ее работы слишком часто остаются неопределенными, а проблемы деформируются избыточными техническими пристрастиями. Именно в своих связях с теорией социологическое исследование менее всего удовлетворительно с научной точки зрения. Сама социологическая теория не научна ни в смысле обеспечения исследований точной направленностью, ни в смысле точной направляемости ее самой результатами исследований. По своему внутреннему устройству социологическая теория тоже не очень научна; и это в равной мере относится и к общей теории, и к тем теориям средних принципов, которые кое-кто из критиков общей теории предлагает как наилучший путь в сторону науки.

Несмотря на эти критические замечания, следует признать, что с годами социология стала более научной, так что она, некоторым образом, не только ублажает научного идола, но и являет подлинный интеллектуальный прогресс. Каждое десятилетие послед-

него полувека видело нарастающую солидность. Наблюдения производятся лучше; изобретаются и применяются новые, лучшие техники наблюдения; теория становится более всеохватной и более дифференцированной; отдельные исследования больше подчинены социологическому воззрению, вскормленному теоретической рефлексией. Этот прогресс — не просто количественное нарастание от десятилетия к десятилетию научных свойств.

Растет также и преемственность, и источники вдохновения становятся более консолидированными и более влиятельными. Социология все больше становится коллективным предприятием. Мы имеем в виду не факт организованных исследований в команде, а тот смысл, в котором социологи — одинаково теоретики и исследователи частных проблем — обрели себя как членов сообщества, вовлеченных в большое общее дело. Ни один социолог в наши дни не считает, что начинает с нуля или что его работа — последнее слово на ту тему, которую он рассматривает. Есть *virtuosi*, но они занимают свое место в традиции изучения своего предмета. Их достижение состоит в углублении его толкования, в его расширении и укреплении, а не в каком-то совершенно отдельном от всего акте творчества. Их чувство ответственности за будущее предмета, вырастающее из его прошлого, есть качество, которое подводит социологию ближе к науке, чем это было в период обособленных интеллектуальных достижений, когда было много стартов — иногда ложных, иногда истинных, но большинство из которых ни во что не выливалось. Кумулятивность, построенная на самопересматривании и самоуглублении, существенна для науки; и сегодня она стала характерной для социологии. В какой-то части это результат размещения ее центра в мире университета, делающем основной упор на дисциплинированную преемственность. Кроме того, это результат расширения интереса и симпатии, а также более острой потребности в единстве в центре этих разросшихся просторов. Традиции социологии теперь уже не так дискретно гетерогенны, как это всегда было в прошлом. Социология одновременно и более разностороння, и менее эклектична, чем прежде. Среди наиболее творческих работников в этой области и их наиболее продуктивных последователей никоим образом нет полного консенсуса; но формирование приблизительного консенсуса, необходимого для определения истинно научного сообщества, уже полным ходом идет, и возможности его роста, несомненно, еще не исчерпаны.

Нет ничего в природе предмета социологии, что не позволяло бы ей стать более научной, чем сегодня. Сам факт, что социоло-

гия за прошедшие полвека проделала такой прогресс к состоянию науки, свидетельствует о том, что этот предмет допускает прирост научного компонента в его трактовке. То, что было достигнуто в прошедшие полвека, делает разумно вероятным, что в следующую половину столетия научные черты социологии станут в этом предприятии более важными. Станут ли они при этом также более центральными – это уже другой вопрос.

Представим, что со временем социологии удастся сформулировать и доказать законы, имеющие универсальную валидность, – подобных которым она пока не знает. Поместило бы это социологию в круг естественных наук? Отсекло бы это всякие ее связи с гуманитарными дисциплинами? Наоборот, это показало бы, что конвенциональное различие между научными и гуманитарными дисциплинами плохо продумано. В лингвистике вычленение универсальных регулярностей пошло дальше, чем в социологии. Но делает ли это лингвистику менее гуманитарной, чем социология? Так было бы лишь в случае, если бы природа предмета не имела значения, а логическая структура системы положений и степень их подтверждения служили решающими критериями, разграничивающими научные и гуманитарные дисциплины. Социология никогда не смогла бы стать просто естественной наукой вроде физики или астрономии, даже если бы ее логическая структура стала неотличима от логической структуры физики или астрономии. Природа базовых категорий действия не допускает *полного* отождествления, хотя и не стоит на пути тождества логической структуры или даже приблизительно равной меры надежности доказательства.

В чисто когнитивном отношении социология могла бы стать наукой, подобной любой другой науке, и она вполне может таковой стать. Однако социология – не чисто когнитивное предприятие. Это еще и моральная связь между изучаемыми людьми и исследователем людей. Это легко увидеть в ситуации полевого исследователя, который должен установить отношения доверия со своими информантами и информаторами, должен вызвать чувства вроде дружбы и привязанности в них и в самом себе. Естественно, должен быть и немалый элемент отстраненности; иначе когнитивный интерес будет подавлен неизбежной конвивиальностью. Проблемы, поднимаемые этой связью, социологи еще не решили, но они не могут с легким сердцем ими пренебречь.

Это касается не только процедуры социологического исследования, но и результатов исследования тоже. Сообщение резуль-

татов исследования – действие, оказывающее воздействие на мнение. Оно естественным образом нацелено на то, чтобы повлиять на мнение других социологов; намеренно или нет, оно будет также воздействовать на мнения и действия других лиц, включая те классы лиц, с которыми исследование имеет дело. Но это, как говорили некоторые авторы, не обесценивает сообщаемое положение. Это положение остается истинным, если оно было истинным, когда впервые было озвучено. Вместе с тем оно поднимает вопрос о правильных формах социологической речи о живых людях и о текущих событиях.

Логическая структура социологического положения не могла бы быть затронута этими замечаниями. Социология – не только наука; это в то же время риторика, направленная на открытую ситуацию. Риторика социологии в очень серьезном смысле требует меж тем большей осторожности, чем до сих пор в ней соблюдалось. Позитивный исход такой рефлексии неясен; но я совершенно уверен в том, что риторику естественных наук, не находящихся в коммуникации с данными их исследований, придется в значительной мере пересмотреть для целей социологии. Это в одинаковой степени относится и к отчетам о самых конкретных исследованиях, и к абстрактным теоретическим трактатам, и в не меньшей степени к теориям среднего диапазона.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

(Продолжение следует)

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vn1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vn1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2026 № 1

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Р.Р. Абдрахманова

Подписано к печати 28.05.2026 г.

Формат 60×84/16

Цена свободная

Усл. печ. л. 9,0

Уч.-изд. л. 7,3

Тираж 300 экз.

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: 8(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6